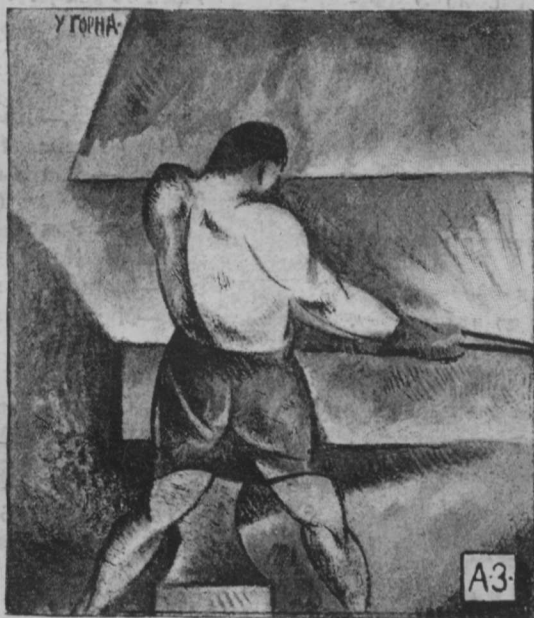

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГОРН

КНИГА 1-(6)

П 35
У 55

ВСЕРОССИЙСКИЙ
ПРОЛЕТКУЛЬТ
1922

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Передовая	3	25. Б. Кушнер.—Музыка и труд	110
2. А. Соколов.—Фонарщик, стихи	7	26. С. Григорьев.—Новая фабрика	113
3. А. Архангельский.—Из „Радио-поэмы“, стихи	—	27. Семен Родов.—Ответ С. Григорьеву	116
4. Р. Эйдеман.—„Летучий голландец“, стихи перев. с латышск.	8		
5. А. Макаров.—О весне, стихи	9		
6. А. Запольский.—Под стук колес, рассказ	10		
7. Ю. Добрынин.—Уход Мавры, рассказ	12		
8. Б. Юрцев.—Восстание, инсц. по Э. Верхарну	15		

Вопросы культуры.

9. В. Плетнев.—Современный момент и задачи Пролеткульта	20
10. И. Кан.—Три типа культур	28

Экономика и общественность.

11. И. Трайнин.—Генуэзская конференция	37
12. С. Зандер.—Экономика и политика	48
13. В. Базаров.—Проекты и опыты социализации народного хозяйства в Германии	57
14. К. Ш.—Непреложная хвала капитализму	65
15. В. Плетнев.—Новый фронт	67
16. Ко всем пролетарским писат. Р. С. Ф. С. Р.	73
17. Г. Г.—Письма из Петербурга	74

Наука и труд.

18. М. Пиолунковский.—Наука и труд	77
19. В. Перцов.—Современные задачи науки о труде	80
20. К. Кекчеев.—Как производится выбор профессий за границей	82

Профессиональное движение.

21. М. Полин.—Культурно-просветительная работа профсоюзов	85
22. Р. Гинзбург.—Рабочие клубы при новой экономической политике	94

Искусство.

23. В. Смышляев.—О рабочем театре	103
24. Б. А.—Отражать, подражать или строить	107

За рубежом.

28. Пролеткультовское движение на западе	121
29. Италия.—Институт Пролеткульта	—
30. Германия.—К друзьям и членам пролетарского театра	127

Критика и библиография.

31. Скариффикатор.—Этапы развития латышской пролетарской поэзии. 32. И. Пчелинцев.—Романы А. Библика. 33. С. Оленев.—И было (из старой хроники). 34. Семен Родов.—Изнемогающая вялость. 35. Кл. Лаврова.—Федор Сологуб.—Заклинательница змей. 36. П. Яровой.—Михаил Герасимов.—Негасимая сила. 37. Семен Родов.—Перебежка зарниц. 38. Семен Родов.—В урагане. 39. С. Обрадович.—Октябрь. 40. С. О.—Г. Чулков.—Стихотворения. 41. Ск.—Ладис-Судрабс.—Последний бой. 42. Б. А.—Ю. Н. Дрейзен.—Музыка и революция. 43. В. Б.—Молодая Гвардия № 1—2. 44. Кл. Лаврова.—Твори № 3—4. 45. И. Пчелинцев.—Зори Грядущего № 1. 46. W.—Жизнь № 1. 47. Фиделио.—Свиток № 1. 48. А. Б.—Творчество № 7. 49. Мак.—Ф. Коршунов.—Песнь о погуби Киева	129
--	-----

Жизнь пролеткульта.

50. Московский Губпролеткульт. 51. Тульский Губпролеткульт. 52. Рыбинский Губпролеткульт. 53. Тверской Губпролеткульт	151
54. 4-я Московская Губконференция Пролеткультов	155
55. 2-я Культконференция М. Г. С. П. С.	159

Объявления.

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЗС
155

ГОРН

КНИГА 1 (6)

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Год издания 5-й

ИЗДАНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО И МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТОВ
МОСКВА □ 1922

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция „Горна“, учитывая все возрастающее стремление товарищей рабочих составить себе отчетливое представление о революционно-творческих движениях нашего времени, разобраться в сложных явлениях нашей действительности, выяснить свою собственную роль и значение, как класса, в процессах творческого преобразования жизни,— решительно меняет с настоящего номера общий характер журнала.

Тяга ко всестороннему и целостному знанию овладевает самыми широкими пролетарскими массами и неуклонно просачивается в самую толщу его.

Процесс этот, однако, очень медленно разворачивается: задача передовых отрядов пролетариата—ускорить этот процесс осознания современной действительности. Точно учесть скрешивающиеся в ней силы, ясно понять общую линию ее развития—необходимо для того, чтобы участие пролетариата в творчестве жизни было сознательным и планомерным, для того, чтобы пролетариат овладел орудиями ее преобразования.

В числе орудий—одно из первых—организующая сила печатного слова.

Редакция „Горна“ намерена в виду этого выйти далеко за пределы литературно-художественного материала, который составлял раньше главное содержание журнала, и в дальнейшем значительно расширить круг вопросов, освещаемых на его страницах.

Сложна и многогранна борьба пролетариата, многообразны проявления его творчества и не укладываются они полностью в рамки только экономических или только политических или узко-культурных вопросов; фронт против буржуазии в борьбе за социализм идет сплошной, непрерывной линией. На всех гранях жизни скрешиваются классовые противоречия.

Чтобы меньше терпеть неудач, легче оправляться от поражений и быть всюду победителем, пролетариат вынужден вырабатывать свой

особый классовый подход, пользоваться своей особой классовой точкой зрения на явления жизни, на ее практические и теоретические задачи и достижения.

В круг интересов рабочего класса входят вопросы самой техники производства, протекающего в условиях капитализма как классического, новейшего, так и послевоенного; существенно необходимым является изучение новых методов организации труда и управления; неоспоримо потребно иметь отчетливое представление о разных типах сотрудничества, о группировках, как внутри самого рабочего класса данной страны, так и о взаимоотношениях между пролетариатом отдельных государств.

Не менее важно для пролетариата быть хорошо знакомым с различными группировками внутри самой буржуазии, уметь отчетливо разбираться в идейных течениях, господствующих среди интеллигенции. Последнее особенно важно теперь у нас, в России, когда в связи с новой экономической политикой в стране растет волна мелко-буржуазной стихии, питающейся, с одной стороны деревенским крепким кулаческим индивидуальным хозяйством, а, с другой — городской спекуляцией и неизбежно выдвинувшимся к руководству производством слоем прежних технических спецов, далеко не изживших своей старой капиталистической идеологии и психологии. Интеллигенция, в подавляющей массе своей враждебная строительству подлинного социализма, чувствует себя в условиях новой экономической политики вновь окрепшей, пробует свои силы, организует свой особый — и очень серьезный — идеологический фронт против пролетариата (организация адвокатуры, профессуры, врачей). Это требует отпора. И надо хорошо знать врага, его сильные и слабые места, чтобы успешно обороняться и нападать.

Завоевания науки, ее стремительный рост и расцвет, ее могучие революционные тенденции, порой в корне ломающие установившиеся веками воззрения, должны и найдут отклик на страницах нашего журнала. Не могут и не должны быть обойдены вопросы искусства в многообразных его проявлениях.

Нет ни одного явления жизни — к какой бы сфере опыта оно ни относилось, к которому пролетариат мог бы оставаться безразличным.

Все должно быть взято в поле его классового зрения, и задача его сводится к отбору ценного и к устранению не нужного или вредного. В горне своего классового самосознания, в пламени своей практики он должен переплавить старые ценности, огнем марксистской критики выжечь все негодное, старое, корнями своими уходящее в мир эксплуатации

и порабощения, отбросить шлак и чуждые его классовой природе примеси.

Однако в возможном обилии материала редакция будет отчетливо выдвигать некоторые наиболее важные моменты.

Это, во-первых моменты, характеризующие революционную активность пролетариата, непосредственно направленную против господства буржуазии. Борьба эта протекает в масштабе международном, и в том же разрезе будет освещаться и деятельность рабочего класса.

Во-вторых — не менее бережно будут отмечаться не только его революционно-боевые достижения, но и его активно-творческие, положительные, созидательные задачи, не только частичные — хотя бы и грандиозные — но и целостные, всеорганизационные, относящиеся к экономике или политике, к области как идеологии, так и культуры в широком смысле этого слова.

В-третьих, редакция и сотрудники приложат все свои усилия к тому, чтобы расценить сложную нашу действительность под углом зрения социалистического строительства, и попытается всем направлением журнала и рядом особых статей определенно выдвинуть основную, исторически важнейшую всеопределяющую задачу, стоящую перед пролетариатом, — задачу мировой, планомерной социалистической организации производства. В связи с этим отчетливо будет проводиться мысль о необходимости всесторонней самоподготовки пролетариата к выполнению этой его исторической миссии, о том, что усилия должны быть направлены на изыскание кратчайших, наиболее экономных путей для решения этой задачи, что ему следует систематически и углубленно развивать свою производственную сознательность.

Сотрудники и редакция рассчитывают выполнить намеченную программу, дав соответствующий материал в строго-научной марксистской и в то же время популярной форме. Журнал надеется овладеть вниманием и доверием пролетариата в его целом, найти друзей в рядах тех, кто в тяжелые годы гражданской войны защищал подступы к молодой Республике Советов, встретить сочувственный отклик в рядах нарастающей молодой пролетарской интеллигенции, слушателей рабочих факультетов и в среде Коммунистического Союза Молодежи.

В высокой степени желательным является не только простое пассивное сочувствие наших читателей, но и их активное участие в самой жизни журнала. Будучи в самой гуще читательской массы, они легче и быстрее могут уловить, чем живет рабочая масса в данный момент, что ее вол-

нует, на какие вопросы нужны срочные и ясные ответы. Корреспонденции с мест, разного рода указания, заметки и статьи, идущие из кругов читателей, это то, что мы жаждем иметь от наших читателей. Следует раз навсегда разрушить условные перегородки, разъединяющие журнал от его читателя; в этой области, как и во всех других, в которых участвует пролетариат, все должно идти под знаком коллективного творчества и товарищеского сотрудничества. Лишь при этих условиях журнал может быть жизненным, свежим, интересным, отвечать запросам классовой борьбы и классового творчества пролетариата.

Более углубленной теоретической постановке и решению тех же вопросов будут отведены страницы основного журнала нашей организации „Пролетарская Культура“.

Редакция.

Художественная литература.

Фонарик.

Как в саже в сумерках запачкан,
Синея блузой выходил
За паровозной водокачкой
Фонарик желтый засветил.
Потом вершину семафора
Зажег. Все чаще вспых и блеск
Над сетью рельс и у забора,
Огня стекольный переблеск
И на мосту и на вокзале.
Развесил звезды фонарей.

В потемках груды засияли
Электроглазых этажей.
Посмотришь вверх и там сверканье
Какая россыпь там и тут.
Могу ль не вспыхнуть ликованием
Когда я рад его труду.
А он большой плечистый синий
За город далеко шагал,
Шел по мостам железных линий
И звезды, звезды зажигал.

Алексей Соколов.

Из радио-поэмы.

Не обруч бумажный,
Гроном пушек
Разорваны страны в семнадцатый год.
На прессованном ложе перин и подушек
Покойного сна
Ни у кого.
Стоглазым лицом на площади митинг.
Солдатских шинелей серый круг.
Ораторы!
Красные нити
На Восток
На Запад
На Север
На Юг!
На грязной соломе товарных вагонов
Гонцы небывалых северных вьюг.
Зовы Октябрьского гонга
На Восток
На Запад
На Юг!

Просторы чужих полей оросила
Кровавым дождем старая Русь.
Разорвала злую игру
Советская Россия.
Разорвала стальное кольцо
В мире одна.
Метнулась старой Европе в лицо
Красным Знаменем.
Упрямым оратаем
Мир перекопан.
Упорным сеятелем зерна в новь.
Старого мира Перекоп
Оросила рабочая кровь.
Раскаты гроз,
Мятельные свисты.
Каждое сердце —
Огненный свет.
Вы — коммунисты —
Воины и поэты!

Александр Архангельский.

„Летучий голландец“.

Р. Эйдеман.

С латышского.

Мы первыми долг исполнили свой
И сбросили власть капитана,
И вышли в море на смертный бой,
Гордо выкинув знамя.

Вам
Желтые, черные, белые и коричневые
матросы,

Вам
Грузчики с серыми от голода и пыли
лицами,
Несущим кули в элеваторы мировых ка-
питанов,

Мы кликнули: братья! —
— Пираты, пираты!

Вспыхивали
Красные языки
Орудий судов мировых капитанов.

Потому, что мы были те, кто в недра
старого мира бросили гранатой свое
неотразимое «долой»!

Потому, что мы были те, кто сказал:
товарищи, братья,
Видите пароходы, склады, города, ма-
стерские, — то ваше, то ваше добро.
Каждая балка, бревно и камень за-
креплен волокнами мускулов ваших
рук.

Мы боролись. Падали в крови. Под-
нимались. Твердые. Сталь.

Гранит.
И когда завывал над нами огонь ура-
ганный,

Мы знали: пусть,
Должны услышать. Братья наши услы-
шат.

Мы победили.
Заставили отойти к горизонту корабли
старого мира.
Теперь они стоят там наподобие вели-
канов-зверей, облизывающих свои
разорванные в крови лапы и ждущих
нашей агонии час.
Братья, где вы? Вы слышите, бра-

Наш корабль пострадал в боях и бурях,
Наши запасы иссякли:

Сегодня полфунта муки с морской тра-
вой, завтра — четверть. Запыленные
временем крысы и те не находят пи-
щи. Рвутся с подвалов вверх, на
самые мачты.

Они громоздятся и пляшут над головами
людей,

Или,
Повесив хвосты,
Толпою видений злых — сверкают гла-
зами:

есть.

Слушайте, слушайте пенье крыс:
Какой хороший был капитан,
Были мука и вкусное сало,
В подвалах тепла и места хватало,
О доброхот был старик капитан!
Вот как поют они, злобно сверкая гла-
зами.

Мелкими, но острыми, как сталь, зубами
грызут они дно корабля, стремятся
добиться того, чего не в силах были
сделать орудия капитанов старого
мира.

В корабле открылась течь,
Корабль идет ко дну.
В гавань!
Назад!

Так кричат они, качаясь над голо-
вами матросов.
Они стремятся заставить нас опустить
знамена и возвратиться в оставлен-
ный порт

В гавань?
Кто осмелился, кто дерзнул произнести
это слово?
Нашел ли в ком отклик этот призыв?
Не нашел?
Тогда мы невредимы и целы.
Тверды. Железо. Гранит.

Перевел Р. Sviris.

О весне.

На мостовой весенние промоины,
 А солнца молот с горяча
 Бьет...
 И свет, и тень раздвоены
 Жгет лицо
 Осколочек луча...
 Ну и весна — такая силища,
 Загар и жар и пыл
 Взмесила кочергой
 И грязь и снег смывала в дырищи
 Как тряпку жала на сухо
 Гранит тугой...

Ну и
 Баба, думали прохожие,
 Веснушата в локти рукава...
 А она царапалась в рожи им, —
 В плечи, в вихры
 И давала солнцу доковать.
 Но прохожие спокойно
 Будто спят;
 Переступали ручейков быстринки,
 Только слышно под ногами хрустят,
 Солнцем высосанные льдинки.

Там, — где река гремющая струна
 Бурлит в граниты все кипенье;
 Стоит завод, туда весна, —
 В машинное отделение.

Где окон голубой свет зачах,
 Затерт,
 Давно немыла прачка,
 Вдруг дернет за рычаг,
 И шумы стоп,
 В дверях шепнули — стачка...

Потом притихла за фасадом
 Лишь билась юбка на ветряке,
 Ушла...
 И льнула синим взглядом
 По окнам строгим Вычеки.
 Из углов кивали ей эсэры...
 Пять минут стоял завод...
 А рабочие ее калили в сердце,
 В легкие, в печенки, в рот.

Вдруг стыд заел глаза;
 Весна над тумбою оселась,
 Кнутищем шлепнул в спину ломовой,
 И совесть выперла

И баба раскраснелась.
 Поджаривался камень мостовой.
 Растаял день наядрили туманы
 Плотно синие.
 Хоть верстною пилой пили.
 Курнул автомобиль, угар бензиновый
 Кудыча непрестанно
 Влюбленным у ворот
 Дыханья запылил.
 И грохнул по мосту...
 Весна спустила звездный фартук;
 Мотор, раскручивая рысь
 Сразбегу в бабу шваркнет
 И застучал по звездам ввысь.
 И долго-долго до рассвета
 Клубилась млечная пыль...
 Через день
 Помянуто в газетах:
 Номер 5 пропал автомобиль.
 О шоффере взгрустнулась мать Ульяна
 На ней кофта из пахучего льна,
 Слоновьи ноги в сыньих будах...
 А он,
 Рассказывал удивленным марсиянам
 Что золотопогонная волна
 Разбилась об утесы революции.
 «Марсияне стремите моторы вниз;
 Нечего полночи слушать,
 Земля самый лучший горнист,
 Стихиями выкормила души».
 И долго б говорил, вытряхивая ку-
 раж;
 Слова подкидывая броском,
 Весна кричит — «на землю марш
 Вozить Наркома в Совнарком».
 Прохожие спокойно
 Будто спят;
 Переступают ручейков быстринки,
 Только слышно под ногами хрустят
 Солнцем высосанные льдинки.
 Весна, завод, автомобиль
 Мчат;
 По млечной поросли,
 Сквозь вечности звездную пыль
 С удвоенной скоростью.

Александр Макаров.

Под стук колес.

Дышит жаром солнце—обжигает. Высоко, в стоге сена купается Андрей Костюк, а с ним рядом Ганка. Сено—свежее, мягкое, душистое. Отдыхают оба после работы... У Андрея щеки выпалые, брови узкие, черные, стрелками разбегаются.

Смотрит на Ганку, улыбается.

А Ганка вся в сено зарылась, только нога торчит—голая до колена.

Растрепались косы—в волосах солома.

— Не годишься никуда—ишь запыхался...

— Посмотрела бы, как там, в мастерской работал...

— А что—только измажешься в сажу да копать.

— Чего в сажу?

— Ты руки свои покажи...

— Ну, видать сразу.

— Чего?

— Ничего...

— И зачем ты приехал к нам?

— Хозяина расстреляли, а машину остановили... Вот и приехал.

Печет солнце вовсю. Икры у Ганки крупные; кожа густым загаром покрыта.

— Пусти, не трогай... Чего я те далась? Вот смотри—поле ровное, далекое, куда не посмотри—до неба тянется.

— Так что?

— Вот и пойдя от меня, куда хочешь...

Загляделся Андрей. На серой ленте дороги черные пятна движутся, а по сторонам и в хвосте языки дымчатые.

— Ишь задумался—должно милую там оставил... А она у тебя тоже такая?

— Какая?

— На небо просится...

Смотрит Андрей на Ганку долго, пристально, а в глазах боль остановилась.

— На небо?.. и откуда такие люди берутся?

— Э-эх! посмотрела бы ты!

— Стучит машина, валы кружатся, а на бумаге узоры разные ложатся, цветы красивые большие, то белые, то красные, фигуры, полоски... И не один работаешь... Много народу—все как по заданному. Так и мелькают руки, так и мелькают. И хорошо... Легко, вот так все разом... Не устаешь, как здесь... в одиночку...

Задумалась Ганка...

— Чудной ты какой! Тебя и не поймешь сразу...

Порывисто вскакивает с места она, а сено во все стороны разлетается. Бросает горсть прямо в лицо Андрею и с криком прыгает вниз. Только подол юбки мелькнул.

— Ганка, Ганка!

А Ганка бежит по дороге... уже далеко она и ног ее совсем не видно из-за пыли.

«Задумал Митюха жениться, а тетка Матрена бранится... Лю-ли, лю-ли бранится». Дмитрий Косоухий посреди улицы идет, и ноги подкашиваются. Хотя солнце еще сильно жарит, а он с непокрытой головой; картуз в руке держит. Хочет Андрей в стороне мимо его пройти незамеченным. Не любит его. Вдруг пьяные глаза на нем останавливаются.

— Стой!

Дмитрий круто поворачивается, идет быстро к Андрею.

— Я скажу тебе что-то.

Хочет идти в одну сторону, а ноги в другую.

И он сердится и ругает кого-то. Тогда Андрей нехотя идет к нему навстречу.

— Слушай брат, а я вчера ночью Ганку с Федькой видел. Хотели спрятаться, да я их заметил—глаза у меня хорошие...

— Ну, да?

Вздрагивает Андрей, сдергивает с плеча руку Дмитрия.

Зашатался Дмитрий, чуть было не упал. Рассердился.

— Чего ты? Тебе дело говоришь, а ты толкаешься...

— Врешь ты!

— На те крест! Я забором шел, слышу—шушукаются, шушукаются. Глянь в сторону, а они шмыг в калитку...

— Это Федька?

— Он, говорю тебе.

У Андрея вдруг глаза узкими стали, за скулами спрятались.

— Я им: «Федька! Ганка!» А они хоть бы что... ни гу-гу.

— А... а!.. протянул Андрей. Голова в плечи ушла, а вся кровь к сердцу хлынула, даже тяжело дышать стало. И зубы заскрежетали.

— Послушай, ты вправду, не шутишь?..

Заговорил быстро, шепотом.

Держит Дмитрия крепко за косоворотку и смотрит в упор, будто насквозь хочет увидеть.

— Не шутишь?

— Чего шутить?

И Дмитрий подается весь к Андрею, лезет губами прямо ему в лицо.

— У меня нож есть... хороший, недавно юточил... Как тронешь, так до кости... до косточки... А Федьку не мешает; он всех девок отбивает. На!..

Дмитрий долго роется за поясом, достает оттуда что-то, заматанное в тряпку...

— На... А потом отдашь!

Андрей глядит исподлобья...

Бери, бери!.. чего боишься?..

Заныло, защемило... И с ярко горящего солнца посыпались точки черные... Миллионы. Дмитрий идет уже вдоль забора, идет слегка, пошатываясь. Сооб-разил и картуз на голову одел.

«Куда тебя черти носили, мы б тебя дома женили»...

Андрей, согнувшись и крадучись, приблизился к плетню со стороны двора и заглянул в щель. На скамье чернеют две

фигуры. Назойливо лезут в лицо и в глаза влажные листья бурьяна. А вырвать его, пригнуть к земле—спугнешь шелестом... И он терпит. Голос знакомый, тихий. Слов разобрать нельзя... Вдруг замолкли.

Рвут тишину глухим отрывистым лаем собаки. Вдали где-то моргает бледно-красный повиснувший в темноте огонь, и лучи его, длинные, острые то лезут в глаза, то вдруг отпрыгивают и делаются короткими... короткими... Выдвинута вперед нижняя челюсть—злобно прикушена губа. В щель напряженно смотрят глаза—будто скошены, даже болят. Андрей водит пальцем по острию ножа. Медленно, осторожно, чуть-чуть, касаясь... И мелкая зудящая дрожь пробегает по телу.

А шорох и шопот движений вонзается сильно упорно... И гудит кровь — не дает слушать; раз, два, три, четыре...

«Перегнуться через плетень и размахнуться в бок... А ее?

И ее заодно... Минуту выбрать только»...

Медленно водит Андрей пальцем по острию ножа... А в глазах искры зеленые...

И вдруг резко пронзительно врезывается в тишину визгливый отчаянный свист, и отдается отчетливым эхо вдали.

А затем явственно, мерно, будто совсем близко застучало: трам-та-там, трам-та-там... Андрей весь в сторону подается.

«Поезд пришел на станцию». Мелькнула мысль, мелькнула и погналась тотчас же за стуком колес. А они заторопились, зачастили, запрыгали...

«Стучат, как у нас—на фабрике»,—подумал Андрей.—«Вот так, вот так... только быстрее немного... Вот так 8—10 часов кряду—сжился... На что Григорий Никитич, что рядом работает... Он тоже ничего, а маленький он какой-то, худенький; а лицо не то бледное, не то желтое... глядеть страшно».

Помнит, было так это. «Шабаш», кричит мастер. Андрей в стороне пальто свое напяливает и надвигает на лоб картуз. Оборачивается и хочет с Григорьем Никитичем попрощаться... А Григорий Никитич не видит его—торопливо подбирает оставленные Андреем куски хлеба недоеденные. Бросил он их у себя на скамейке... Защемило сердце у Андрея. Знает: у Никитича пятеро ребят.

— Григорий Никитич!...

Тот вздрагивает и взглядывает испуганный, смущенный.

— Григорий Никитич, вам может денег надо?—Это вы не стесняйтесь: пустое—я одолжу.

Григорий Никитич бормочет что-то невнятное, в глаза не смотрит, а Андрей втискивает в его руку несколько бумажек...

— Что же это вы, Григорий Никитич, за одной машиной работаем, вместе ее дрожью дрожим, в ее сердце наши сердца прячем...

А вот так, чтобы спросить—никогда не спросите?..

Даже обидно, знаете, Григорий Никитич.

У Григорья Никитича слезы в глазах. А у Андрея на душе приятно, радостно. Он жмет его маленькую руку с длинными искривленными пальцами и хочется ему еще как-нибудь его приласкать.

— Эх, Григорий Никитич, кабы у меня много денег было—вот тогда...

Поблудней образ, ушел в сторону и осталась хорошее, теплое... Андрей на небо смотрит, в бледном мерцании купает мысли свои, внезапно рожденные и тянется весь туда к ним...

За плетнем фигуры чернеют и шепчутся, прижавшись друг к другу. А шопот весь в неге и тихая боль от него. Беззвучно подымается на ноги Андрей. С минуту смотрит на пару.

А затем, размахнувшись, с силой швыряет далеко в сторону нож. В тот же миг, наклонившись над плетнем, он кричит возбужденно.

— Ганка! Завтра еду я в город—на работу! Прощай!

А. Запольский.

Уход Мавры.

Рассказ.

(Из цикла к новому).

I.

Вышел молодой, весенний вечер погулять. Тряхнул слегка темно-русыми кудрями, улыбнулся—да так с улыбкой и застыл: красавицу зорьку увидел... пышная, румяная, в голубом, с отливами, сарафана и лиловая лента в косу вплетена. Стал вечер—стоит и зорька, очи потушила, ресницы опустила... молчат.

Броситься бы друг к другу, жарко прижаться,—да боязно: увидят, слава худая пойдет.

Глянула было зорька на милого-пригожего, одним только глазочком—звездоч-

кой, да пуще прежнего еще зарделась—вспыхнула... и опять молчок... Стоят... Любуются...

Только вечер порой вздохнет ветерком—эдак радостно, чуть-чуть,—а зорька задрожит, замается—и опять молчат... знать, у обоих-то, сердечко ёкает, замирает...

Не заметил и вечер, не заметила и зорька, как откуда-то старуха—ночь выползла и совсем уже близко к ним доковыляла...

Спохватились оба—да поздно: увидела старая... нахмурилась... Стыд-то какой!

Метнулась зорька — хотела скорей спрятаться, да, как на грех, зацепилась за облачко лентя лиловая — и выдернулась из косы... Где там... Не до ленты... Самой бы скорей спрятаться...

Еще пуще нахмурилась ночь и заворчала себе под нос что-то. Бранится знать... А вечер хоть бы что!

Подошел, улыбаясь, с развалочкой, к облачку, взял ленту, полюбовался с минутку — да шмыг — как и не было...

То-то молодость!..

Давно уж за полночь перевалило, давно уж петухи прогорланили — а Мавра все еще не спит... мучается...

Весь вечер просидела она у окна, продумала, — да и теперь дума не выходит из головы...

Лежит Мавра на постели, разметалась... а сердце так сжимается, так сжимается...

Встала бы, полетела бы куда-то, — ан нет, крылья связаны... — коптит еще, жива еще, свекровь старая...

И мечется Мавра, и вспоминается ей жизнь прожитая, беспросветная...

Рано выдали ее замуж, за постылого, не любимого — да что поделаешь воля родительская такова, наперекор не пойдешь...

Муж-то завидный был: зажиточный — и семья у него никакая — мать старая и только...

Поживется — слюбится, говорили, привыкнет...

И пропала доля девицья.

Стала Мавра жить замужем. Она, да муж... да во эта еще, третья, ворчливая, скупая...

Родителям-то что — сбыли с рук и ладно...

По-хорошему, мол; все как водится...

А у девки не спрашивают, ей-то каково — им до этого дела нет...

И потянулась жизнь ниточкой...

Родился ребенок — обрадовалась было Мавра, да не на долго: умер младенец, а больше не было...

Не ждано не гадано — началась война. Завыла деревня...

Популавилось парней и мужиков маленько... А потом еще и еще.

Солдатки появились...

И стала лелеять думу Мавра. Думу тайную, глубокую... Авось да сбудется...

И сбылось — забрали постылого... Стала и она солдаткой... Только мало радости — то вышло: пуще прежнего ворчит, да укоряет свекровь... Эх, долюшка!..

А там случилось и самое страшное: прспал на войне муж без вести. Выйти замуж вновь — нельзя. И уйти от свекрови — некуда. Да и боязно: а что если «он» воротится.

Грянула-случилась революция. — Там, где-то, в городе, далеко: но деревня все-таки задвигалась — заворчалась...

А по осень и совсем все переменялось...

Доплыло-докатилось из города что-то новое не бывалое... Совет стал... Городские приезжать начали: молодые, старые... Всекие...

Задымили, взбудоражили деревню машины безлошадные. Диву и страху нагнали... Потом ничего, попривыкли... пригляделись... ничего...

Приезжие речи повели, каких народ не слыхивал... Все по-новому стало...

Потянуло и Мавру к новому. Потянуло упорно, настойчиво... И не знала еще Мавра, что ее тянет так, и куда... Чувствовала только, что есть в «этом», какая-то правда, какая-то сила великая, но какая — не знала...

А когда приехал в деревню, и временно поселился, молодой рабочий Матвей Бурун, — Мавра и еще «что-то» почувствовала... Глаза у него добрые, блестящие; голос такой ласковый, да убедительный. А сила из него так и прет, так и прет...

Уже и вторые петухи откричались, уже и рассвет с улыбочкой заглянул в горницу, как, мол, что, мол, тут, а Мавра не спит. Не спит видно и эта, нудли-

вая, скрипучая. Заверочается, вздохнет Мавра — заерзает, откликнется с печки кряхтением и та. Вздогнет, притаится Мавра — замолчит и та. А рассвет совсем уж в окно лезет, пыжится...

II.

Чуть только зажаренный блин — солнце выползло из-за леса — Мавра уже на погах.

Печь, — что котел огненный, — пылает. Работа кипит, спорится... Руки проворно мечутся, прыгают... Только думушка — мысль — далеко, далеко... Эх, уйти бы. Уйти бы навсегда — и не вернуться... А солнечный язычок в щёлочку дразнится, потешается: «не уйдешь, мол... ан не уйдешь»!.. И валится нож из рук у Мавры, и подкашиваются ноги, и хочется крикнуть что-то, застонать, заплакать...

— Гости, чай, будут — шамкает све-кровь старая — и пытливо, ревниво смотрит на Мавру.

— К беде нож валится, — не к гостям! — отрезала, сверкнула Мавра — и хлопнула дверь. — О-о... и впрямь бедой запахло... И вздохнула старая. Вздохнула тяжело, с хрипом, словно из груди ее хотели годы прожитые вырваться — и не могли...

А на дворе всамделе гости.

Марьянка-горожанка... Веселая такая, бойкая... Глаза — прыгунчики, вертунчики — искрятся...

Взвизгнула калиткой — пса встревожила... Остановилась...

— А я к тебе Мавра... — и зашептала...

С детства еще ушла Марьянка в город, на фабрику — там и выросла. А теперь вот в деревню приехала, второй месяц живет, в Совете руководит... Старички и те удивляются.

— Ай, да Марьянка. — Все знает, все может.

А про девок, молодух — и говорить нечего — только и речи, что об Марьянке...

С первых же дней сдружилась Марьянка с Маврой — всю подноготную солдатки узнала, а там и пошло, и пошло...

— Ма-авра — заскрипела старуха в избе. Ма-а-вра...

Обозлилась Мавра.

— У-у... поганая... конца ей нет! — и еще ниже наклонилась к Марьянке...

Попештались еще, наскоро...

— Так до вечера — и не стало Марьянки, стинула. А Мавра застыла, словно каменная...

Выползла старуха на крыльцо, охает, на что-то жалуется... Закашляла... Пес заворчал, взвизгнул... Опомнилась Мавра...

III.

Устал весенний денек, примаялся... Еле плетется... Спотыкается... Ба... да никак в дороге нос вскровавил. Ишь залился алостью. А все ж весел, радостен: подмигивает, ничего, мол, пройдет...

Управилась по хозяйству и Мавра. В каморке что-то возится — озабоченная, сурьезная... Узелки какие-то связывает втихомолку... В дорогу что ль собирается?.. Встревожилась свекровь, вполошилась...

Учуяла недоброе...

— Мавра, а Мавра?!

— Што, — откликнулась.

— Ты што?

— Ничего, так по хозяйству... — а у самой сердце сжалось... Сжалось оно и у старой. Ой, беда-бедучая...

— Мавра!

— Молчит...

— Мавра-а!..

Выплеснулась Мавра из каморки, встала перед старой — гневная, упругая...

— Ну, что? Вот я — вот!

Зашевелилось, защемило что-то в груди...

Прозрела, скрипучая, поняла — нет Мавры, нет...

— А я как же? а бог? а люди что скажут?

Прошамкала, заслезилася...

— Душно мне здесь, старая! Душно!.. всего лишь и молвила... и ушла...

Скрипнула каморка, скрипнула дверь в сенях, отозвалась скрипом калитка...

Заворчал пес под навесом... Так без всякого...

Не то спросонья, не то озяб... И только...

Осталась старая... одна, ненужная...

День-то далеко уж ушел... скрылся... торопится.

Серенькая, мутная мгла в избу хлынула...

Затопила все углы, слилась со всем...

И нет ничего...

Слышно только будто что-то шамкает, нюнится... И то чуть-чуть, еле-еле...

А на улице вдруг затрепало, зафыркало... Что-то железное, сильное прокапало, — отозвавшись гудком—сиреною во всех концах деревни...

И сжалась деревня, притаилась, насторожилась...

Юрий 'Добрынин.

1920 — 21 год.

Жмеринка — Москва.

Восстание.

Инсценировка Б. Юрцева для тонально-пластической постановки по стихотворению Э. Верхарна.

ДЕЙСТВУЮТ:

Люди совершающие (восставшие).

Первый знавший раньше.

Второй.

Ведущий.

Первый зовущий назад.

Другой с ним.

Третий с ними.

Сумасшедший.

Женщина иступленная.

Читающий реквием повстанцев.

Разведчик.

Еще один разведчик.

Увертюра.

До поднятия занавеса в музыке растут угрозы. Музыка бурлит злобой. Над музыкой до поднятия занавеса идут слова в хоровом исполнении.

Хор.

Мы встали, встали.

Мы судим, судим.

Утробу веков кромсай мечом,

Мы встали из стали.

Жалеть не будем

Не будем,

Не станем

Ни почем...

Гнев летит на крыльях пожаров,

Руки мертвую хватку на горло врага...

Взлетели.

Взметнули.

Ударили.

О-о-о-о-о.

Э-э-й-э-э.

А-а-а-а-а.

Мы встали, встали,

Мы судим, судим.

Мы встали из стали.

Жалеть не будем.

Исполняется как организованные звуковые шумы на музыкальной мелодии.

ИДЕТ ЗАНАВЕС.

На сцене на возвышенности стоят двое из группы «знавших раньше» и смотрят за сцену на город.

Первый.

Вот они...

Встали скелеты отживших столетий,

Скачут по улицам пламенем мести,

Ломая зубы веков.

Растоптано завтра, и сто лет и двести,

Смято терпенье богов...

Да.

Мести, радости, воллей груди

Сшиблись с секундой сегодня.

Время скатилось с разрушенных сходней

Галоп урагана по гудам...

Второй

Да.

Времени более нет...

Первый.

Х-ха.

Циферблаты разбиты на башнях высоких,
 Не льется на площади ровный их свет
 словно очи столицы смежили ресницы...
 Времени более нет.

Второй.

Да.

Времени более нет
 Для сердец опьяненных, жестоких,
 Для толпы совершающей суд...

Музыка разрастается. Вдали слышно
 приближение толпы.

В музыку выплывается хор.

Хор.

Кровавый плач огонь кидает в небо
 Разгулы ярости кусают мир.
 Сегодня вышли мы из черных дыр,
 На горах трупов свое мы требуем....
 Бьет шаги мечь,
 Площадям в набат.
 Летят...
 Бегут...
 Убивают...
 Мстят...
 Э-э-э-э-й.
 Заворачивай,
 Сгоняй.
 Сюда-а-а.
 Э-э-э-э э.

Голос за сценой.

Головы выше в празднике буйства.

Вбегает один.

Он.

Улица быстрым потоком шагов
 Плач, рук и голов
 Катится в яростном шуме...

Вливается толпа. Расплескивается по
 сцене. Бывшие на сцене смешиваются.

Все.

Вперед.
 К мигу, безумный.
 Но вместе.
 К свершениям.
 К надеждам.
 К мести.
 Улица грозная, улица красная,
 Властная,

В золоте пышном заката,
 В зареве ярком, окрасившем твердь,
 Вся смерть
 Встала в призывах набата,
 Вся смерть...
 Как ожившие дико мечты,
 Встала в огнях и неистовых криках...

Группа «зовущих назад» вскакивает
 на вышку и в ужасе указывая на город.

Первый.

Смотрите... там... там...
 Головы чьи-то на пиках...

Второй.

Словно на стеблях цветы...

В толпе испуг. Грушируются в один ко-
 нец сцены. Высылают разведчиков.

Кто.
 Кого там.
 Что.
 Люди. Какие.
 За что.
 Как.

Из «зовущих назад» толпе.

Первый.

Братья. Прочь от бреда ярости
 Ночь растерялась от злобы голов.

Второй.

Видите—корчится в судорожной радости.

Первый.

Братья. Назад.

Третий.

Грех торжествующий бьет наугад.
 Промеха нет.

Второй.

Смерть сжирает кровавый улов.

Третий.

Город молить о пощаде готов.

Первый.

Назад. Назад. Рука убивать устала.
 Бойтесь. Время еще не настало...

Взвывается один, за ним другой «знав-
 шие раньше».

Первый.

Ложь.
Времени более нет.
Для нас совершающих суд.

Другой.

Ярость великая с пламенным ликом
С радостным криком
С кровью бушующей в жилах
Встала на гряду камней.

Первый.

Все она может. Все она в силах.
Одно лишь мгновение
Даст более ей,
Чем целых веков тяготенье
Да. Ярость великая встала на гряду камней.

Толпа воодушевляясь.

Все встало.
В миге сметавшем как слав
Ненависть, силу, сознание прав...

Вскакивает наверх иступленная женщина и через головы стоявших кричит толпе:

Толпа (воодушевляясь).

Женщины.
Безумьем косы развеите.
Наши горячие нынче ночи
Хмелем и кровью лейте... бейте.
Пойте... пейте... сжигайте очи.
Город горит в пьяной пляске
Мы горячими искрами смех разбросали
Да. Такой клокочущей ласки
Никогда не видели ночи в Версале...

При ее последних словах вбегают посланные разведчики.

Первый.

Там
По площадям
Трупами крашены в красное камни...

Второй.

Восставшие бьются.
Восставшие в битве.
Восставшие гнутся и ждут...

Первый.

Вперед же по трупам
Вихрем к битвам
Кровью залезанным, кровью залитым...

Несутся звуки зовущего гимна восстания. Толпа выравнивается. Наверху «Ведущий» и дробя словами волны гимна бросает толпе:

Ведущий.

Будни биты...
Люди празднуют праздник кровавый,
Люди проходят и красны, и пьяны,
Люди проходят по мертвым телам.
Пусть солдаты не знают, кто правый.
Пусть стучат, скрежеща барабаны,
Но пальцы устанут касаться к куркам...
Мы пройдем за смертью следом
Сквозь ужас, под сенью веселых знамен...
Вперед.
К началу новых времен.
К победам.

Толпа подхватывает и собирается идти.

Толпа.

К победам. К победам.

I-й зов. наз.

Куда. Куда.
На кладбище жизни. К радости смерти.

II-й зов. наз.

Что-ж. Идите. Идите. Но верьте.
Души утонут в крови.
Огню надоест жечь.

III-й зов. наз.

Озленный в убийстве сломается меч
Ножу надоест убивать.

Ведущий.

Вперед. Не боясь убивать,
Убивая творить, обновлять.
С ненасытной природой вонзая
Зубы в святую мишень
В великий безумием день
Пряжу для жизни ликующей прясть
Иль жертвой строительной пасть...

Толпа.

Вперед не боясь убивать.
Убивая творить, обновлять.

I-й голос.

Горят мосты и строения...

II-й голос.

Фасады из крови на фоне ночном...

Голоса.

В глубинах каналов горят отраженья
На самое дно уходящим столбом
Громадные тени больших колоколен.
Лежат, как преграды по светлой земле.

Жен. гол.

Огонь над домами и весел и волен
Кидает пригоршнями искры во мгле.

Мужск. гол.

И черные дымы извивом могучим
Летят вне себя к окровавленным тучам.

За сценой бой. Слушают.

Все.

Чу. Залп.

Толпа встает. В музыке марш.

Толпа. (Уходя.)

Смерть машинально беря на прицел
Треском сухим разряжаемых ружей
Валит в кровавые лужи
Груды причудливо скорченных тел...
Свинец разрешает упорные споры...
В небо пред смертью вонзаются взоры.

Уходят. За сценой бой... Бой музыкальной картины в сопровождении хора...

Хор.

С огнем сшибаясь под сводом тьмы
Ломают ночь набата медь
Сознание правды сечет умы
Восстанья ночь—клеймо столетьям.

На сцену вбегает сумасшедший.

Он.

Ха-ха-ха-ха.
Отблеск пожаров на лицах всех.
Бросает чудовищный смех.
Ха-ха-ха-ха.

Убегает.

Вслед за ним выбегают двое «знавших раньше» и вскочив на вышку, глядят за сцену на бой. На секунду в стремительном беспорядке врывается толпа и падают, кто как на землю.

Толпа.

Чу. Залп.

Вновь вскакивают и устремляются в бой. Двое «знавших раньше» остаются на вышке, наблюдая. Музыкальный бой.

Хор. (Поет.)

Через граненые страдания хребты столетий
Сегодня мир протащим на руках
Эй.
Где.
Какие нас удержат клетки
Веками копленный наш злобы взмах.

Первый на сцене.

Ага.
Вот толпа уж пред входами сумрачных мэрй
Державших весь город под тяжелой пятой,
Давившей порывы к мечте золотой...

Второй.

Качают, ломают тяжелые двери
Засовы трещат и взлетают замки,
Отдают из утроб сундуки
Расчетные книги, счета, бумаги...

Первый.

Их факелы лижут своим языком
И помнят о черном былом
Лишь черного дыма зигзаги...

I-й голос.

Завились над балконами красные флаги.

II-й голос.

Падая кто-то раскинул руками
В пространстве пустом...

I-й знавший раньше.

Своеволие и буйство везде...

Выходит сумасшедший и уставив глаза в одну точку, шепчет и хохочет бесшумно и беззвучно.

Он.

Христос в полумраке церквей
Сорванный кем-то с распятия
Повис на последнем гвозде,
Простирая бессильно объятья...
Лужами розлит елей
Кем-то разбиты спокойные стекла икон,
Пол убелен
Снегом причастья
И по ним проложило не мало дорог
Следы святотатственных ног...

Замечает двоих, находящихся на сцене.

Сумасшедш. (*бросаясь к ним*).

Что. Христа с креста содрали
Что Христос. Бессилен. Хил.
Жизнь: копье вонзили в ребра
Воскресли люди подвалов—могил...
Небо зажгли, не боясь греха
И идут. И идут. И идут. Ха-ха-ха.

Со смехом, раскинув руки, убегает. Бой за сценой стих. Музыка тихо, похоронно, но с оттенком тревоги, играет марш. Выносят убитого «ведущего». Кладут. Выходит навстречу «человек читающий реквием» повстанцев.

Он.

Эту ночь мы победили,
Но ждет нас таких ночей вереница.
Мы торжествуем на свежей могиле
Мы творцы. Мы убийцы.

«Ведущего» пронесут, во время проноса хор поет слова произнесенные «чел. чит. реквием».

Чел. чит. реквием.

Друзья. Не время склонять колени.
Убитых в песне помянут века
Мечем и пожаром свершим моления
В молитве размахнется рука...
Молитвой у тел—зовы о мести.
Жечь. Убивать, для того чтобы жить.
По трупам к радости смелые лезьте
Яркое завтра расплавит ножи...

В похоронном марше сверкают звуки боевой песни. Толпа готова к новым боям.

I-й зн. раньше.

Убивая, твори, обновляй или умри
Открой или руки о двери сломай,
Мы искры в сиянии встающей зари

И что бы судьба не судила
Сквозь сонмы веков нас влечет
Спеша, задыхаясь безвестная сила.
Вперед.

Толпа.

Вперед.

Толпа очень высоко бросает последнее «Вперед» и наверху обрывает. Музыка с острия оборванных голосов взлетает на неимоверную высоту, на мгновение задерживается там и вдруг как бы рушится в пропасть огромными глыбами. В нее втыкаются один за другим трубные сигналы тревоги. Пламя пожаров густеет. Вся сцена в красном. Музыка на мгновение стихает и красное режет высокий голос из-за сцены.

Голос.

Кровь пролитая на восходе завтра
Требует помнить о ней...

Пауза полной тишины.

Врывается музыка. Лопаются красный свет от перекинувшихся с разных концов лучей белого и красного. Толпа приходит в себя, строится, уходя в белый луч со стороны города.

Толпа.

Забить. Забить. Затопить в песне
И небо
И пламя.
И стоны.
Вперед.
Мир пусть надвое треснет
Наше
— Вперед.
Навеки запомнит
Навеки. Вперед.—Вперед.

ЗАНАВЕС.

Вопросы культуры.

Современный момент и задачи пролеткульта.

К читателям - рабочим.

Мы возобновляем издание «Горна», несмотря на чрезвычайно тяжелые материальные условия, в каких находится сейчас Пролеткульт.

Но... момент, нами переживаемый, настолько серьезен, задачи, стоящие перед Советской Россией, а отсюда и перед каждым мыслящим пролетарием, настолько сложны и ответственны, что молчать в данный момент было бы преступно.

Наш журнал должен быть и будет полным отражением задач, поставленных себе Пролеткультом, методов их разрешения и непосредственной практики, в которой эти методы нарастают и откristаллизовываются в различных формах нашей работы: научной методологической, в области искусства во всех его видах и т. д.

В чем конкретно заключаются задачи Пролеткульта вообще и журнала в частности?

Прежде всего нужно ответить пролетарским массам на ряд вопросов научных, экономических, политических, идеологических, помочь каждому разобраться в сложнейшем сплетении ряда явлений общественно политической и экономической жизни страны.

Что значит дать возможность разобраться?

Мы полагаем, что сообщить в тонах непогрешимости ряд сведений из различных отраслей экономики и политики, или комбинацию интересных самих по себе фактов, освещающих тот или иной вопрос, еще не

значит помочь разобраться, а иногда скорее помочь запутаться.

Какие сведения, какие факты, в какой форме, комбинации, последовательности они даны—вот в чем центр вопроса. Укажут ли они читателю, что в Америке 2.500.000 автомобилей, а во всей Европе только 1.500.000, и этим ограничатся, вызвав у читателя почтительное изумление перед американской техникой и не больше. Дадут ли они ему плюсы системы Тэйлора, колоссально повышающей производительность труда и толкнут его мысль на рационализацию своего труда, не развивая вопроса до его общественной значимости для мирового хозяйства, или развернут его во всей широте со всеми горизонтами и перспективами как положительного, так и отрицательного порядка...

Можно знать кое-что и очень интересное об экономической жизни Америки, ее технике, сельском хозяйстве, можно знать кое-что также о системе Тэйлора, можно знать еще многое и... не знать ничего.

Не знать, потому что мало только «знать» факты, цифры и т. п., нужно уметь владеть ими, научиться сопоставить их, связать в единое целое, чтобы из отдельных камней построить здание, приобрести единый целостный взгляд на все события современности.

А для этого необходимо, во-первых, научно подходить к вопросам и, во-вторых,

методологически правильно строить научный подход к ним.

Только таким путем можно научиться научно-обобщающе мыслить, и только при этом условии каждый даже мелкий иногда факт, каждая незначительная цифра может стать не пустым, ничего не говорящим звуком, а полезной и ценной частью целого.

Задача Пролеткульта в области идеологии: науке, искусстве во всей их широте сводится к тому, чтобы пролетариат, как класс, овладел наукой, искусством, как могучим оружием строительства нового социалистического общества и в области идеологии стал главенствующим классом, классом, идеологией которого живет общество.

Буржуазная наука, достигшая в отдельных отраслях знания очень высокого уровня, в силу страшной раздробленности и специализации, запутывается, в конце-концов, в своих собственных сетях.

Буржуазная экономика имеет в своих рядах крупных, талантливых, без лести преданных капитализму экономистов. Но экономистов-техников она не имеет. А в нашу эпоху, эпоху электрификации, открытия внутриатомной энергии, в эпоху радиоактивности, экономисту не быть техником нельзя.

И вместе с тем технику-инженеру нельзя не быть экономистом. У первого без знания техники не будет базы для его широких обобщений, у второго не будет широты охвата мировой экономики, без чего современный инженер обречен на движение назад от глубокой революции, развивающейся экономической жизни всего мира.

И в нашу эпоху каждому пролетарию необходимо поднять голову от станка, взглянуть пристально и внимательно за ворота своей фабрики, чтобы найти свое место в великом строительстве новой жизни.

Ибо, несмотря на всю злобность своры Пуанкаре, несмотря на все хитросплетения магнатов Западного Европейского капитала, Советская Россия день за днем, последовательно, упорно разбивает стену блокады. Хозяйство всего мира повелительно требует включения Советской России, как равно-

правной, политической величины в систему мирового хозяйства. Россия — страна сырья. Европа — полуразрушена войной, ей нужно восстанавливаться. Сырье нужно взять из России. России нужно дать средства производства, технику, машины, ибо без этого сырья из России извлечь нельзя. Во-первых, потому что дарить сырье западно-европейским капиталистам из-за их далеко не прекрасных глаз мы не намерены, а во-вторых, потому, чтобы извлечь руду из недр Сибири, например, нужно пробиться в них, а чтобы вывезти руду, нужно построить железную дорогу. Следовательно капитализму Зап. Европы неизбежно необходимо развивать технику производства в неприятельской стране, где (о ужас!..) властвуют большевики, рабочие и крестьяне то ж, и этим укреплять их власть, свержения которой капитализм так жаждет. Что могут дать Западно-Европейские страны Советской России, какая страна, что и сколько? От каких из Европейских стран мы будем в наибольшей зависимости и обратно: какие страны наиболее нуждаются в нашем сырье и будут в зависимости от нас? Все это вопросы, без ответа на которые мало-мальски мыслящий пролетарий жить уже не может.

Не может, потому что он должен быть сознательным участником в экономической и политической жизни Советской России.

Расширив свой кругозор, пролетарий не будет уже замыкаться в узкий круг интересов цеховщины или отдельного производства, он будет знать место своего производства в системе народного хозяйства страны и свою значимость для последней, станет, воистину, хозяином и строителем своего собственного, на его крови и мускулах построенного хозяйства.

В использовании своего труда Российский пролетариат, обходившийся больше дубинушкой, чем высокой техникой и улучшенными способами приложения труда, должен знать все последние данные о новых формах использования труда, чтобы, применяя их на практике, у нас повышать свою квалификацию.

Мы не поклонники системы Тэйлора, как системы, направленной исключительно на увеличение продукции труда, мы полагаем, что система Тэйлора есть только частность от огромной задачи научной организации труда. Пролетарию нужно уметь научно подойти к организации и использованию своего собственного и своих товарищей труда, научиться рассматривать и оценивать его не только с точки зрения индивидуальной, но и с точки зрения государственно-хозяйственной, сочетая строжайшую экономию трудовой энергии с максимальной ее производительностью.

И поскольку для товарищей ясна будет эта точка зрения на труд, постольку им легко будет подойти и к организации производства, в котором они работают, и ко всему народному хозяйству Советской России не с точки зрения своей собственной колокольни, а с точки зрения классовых интересов пролетариата в целом.

Итак, осветить перед нашими читателями (а таковых мы хотим и будем иметь в лице наших товарищей пролетариев) экономическую жизнь в мировом масштабе, нарисовать им со всей возможной отчетливостью картину сложнейшего сплетения взаимозависимости и взаимодействия различных стран между собой, оценить место, роль и значимость хозяйства Советской России в мировом хозяйстве—вот наша задача в области экономики.

Но все это должно быть дано так, чтобы товарищи научились научно-творчески, марксистски обобщающе, мыслить, ибо только это даст им в руки материалистический метод—могучее орудие познания.

Возбудить глубокий интерес к вопросам труда, его организации и способам использования, ознакомить со всеми завоеваниями науки в этой области, без излишнего увлечения, так называемый Тэйлоризм дать возможность применения научных данных нашей практике—вот вторая наша задача.

Далее, несмотря на техническую отсталость Советской России и огромные разрушения техники нашей промышленности, не-

смотря на это и главным образом поэтому, нам нужно детально и широко ознакомиться с завоеваниями технической мысли и практики на Западе, оценить для себя полно и ясно значение электрификации нашего хозяйства, помыслить о применении высокой техники и у нас.

XX век дал ряд огромных завоеваний в области техники. За войной и революцией нам некогда было следить за этим, не достаточно указать на такие открытия, как внутриатомная энергия, могучий источник энергии, идущей на смену углю и топливу вообще, радио-музыка, открывающая широчайшие перспективы в области использования радио для практических целей, чтобы сказать: в наше время и при наших задачах технически невежественным быть уже нельзя.

Развитие экономики и техники производства для того, чтобы быть завершенным в каждый данный момент процесса, со стороны того, кто претворяет в жизнь, как частные, так и общие, материально производственные или организационные задачи требует известного равенства между заданием и исполнителем. Кузнец, оковывающий телегу по прадедовскому способу не может стать к паровому молоту, не поднявшись, как технически, так и психологически от ремесленного навыка к крупно индустриальному размаху.

Известный и довольно высокий уровень технической и психологической культуры индустриального рабочего есть необходимая предпосылка технического прогресса крупной индустрии.

Так *должно быть* в технике производства, его организации и экономике вообще.

Это «должно быть» звучит, как категорический императив.

Но возможно ли это «должно быть» и если возможно, то в каком масштабе и при каких условиях?

Техническое должно мыслится нами достижимым через профтехническое образование. Достаточно ли этого? Здесь нужно ответить на один очень важный вопрос, а именно: каково будет в своем развитии вза-

имотношение инженера и рабочего, будет ли рабочий везде и всюду, сверху донизу, от мелкого практического задания до организации части или целого производственного процесса чувствовать и сознавать себя, как силу только и исключительно исполнительскую.

В капитализме было и остается именно так. Техническое главенство инженера над рабочим, художника над ним же есть дополняющий и подкрепляющий систему капиталистической эксплуатации факт. Капитализм экспроприировал у рабочего не только часть продукта его труда, в виде прибавочной стоимости, но и возможность технического прогресса каждого индивидуального рабочего дальше предела, обеспечивающего капиталу высшую в данный момент норму прибавочной стоимости.

Рабочий был машиной и не больше. Квалификация его шла вслед за техникой, дотягиваясь до нее, а не наоборот.

И самый процесс производства не вызывал в рабочем ничего кроме сознания, что и сегодня, и завтра «его шкуру будут дубить». Чувствовать себя хозяином и творцом в этих условиях затруднительно.

Буржуазно-капиталистическая идеология формулировала это положение рабочего, как положение «живой рабочей силы», силы при наличии резервной армии капитала—безработных, силой легко восстанавливаемой путем простой замены выбывающих единиц. На ранних стадиях машинного капитализма мы имели так называемое движение «луддитов», проповедывавших разрушение машин, как отбивающих заработок и хлеб у рабочего, работавшего вручную и становившегося относительно лишним при введении машин.

В наше время пролетарии уже не разрушают машин, но психологическое луддитство в них еще не изжито.

Безразличное отношение к процессу производства в общегосударственном масштабе и в лучшем случае узкое, местническое, своеколосьное отношение к «своей фабрике», «своему заводу» есть прямой продукт бур-

жуазной идеологии, идеологии «хозяина» своего угла, подвергающегося атакам со стороны конкурентов. Это мы и называем психологическим луддитством. Бессознательное слепое разрушение целого во имя близкой, понятной, непосредственно повседневно влияющей части.

Иллюстраций этому в практике революции более, чем достаточно. Одна фабрика имеет больше, чем нужно, топлива, но не имеет хлопка, другая обратно, и обе стоят, ибо отдать часть излишнего другому «не хозяйственно» с точки зрения данного владения. Это было у нас. Отцепка грузов, следующих по определенному адресу для остро-общественных нужд, в интересах местной потребности данного района и т. д., и т. д.

В чем здесь дело?

А именно в том, что политически высокое сознание российского пролетариата совмещается в нем с очень низким еще хозяйственно-производственным сознанием. В этом русский пролетарий представляет прямую противоположность своему английскому товарищу.

Там высокое производственное сознание сочетается с низким политическим сознанием и пониженной политической активностью, у нас наоборот.

Что отсюда следует?

Во-первых, логически неизбежное владчество технократии в своем развитии прямо пропорциональное высоте техники производства, во-вторых, подчиненное положение пролетарских масс по отношению к системе распределения как благ для личного потребления, так и общественного дохода. И так будет до тех пор, пока пролетариат, как класс и каждый пролетарий в отдельности, не осознает себя основной творческой силой в строительстве хозяйства во всей его широте, и владельцем не того, что он производит сегодня на «своей» фабрике, а всего хозяйства в его целом.

Это осознание—процесс многих и многих лет, процесс непомерно трудный; наша работа, наши мысли, наша практика на пер-

вых их стадиях будут пигмеями, младенческими шагами по этому пути, косолапыми, неуверенными, но отсюда отнюдь не следует, что эту проблему ставить и решать рано. Она должна быть поставлена и поставлена практически, ибо этого требует эпоха, эпоха великих перспектив в технике и экономике в мировом масштабе.

Одним из средств, способствующих росту этого сознания, средств очень мощных будет искусство во всех его видах.

Здесь более, чем вероятно услышать скептический и ехидный вопрос: «ну, какое отношение может иметь искусство к вышепоставленным задачам».

Там берутся под корень вопросы науки, экономики, техники, социологии, а искусство это для многих еще «прилагательно» в понимании Митрофанушки, вроде двери у притолок науки, экономики и т. д.

Святое, чистое, возвышенное искусство и мировой товарообмен. Дико!

Но без пламенного художественного увлечения, трезво, с холодным сердцем посмотрим на вопрос, не горе имея сердца, а «здесь на земле» глубже в почву действительности. Осознания пролетарием себя, как основной движущей силы общественного производства и всех отсюда вытекающих экономических взаимоотношений должно сложиться в единую твердо кованную цель идеологии пролетариата, как класса.

Классовый инстинкт, двигающий пролетарские массы на баррикады в борьбе с капиталом, должен в процессе развития и углубления революции до мельчайших глубин повседневности быть развит в глубокое классовое сознание на основе творческого охвата всего механизма социалистической общественности, как в ее переходной нарастающей стадии, так и в идеале достижения.

Это может быть достигнуто только огромной идеологической работой пролетариата, в которой искусство будет играть огромную роль.

Каков масштаб и план этой идеологической работы. Люди, которые пока еще не

заставили себя подумать над этими вопросами, встретят все дальнейшее со скептической улыбкой. Пусть так.

Мы хотим толкнуть, разбудить мысль, а не заслужить похвального отзыва какой бы то ни было «Княгини Марии Алексеевны» за свою скромность в постановке себе задач.

Наука: вовлечение пролетарских масс в круг научного мышления и интереса, направление их на правильный методологический путь овладения ценностями науки, популяризация сложнейших ее построений, изложение в системной целостности оторванных друг от друга научных дисциплин, установление практической связи науки с техникой, изживание отвлеченности науки от практической жизни. Мы много протестуем против чистого искусства, но очень мало говорим о любезной сердцу буржуазных ученых и ими проповедуемой «чистой науке».

Коренное изменение научных методов по линии построения их, отталкиваясь не от книжной формулы, а от живой жизни, где эта формула зачастую преломляется под неожиданным для кабинетного ученого углом. Опыт рабфаков, очень еще небольшой, говорит о том, что восприятие пролетарским составом рабфаков, скажем, математики идет от непосредственной их практики «от станка и машины», что ставит иногда преподавателя от книжки и кабинета в очень тяжелое положение. Он оказывается «безграмотным» в отношении практического применения его кабинетно-обмысленных формул.

Этого разрыва не замечали раньше, но он давно уже топорно, грубо определялся в пролетарской массе, скептически относящимися к науке единицами (есть там такие, и не мало) формулой: «природа науку преодолевает», т. е. практика это — все, а наука — теория, это — так себе, вещь второго порядка.

На таком понимании основана масса анекдотов в пролетарской среде о техниках, инженерах, спасовавших перед старым практиком рабочим, об англичанине или немце,

которого «обскакал» в каком-либо деле русский самобытный мастер.

На этом построен ряд цеховых преданий, например, Тульских оружейников, Уральских посессионных рабочих и т. п. Сочетание этой «природы» с наукой, иначе говоря установление их тесного единства и привнесение строго научных методов мышления в пролетарскую массу — вот задача, которая должна быть разрешена в гораздо более широком масштабе, чем только профтехническое образование или ослепляющий многих Тэйлоризм, которым часто подменяют понятие научной организации труда. И профтехническое образование, и Тэйлоризм, и даже научная организация труда войдут сюда, как части.

И тогда по отношению к искусству мысль подсказывает следующее.

Вот несколько строк, характеризующих победителей 71-го года, расстрелявших в Париже 30.000 защитников Коммуны:

«О, честная, стойкая, мужественная буржуазия, еще существующая во Франции. Сколько она дала за эти двадцать лет деятельных офицеров, энергичных и талантливых дипломатов, превосходных профессоров, истинных артистов. Мне иногда приходится слышать: «Как живуч этот народ. Он продолжает существовать при таких условиях, когда другой на его месте исчез бы с лица земли». Нужно сознаться, что если он еще существует эти двадцать лет, то это, главным образом, благодаря усилиям юной буржуазии, согласившейся на все, чтобы помочь стране. Она терпела, когда низкие «халифы на час» во имя свободы осуждали самые дорогие верования, когда гнусные политики пускали в ход всеобщее избирательное право, как орудие для достижения власти, и возводили свои изолгавшиеся ничтожные персоны на самые высокие места. Она вынесла введение всеобщего избирательного права, наиболее чудовищной и несправедливой из всех форм тирании, так как сила численности — наиболее грубая сила, не обладающая ни мужеством ни талантом. Юная буржуазия согласилась на все,

приняла все, чтобы иметь возможность исполнять свой долг. Мы обязаны ей всем: тем, что наши солдаты маршируют повсюду, что иностранные державы продолжают относиться к нам с уважением, что наше высшее образование прогрессирует, что наши искусства и литература продолжают свидетельствовать о национальном гении».

Откуда это? Политический памфлет, речь в парламенте или на юбилейном банкете буржуазии? Нет. Это только выдержка из скромного художественного произведения, из романа Поля Бурже «Ученик», стр. 6, в скромном издании Универсальной библиотеки. Святое искусство должно быть, конечно, выше и вне политики!

Но ведь это Поль Бурже, художник буржуазии. Но, Боже мой какие вопли подняла американская буржуазия после, скажем, выхода в свет романа «Джунгли» Уптона Синклера, !вскрывшего «основы» владычества мясных королей в Чикаго. *Quod licet jovi, non licet bovi* ¹⁾.

Вывод отсюда только один всем тем, кто еще кудахчет о «святом», «чистом» искусстве, искусстве как волшебстве (Бальмонт), пора в кунсткамеру, в назидание потомству: «смотрите дети на него» и не творите глупостей вообще, а художественно-критических в особенности. Так в политике искусство прямо и непосредственно служит ей. А в технике? Возьмем ту же литературу. Романы в прошлом Жюль-Верна, ныне Уэльса, последнего в особенности, разве так далеки от техники, от словословия техническому прогрессу, эти широкие технические «утопии», покрываемые теперь такими открытиями, как внутриатомная энергия, а ведь это только вчера было величайшей утопией. Это апология техники через искусства, и апология науки, ибо техники без науки нет и быть не может.

Могут возразить, от слова не станется, можно много художественно *говорить* о

¹⁾ Что дозволено Юпитеру, то недозволено быку. Возможное для сильного невозможно для мелкоты.

технике, но это не значит еще, что искусство будет производственно-творчески воспитывать пролетарские массы делом. Литература все-таки отвлечение от практики, изгляд извне, а не органически вытекающее или связанное с практикой техники и экономики—действие.

А мы ведь говорим об освобождении рабочего от власти над ним техника и художника.

Обратимся от «говорить» к «делать».

Изобразительное искусство:

Кто теперь может серьезно говорить о том, что развитие изобразительных искусств пойдет по линии напихивания музеев шедеврами великих и малых мастеров настоящего и будущего. Только зубры Беловежской пуши искусства и никто более.

Искусство в производстве, зарывание пропасти между художником и рабочим, единство художественной идеи и практического ее претворения не в ателье художника на 7—17 этаже, а в самом производстве, на фабрике через станок, машину, химическую реакцию, через руки рабочего-художника, мастера-творца, а не механического исполнителя чужой идеи, вот историческая тенденция современности.

И дело здесь не в необходимом с точки зрения производства разделении труда художника и рабочего, а в том, что в основе разделения их функций, художника и рабочего, лежит принцип капитализма «divide et impere» — «разделяя властвуй».

Вся материальная обстановка быта должна *через производство* прийти в жилище рабочего, в общественный зал, на улицу, на массовый праздник. Вместо чисто внешнего украшения, «художественных» рубашек на каменных ящиках, в архитектуре достижение глубоко осознанного архитектурно-художественного смысла постройки, в которой всякое психологическое движение уставшего или радующегося человека встречало бы положительно удовлетворяющую внешнюю обстановку, а не глухую стену, отрицательно влияющих вещей или их комбинаций. А для этого нужно только одно.

Художник в своем творчестве должен исходить не из своего воспитанного капитализмом «Я», а из того, для кого он творит—какой пробел жизни должно заполнить его творчество, что из запросов человеческого ума и труда оно удовлетворить, куда направит движение человека-творца.

Для этого нужен новый художник, ибо старые бесповоротно осуждены, за исключением единиц, на вымирание. Это жестокое веление истории, и она свое дело сделает, сколько бы ни противодействовали ей представители старого искусства.

Все это прямо и непосредственно связывает искусство с *общественным производством* и тем самым ставит в безусловную необходимость воспитания пролетарской массы в этом направлении. И она не может не быть так воспитана. Пытаться отстаивать рабочего исполнителя в сторону от исторически неизбежного процесса связи искусства с производством значит лить на себя воду и желать остаться сухим. Мы отнюдь не думаем, что мы своими усилиями «создадим» этот процесс, отнюдь нет, мы только учитываем исторически наметившуюся тенденцию и строим все свои действия по линии способствования максимально быстрому разворачиванию этого процесса в практической жизни. И здесь, как и везде мы «акушеры истории».

Музыка:

Царица искусств. Великая неуловимая в своих неожиданных таинственных глубинах, не поддающаяся «объяснению», а только чувствуемая, музыка одно из «чистейших» искусств, далекая от земной пошлости и грязи, а поэтому наиболее влиятельная и наиболее защищаемая ее творцами. Музыка и производство, ну может ли быть что-нибудь более нелепое в этом сопоставлении. Адский грохот котельной и нежнейшие нюансы Чайковского.

Нелепо! Дико!

А вместе с тем ритм в наше время внимательно анализируется в процессе труда, как один из его важнейших элементов. Мы уже научно подходим к «ритмизации труда».

А ритм, кажется, музыка больше, чем при-
емлет. Это знает каждый музыкант. Оста-
ется метр, организация звука. Мы давно слы-
шали зловещее пение токов высокого на-
пряжения в трансформаторах, но не обра-
щали на это внимания, ставили только
эмблему смерти и писали: «осторожно»,
«смертельно» около этой величественной
силы.

А теперь?

Теперь мы знаем открытие Термена «Ра-
дио-музыка».

Отсюда электро-музыка практически воз-
можна.

Сопоставьте это с идеей электрификации
и нетрудно понять, что «девственной чистоте»
царицы искусств музыки от чумазого
угрожает весьма серьезная и практически
близкая опасность.

Привнесение музыки в процесс производ-
ства — дело недалекого будущего.

Это не будет введением во храм металла
современного симфонического оркестра. Сам
процесс производства с неисчерпаемым бо-
гатством звуковых комбинаций представляет
из себя ненастроенный инструмент невиданного
и даже не мыслившегося до сих пор
диапозона. Этому вопросу на страницах
нашего журнала мы посвятим не мало
внимания.

Театр:

Перед этой формой искусства, формой
синтетической, где связываются пока меха-
нически и литература, и музыка, и изобрази-
тельные искусства, и творчество актера, су-
ждено в выковывывании, воистину, коммуни-
стической идеологии сыграть исключительно
мощную и широкую роль. Во-первых, у бур-
жуазии в веках ее владычества создался
культ героя, творца буржуазных форм. Это-
му героизму буржуа много коленопрекло-
ненных художественных молений вознесено
и возносится буржуазным театром. Пролетарий,
совершивший величайшую в мире
революцию, не осознал еще достаточно полно
всего величия, героизма поработанных
масс во всех веках и на всех пространствах
земного шара, делавших великое дело сво-

его классового освобождения. Культ геро-
изма класса, должен быть отражен в великих
образах пролетарской борьбы. Эти образы
не будут индивидуальными. Парижская Ком-
муна, это не только Вальян, Варлен и их
товарищи, а весь пролетариат Парижа 1871
года, и наше преклонение перед ним, как
классом, а не перед отдельными личностями,
которых он поднял над собою на своих пле-
чах, сделавших наиболее видными нашему
историческому взору. Беглый взгляд на исто-
рию движения пролетариата отмечает нам
могучие поступательные шаги, по полям
истории неуклонные, как планетарное дви-
жение. Взрастить в сердце неизбежную лю-
бовь к истории, героизму, творческой силе
своего родного класса — задача пролетарского
театра.

Но этот культ класса не должен быть
пассивно-созерцательным. Класс сейчас де-
лает свой следующий исторический шаг, и
этот шаг должен вковать новое звено и
непрерывную цепь стремления пролетариата
к социализму. Поэтому активно творческие
силы пролетариата должны найти в проле-
тарском театре свое художественное выявле-
ние. Под творческими силами пролетариата
мы понимаем не только пролетарского ху-
дожника, непосредственно творящего свой
классовый театр, наше понимание шире.
Это творческие силы как того, кто выявляет,
так и того, кто дает материал для выявле-
ния, т.-е. весь класс в целом, в его дина-
мике борьбы — творчества. Здесь пролета-
рий должен увидеть себя творцом, не при-
крашенным розовенькой водицей слюнявого
романтизма, а в подлинной мощи и силе
своей. То, что дает ему наука, техника,
общественная борьба — все это должно найти
художественное подтверждение на театре.
Иначе говоря, идеология пролетариата в ее
целом должна стать основой творческого
пролетарского театра. Он будет многообра-
зен, жизненно широк, этот театр. Пролета-
рию ничто человеческое не чуждо.

Театр, будящий мысль, театр, творчески
двигающий вперед, театр динамики в себе
и динамичный в своем влиянии на сотворца

зрителя, таким мы мыслим себе новый пролетарский театр.

Он должен научить пролетария понимать, что он есть великая творческая сила, и дать ему силы для противодействия влиянию на класс, разлагающейся и разлагающей индивидуалистической идеологии буржуазно-капиталистического мира.

Все вопросы, нами выше отмеченные, мы мыслим себе поставить посредством «Горна» на глубокое рассмотрение в аудитории наших товарищей читателей. Мы не думаем о немедленном решении многих из намеченных вопросов, но мы хорошо знаем, что всякая живая, свежая мысль, всякий хотя бы небольшой шаг по пути творческих до-

стижений будет для пролетариата оружием, пополняющим его идеологический арсенал.

Говорят — мы делаем, проверяем наши мысли на опыте, опыт проверяем на критике массы наших товарищей, зовем их к этой критике.

И мы уверены, что наши первые шаги на пути строительства пролетарской классовой культуры не могут не увенчаться успехом.

Наш «Горн» еще мал, еще не слишком хорошо работают вентиляторы, еще недостаточно угля у нас, но... кто увеличивает добычу угля в Донецком бассейне?

В. Плетнев.

Три типа культур.

Типы культур.

Что такое культура? Первоначальное значение слова — возделывание земли — в дальнейшем приобрело более широкое содержание, и теперь под культурой понимают всю совокупность жизненных условий человеческого общества.

В это понятие включается производство, техника, виды сотрудничества и распределения, формы общежития, политика и право, быт и семья и т. д. Впоследствии, особенно в условиях буржуазного общества — понятие культуры было сужено до пределов только духовной стороны жизни, все остальное выделилось в рубрику культуры материальной.

Содержание осталось, однако, все еще весьма значительным и включает в себя религию, науку, мораль и искусство, — словом, все, что организует наши представления об «истине», «добре» и «красоте».

Достаточно вспомнить о колоссальном богатстве в ряде веков создавшихся ценностей материальных и духовных, постоянной смене их форм сочетаний, чрезвычайно медлительной на ранних ступенях и напряженно-стре-

мительной нашего времени, чтобы почувствовать жизненную необходимость разобратся во всем этом хаосе явлений, попытаться свести это многообразие к небольшому числу основных типов.

В этом многокрасочном потоке культурных течений, порой сливающихся воедино, то перекрещивающихся, то взаимно враждующих друг с другом, нетрудно уловить три основных струи, хронологически связанных между собой, как прошлое с настоящим и будущим.

Одна из культур возникла и развивалась в далеком прошлом, вторая пышным цветом распустилась в условиях буржуазного общества, — культура нам современная, — и третья в основном и главным вся... в будущем.

Это деление явно условное: многое из «прошлой» культуры просочилось в «современную», а в последней зреют и развиваются зародыши «будущей».

Контуры каждой из культур в отдельности станут более отчетливыми, если связать творчество, расцвет и распространение той или другой культуры с социальными груп-

нами,—и классами—их создавшими, с общественными условиями производства, на основе которых они возникали.

Первая—наиболее давняя культура, всеми корнями своими уходит буквально в землю, она выросла и окрепла в условиях развивающегося земледелия.

Реальные организаторы его—феодалы и духовенство, а до них вожди патриархальных общин—были творцами и носителями наиболее древней культуры.

Для ее построения они сознательно и бессознательно пользовались моделью и шаблоном, который давала и навязывала им хозяйственно-экономическая и политическая обстановка.

И поскольку в условиях общественной жизни этого времени самым характерным моментом была цепь взаимной зависимости людей по типу «власти и подчинения», постольку вся эта культура (и другие близко к ней примыкающие) может быть названа культурой авторитарной.

Второй тип культуры—мощный расцвет которой совпадает с капитализмом — непосредственным образом связан с развитием обмена. Имея опорной точкой средневековый город (если иметь в виду преимущественно историю Западной Европы) меновые связи растут и крепнут, захватывают все большие территории в сферу своего влияния, кладут начало капитализму, вначале торговому, затем промышленному, финансовому.

Город гордо обособился от стихии деревенско-земледельческого быта и втянул в водоворот своей бешено-стремительной жизни медлительно косную деревню; он насыщает ее духом своей экономической правды, обостренным чувством частной собственности, насквозь пропитывает ее жадой наживы и разбивает слитно целостную патриархально-первобытную организацию натурального уклада жизни. Если прямое и косвенное воздействие города на деревню и содействуют вылуциванию отдельного «я» из «мы» из мира полубезличной общины, — то процесс этот, однако, относительно медленный. Не то в городах: здесь в условиях

экономической самостоятельности одиночки—товаропроизводителя, усиления менового хозяйства—процесс экономического, а затем духовного обособления, противопоставления себя другим быстро получает свое завершение.

Это вторая по счету культура связана уже не с деревней и земледелием, а с городом, промышленностью, с буржуазией, классом, в производство вносящим орудия труда.

И поскольку для этого общества характерным является экономически самостоятельная и противостоящая всему остальному индивидуальность, постольку вся эта культура может быть названа «культурой индивидуалистической».

Но неразрывно с развитием капитализма в недрах общества вырастает новый класс—пролетариат, вносящий в производство только свою рабочую силу.

Этот класс вынужден в пределах капитализма себя противопоставлять и буржуазии и землевладению, напряженно бороться за свои экономические, политические интересы. В этой борьбе шаг за шагом складываются основы его самостоятельной классовой пролетарской культуры, отличной и противостоящей двум другим тоже классовым культурам. Если на протяжении более, чем столетия пролетариат развернул громадную творчески объединительную и революционно-наступательную деятельность преимущественно в сфере экономической и политической (профессиональные союзы, политические партии, три Интернационала), то в области духовного отмежевания себя от других враждебных классов — сделано еще весьма немного. Слабые зародыши его культуры зреют в недрах общества, это все еще зеленые побеги, пробивающиеся через толщу культур авторитарно-индивидуалистических, культура—молодняк.

Всюду—в своей борьбе во всех ее многообразных проявлениях, в производстве, в своем творчестве, при выполнении своей непосредственно исторической миссии, быть организатором социалистического общества на основе планомерной, мировой организа-

ции производства — пролетариат выступает, как самостоятельный класс, как сплоченный коллектив.

Товарищеское сотрудничество является определяющим моментом всей его жизни, и та культура, которая создается им в процессе борьбы и творчества, может быть названа культурой коллективно-трудовой.

Авторитарность, индивидуализм, коллективизм — вот три основных признака трех культур.

Класс землевладельцев, буржуазия, пролетариат — реальные организаторы и носители трех различных культур.

Рассмотрим внимательнее важнейшие особенности каждой из них.

Культура феодальная.

Основным признаком феодально-патриархальной культуры является авторитарность. Это понятие отражает в себе факт противопоставления «высшего» «нижнему», проникнуто оно всецело идеей «власти» и «подчинения». Такова была реальная действительность: «народные низы» (в подавляющей массе крестьянство) находилось в вассальной зависимости от сеньера, последний в той же мере и по тому же типу зависит от более крупного — сюзерена, последний — от еще более крупного и т. д. вплоть до самого крупного — короля, монарха. Та же многозвенная цепь взаимозависимости по типу подчинения и власти идет и по линии церковной иерархии, начинаясь с какого-нибудь мелкого представителя господствующей церкви захудалой деревушки феодального средневековья, заканчиваясь где-то далеко в туманной дали во всемогущем Риме, где жил и откуда руководил всей этой колоссальной организацией, — могущественным, духовным орденом — папа, глава римско-католической церкви.

Если бы художник захотел в одном образе дать представление об этой культуре, выявить ее жизнеощущение и самочувствие, то, быть-может, он изобразил бы многоярусное здание, заполненное людьми с взором, на-

пряженно устремленным вверх по отношению к выше сидящим и изредка пренебрежительно, полупрезрительно переводящим глаза на тех, кто находится пониже.

Одинаково характерным для этой культуры является то, что икона, как символ зависимости от высшей божественной власти, является лучшим украшением и священным предметом в доме, равно как и то, что обычными формами вежливости были обращения такого рода, как «милолюбивый государь» и соответственно самоуничижительное «Ваш покорный слуга».

Авторитарность, как реальный факт действительной жизни образует модель, по которой отливается вся культура в целом. Все, решительно все, и в восприятии, и в толковании как бы удваивается; под всякой видимой, ощущаемой реальностью авторитарное сознание ищет и находит особую активную сущность; власть имеющую повелевающую волю, чьим велениям нельзя не подчиняться.

Такое «удвоение» в отчетливых высокохудожественных формах навеки запечатлелось в античной религии и мифологии. Все тогда, весь окружающий мир, всякое явление, как бы насыщалось жизнью. Людям казалось, что перед ними не просто деревья и ручьи, реки и горы, глубины морей и недра земли, солнечный диск или бездонное небо: нет это не все. За всем этим скрывается то мудрая, то грозная, то ласковая или жестокая реальность, воплощенная в плеяде богов и богинь. Тут и шаловливые дриады, нимфы, океаниды «колебатели земли». Посейдон, своим грозным трезубцом, то вызывающий, свирепые бури, то успокаивающий морскую стихию, тут и Лучезарный бог Солнца — Гелиос, и владыка мрачного подземного царства — Гадес или Плутон. Много их, разных богов и богинь, и растет их число с развитием хозяйственной жизни: достаточно было окрепнуть ремеслу внутри феодальной общины, или вернуться военно-торговым операциям, чтобы народное творчество зафиксировало новые моменты своей практики в образах бога

кузнеца — Гефеста, жестокого бога войны Марса и Гермеса, этого покровителя больших дорог, торговцев, грабителей и воров.

В дальнейшем пестрый мир античного политеизма (многобожия), теряет свои краски, религия становится серее, однотипнее, замещается монотеизмом (единобожием), верховным властителем Вселенной, в чьих руках судьбы людей и народов.

Дуализм (двойственность) мировоззрения распространяется в дальнейшем на целые группы явлений: их выделяют как нечто совершенно особое, не укладывающееся в обычные рамки, не подчиняющееся общим закономерностям, явления сверх-естественные, чудесные, таинственные. Эти явления противостоят обычным процессам Природы «всему хорошо известному», «обычному», «понятному», само собой разумеющемуся», их выделяют в особую рубрику «непонятных», «загадочных», «таинственных», «чудесных», часто «предвещающих несчастье», «опасных» и грозных явлений.

Неожиданное появление комет, солнечные затмения, грозные эпидемии, случаи особых нервных болезней выделяются человеком феодальной культуры, как нечто из ряда вон выходящее.

Подобно тому как не все люди одинаковы («черная» и «белая кость»), так и явления распадаются на естественные и сверх-естественные — «не от мира сего», чей смысл ясен, и значение может быть разгадано не «простыми смертными», а только мудрецами, достойнейшими, отцами церкви...

Таким образом, авторитарность, глубоко пропитывающая межличностные отношения, выходит из своих собственных берегов и служит шаблоном для понимания внесоциальных явлений. Если и мир построен по схеме власти и подчинения, как это кажется человеку авторитарной культуры, то где уж думать об его переустройстве. Тип «культуры» — или точнее идеологии, являющийся слепком с социальной модели, оказывается в дальнейшем орудием укрепления своей первичной базы.

Кроме разносторонней авторитарности можно в этой культуре отметить и ряд других дополнительных признаков.

Над этой культурой властно тяготеет «рок неподвижности». Застывшие формы жизни, удивительно медлительный темп ее развития, обусловленный уровнем ее техники, создавал у людей иллюзию чего-то абсолютно постоянного, прочного, навеки нерушимого.

Недаром нерушимыми памятниками этой культуры являются египетские пирамиды, храмы и соборы, требовавшие для своего возведения иногда целых столетий, против которых как будто бессильно и всемогущее время.

Если и возникали какие-либо изменения на протяжении одного или нескольких поколений, — то были столь незначительными, что до сознания почти не доходили; тем самым не было налицо благоприятных условий для возникновения и укрепления идеи развития или прогресса. А если в последние века этой культуры то тут, то там, то в одной, то в другой области возникало что-либо новое, а это повторялось все чаще и настойчивее в связи с ростом и развитием меновых связей, раскрывавшим перед людьми новые, иногда неожиданные горизонты, непривычное, необычное, тогда люди этой культуры пытались отделаться добродушно скептическим изречением: «ничто не ново под луной». Это была попытка превратить, по крайней мере, на словах — новое в давно знакомое.

Значительно позже, когда «новое» стало настойчиво пробивать себе дорогу в жизни, когда оно пыталось по-своему, по-необычному, посмотреть на мир, истолковать по-другому, вопреки общепринятой религиозной догме, поднять бунт против закоренившихся устоев феодализма, в своих жестоких объятиях стеснявших развитие производительных сил зарождавшейся буржуазии — тогда «старое» грозно ошестинилось, подняло перчатку, огнем и мечом ополчилось против новых идей и новых людей. «Так было, так будет» — обычный лозунг всякой отживаю-

шей культуры, во имя самосохранения, бо-
рущейся против новых жизненных тенден-
ций: за «Прошлого» — уже отживающее — про-
тив «Настоящего» и «Будущего».

Стихийный консерватизм, нелюбовь ко все-
му новому, рутинизм и шаблон — столь харак-
терные для авторитарных культур вообще — к
моменту их заката превращаются в злостно-
нетерпимый, жестокий и сознательный кон-
серватизм, выступающий против всякого
прогресса.

Если бы потребовалось связать эту куль-
туру с каким-нибудь глаголом, в котором
было воплощено основное ее содержание,
то на-~~вер~~ряд ли можно найти более подхо-
дящее слово, чем «консервировать», неруши-
мо охранять старое.

Воистину это «культура Великого За-
стоя».

Культура индивидуалистическая.

Совсем другими признаками следует оха-
рактеризовать следующие культуры, буржу-
азно-индивидуалистические. Одиночка — ин-
дивидум вот стержень этой культуры. Раз-
вивающееся меновое хозяйство подняло эконо-
мическое значение одиночки производи-
теля: крестьянина, ремесленника, торговца,
владельца мануфактуры, промышленника,
обострило и углубило значение частной соб-
ственности.

Личность — «я» стало сосредоточием эконо-
мических интересов, узел, в котором пере-
крещиваются хозяйственные нити. Но узел
этот, хотя одарен чувствами, однако, не
сознает и не желает сознавать зависимости
своего «бытия» от социального целого. Ему
кажется, что он самостоятелен, независим,
сам по себе; если на рынке с его стихийным
спросом и предложением, колебаниями цен
ему приходится считаться с суровой эконо-
мической необходимостью, приноравливаться
к чуждой силе, то воспринимает он это, как
досадную помеху, как зло, с которым скрепя
сердце приходится мириться. Эта формаль-
ная зависимость единичного предприятия —
великое заблуждение, но заблуждение, рас-

крывающее дремлющие силы частной ини-
циативы, дающие толчок экономическому
творчеству, подымает в одиночке — товаро-
производителе — дух наступления, стремле-
ние оставить незадачливых конкурентов по-
зади. Полный инициативы и напора, про-
никнутый захватническим настроением, че-
ловек «буржуазного мира», экономически
окрепнув, устами своих идеологов, творче-
ством своих ученых и художников, полити-
ков и вождей, провозглашает свою правду,
по-своему обобщает и между-человеческие
отношения в формулировках такого рода,
как «один против всех», «горе побежденным»,
«человек человеку — волк».

В центре всей культуры — свободная от
оков прошлого личность. Она провозглашает
формальное равенство, свободу и братство, а
реально, на деле ведет борьбу против всех,
несет «не мир, — но меч», не товарищеское
сотрудничество, а экономическое поработе-
ние, эксплуатацию и конкуренцию. Легко
связать эту культуру с одним словом, наи-
более точно ее выражающим: лучше всего
тут воспользоваться глаголом «взять». Взять,
урвать для себя, не считаться с другими,
таковы приемы и идеалы индивидуалисти-
ческой культуры. Для человека такой куль-
туры трагедия оказаться в лагере не иму-
щих.

Индивидуализм этой культуры отмечен в
литературе особым выделением героя и
идеализацией его борьбы против массы, тол-
пы, отсталой среды (обычный сюжет драм)
в живописи развитием портретности, а в му-
зыке усилением лирического начала.

В лице своих лучших, благороднейших
представителей таких, как Фридрих Ницше,
болезненно чутко принимавший к сердцу
судьбы культуры, со всей силой подлинно-
го пафоса ополчавшийся против ее выро-
ждения — даже такие как он, в своих иде-
алах и построениях не шли дальше, чем
идеал «сверх-человека», мечта и греза мудро-
го Заратустры.

Элементарное раздвоение на организо-
ванных и исполнителей, характерное для авто-
ритарных культур, в связи с усложняю-

Распыленные производительные силы, в общем равномерно рассеянные по всей территории феодально-земледельческого быта, с развитием капитализма образуют в городах настоящие сгустки орудий и людей в мануфактурах вначале, а затем на фабриках и заводах.

Последние являются колыбелью нового класса, класса наемных рабочих, участвующих в производстве только своей рабочей силой.

В этой колыбели и крепнет, и мужает индустриальный пролетариат—реальный носитель и творец новой пролетарской культуры.

В чем ее отличие от прежних культур? Где черты сходства и различия? В чем ее особые признаки?

Первая отличительная особенность этой культуры—это сознательно-положительный подход к труду.

На ранних стадиях эту культуру труда придется воспитывать и закреплять особенно в группах, выполнявших до этого организаторские функции, но в дальнейшем трудовое начало входит в плоть и кровь этой культуры, проникает как бы в сферу ее подсознательного.

Стихия труда окажется само собой разумеющимся фактором бытия, его бесспорной предпосылкой, и нельзя будет не трудиться, как нельзя не дышать, не любить, не тянуться к Прекрасному.

На ряду с трудовым характером этой культуры неотъемлемым дополнительным признаком ее является начало всемирного, товарищеского сотрудничества людей—культура трудовая, свободная от заблуждений и пережитков прошлого, задерживающих дальнейший рост жизни...

Для нее исходной точкой является веселое многоликое «мы», а не угрюмое одинокое «я», могучий коллектив всемирного, трудового человечества, дружно, согласованно, организующего свою борьбу со стихией Природы «В единении сила». Реальным базисом этой культуры является всемирная кооперация всех производительных сил человечества.

Эта культура в наиболее целесообразной форме с максимальной производительностью использует все материальные ресурсы Земли, ее природные богатства, не будучи связана в постановке и решении своих задач многочисленными ограничениями исторического порядка, классовыми привилегиями, узостью национальных или государственных рамок. Принципом максимальной производительности будут обусловлены способы организации сотрудничества; наиболее мощные обобщения науки явятся исходной точкой при построении общей системы хозяйства,—нормами научной целесообразности будут определяться и различные моменты, связанные с осуществлением плана.

Размеру возможностей, массе производительных сил материальных, человеческих и духовных будет соответствовать размах производственных задач.

В литературных произведениях великих художников фантазия обычно не выходит за пределы больших строительных работ, грандиозных иногда по замыслу. Таковы инженерные замыслы Фауста, проекты Мак-Аллана героя романа «Туннель» Келлермана или инженера Мэнни в романе Богданова того же имени. Задачи эти, однако, частичны: осушение болот, проведение тоннелей, каналов. Постановка задач в условиях пролетарской культуры по существу и грандиознее по захвату, полнее, ярче и главное целостнее: задачи по кардинальному преобразованию земного шара, задачи по превращении его в опорную базу безмерно богатого, могучего и счастливого всечеловеческого Коллектива.

Это культура Больших задач и Достижений.

Это великое Содружество больших человеческих масс отнюдь не обезличивает личности, наоборот оно подымает ее на небывалую высоту.

Тут речь не о стаде, а живом коллективе, где каждая единица вносит свой тон в общую симфонию труда и творчества, свои линии и штрихи в многокрасочную картину Жизни. В этой культуре человек одиночка, быть-может, почувствует себя трагически

обойденным Судьбой и Природой, если не сумеем—не «взять», как раньше, а «дать», что-либо коллективу, для которого не будет большего наказания, чем отказ коллектива воспользоваться его творческими достижениями, когда он почувствует себя вне коллектива.

Эта культура в высокой мере гармонизирует личность в первую очередь тем, что создает важнейшие предпосылки для максимально целесообразного использования каждой индивидуальной рабочей силы.

Первые серьезные шаги в этом направлении уже намечаются и при капитализме: научный выбор профессий (психотехника) в наибольшей мере гарантирующий как производительность труда, так и высокую радость делать любимое дело, к которому есть и внутреннее влечение, и природные дарования. Пышным цветом развернется учение об улучшении качества рабочей силы — евгеника (хороший род) и учение о способах увеличения продолжительности срока ее действия (работы по «омоложению»).

В условиях новой культуры при социализме такого рода изыскания, как идущие навстречу лучшим чаяниям людей, найдут для своего роста настоящую почву.

Но как бы полно ни была проведена гармонизация личности, специализация в полной мере не должна и не может быть устранена: своеобразно изменится характер ее применения. Не трудно предусмотреть в едином коллективе образование ряда своеобразных группировок—по линии различных интересов и функций, группировок, однако, не превращающихся в замкнутые касты, с вольными очертаниями, с легким доступом в ее пределы. Первые борозды, легшие между людьми на заре авторитарного строя, в дальнейшем превратились в силу исторического хода вещей в непроходимые пропасти. «Легче верблюду пройти через игольное ушко», чем пролетарию оказаться в рядах буржуазии или баграку-крестьянину превратиться в помещика.

Будет ли изжита авторитарность, останется ли в силе специализация, как преодолеть пропасти?

Авторитарность и связанное с ней — беспрекословное повиновение уже на наших глазах во многих областях жизни замещается компетентностью, советами и указаниями знающих данное дело людей; приказ—чему в прошлом приходилось повиноваться слепо, не рассуждая, замещается нормами целесообразности.

Специализация, быть-может, не менее глубокая, чем теперь, найдет свой корректив в повышении среднего уровня человека в максимальной гармонизации различных сторон его «я», в усилении тех общих сторон человеческой психики, которые помогут людям легче, полнее и глубже понимать друг друга.

Пропасти, разделяющие людей, не будут засыпаны: через них будут переброшены легкие мосты, и люди будут свободно переходить с берега на берег, участвуя в общем творчестве, то в роли организаторов, то в качестве исполнителей в зависимости от степени умения и подготовки для того или иного дела.

Колоссальные духовные сокровища, накопленные в ряде тысячелетий и вновь, и вновь создаваемые в процессе творчества, получают такие формулировки, будут в таких тонах преобразованы, что усвоение их окажется относительно куда более легким делом, чем теперь, они не будут—обременять и подавлять человеческой психики, дадут простор творческой деятельности, не будут загромаждать обилием конкретного материала, зачастую плохо систематизированного, иногда внутренние противоречивого и почти всегда разрозненного, неспяянного единства подхода.

Реорганизация наук под углом зрения коллективно-трудового, их большая систематизация на первых ступенях, быть-может, займет видное место в общей картине жизни.

В том же направлении преобразуется и искусство.

Его коллективное трудовое происхождение, значение и назначение, как орудия организации сил коллектива и отдельного че-

ловека, станет отчетливо сознаваемым принципом.

В красках и звуках, мраморе и металле, слове и сценическом действии оно не только организует психику, повысит ее активность, но и зачастую в своих построениях предвосхитит далекое будущее, новые тенденции жизни, слишком еще слабые, чтобы реально, конкретно и полностью воплотиться в действительности.

Когда сопротивление отживающей жизни более значительно, чем молодые ее тенденции, тогда творчество идет окольными путями, воплощается в грезе и мечте, полете и фантазии, а затем в форме художественного произведения — прообразе реальной действительности.

С культурой индивидуалистической обцим является признак ее большой прогрессивности, стремительности и настойчивости. Она ставит ряд колоссальных задач, задач, иногда на много лет или столетий заглядывающих вперед—с большей перспективой в будущее. Но этот пафос «будущего» не делает эту культуру судорожно-нервной, болезненно впечатлительной; эта культура бездонно богатая силами и возможностями, планами и перспективами вся в могучем устремлении в даль и в будущее, но в то же время культура максимальной насыщенности живой жизнью современности, культура больших порывов и в то же время глубоко сосредоточенная культура, холодной настойчивости и пламенного энтузиазма, органически чуждая застою, включающая движение только, как составной элемент, культура большого самообладания и сдерживающих центров «Культура Великого Покоя».

Быть может, перспективы такой культуры увлекательны, но не вольная ли это фантазия, не следует ли отнестись к этому, как «золотому сну», о котором можно лишь грезить? Так ли это?

Пролетариат, вооруженный знанием законов движения человеческого общества, отчетливо сформулированных в марксизме, знает

об исторической неизбежности осуществления в будущем социализма.

Однако теперь после всего, что было пережито человечеством за последнее десятилетие, сроки его осуществления, чрезвычайно сократились.

Прислушайтесь, что творится теперь на Земном Шаре. Разбуженный неслыханной катастрофой мировой войной всемирный пролетариат переживает настоящую революцию в своем самосознании. Он почувствовал—и чем дальше, тем это будет обостреннее—свое трагическое одиночество в этом мире полновластного господства капитала, который не остановится ни перед чем, чтобы ввергнуть в новые мировые конфликты, во сто крат более ужасные и истребительные, если этого потребуют его классовые интересы. Она, буржуазия, не остановится даже перед опасностью гибели всей культуры и может пойти в своем классовом ослеплении навстречу не мирному, тихому закату, а катастрофам, великим социальным конфликтам.

Единственный класс в капиталистическом обществе, который, отстаивая себя, в конечном счете и до конца будет отстаивать общие интересы всего человечества — это пролетариат. Чем полнее и глубже он будет проникаться сознанием своей исторической миссии на новых принципах организовать систему хозяйств, чем полнее он овладеет методами пролетарской культуры, понимаемой в самом широком смысле, тем быстрее и безболезненнее с минимальной затратой сил будет протекать великий процесс Мирового переустройства.

Собрать элементы новой культуры, систематизировать их, развивать дальше, распространять их, пропагандировать, создать вокруг этого дела атмосферу сочувствия интереса, энтузиазма—такова одна из важнейших задач современности.

Человечество переживает глухую осень и закат буржуазной культуры, раннюю весну и восход новой культуры — Пролетарской.

И. Кан.

Экономика и общественность.

Генуэзская конференция.

I.

Усталая и изнеможенная Европа жаждет мира и спокойствия!

Давно прошел уж пьяный победный угар союзников, и все же, несмотря на все заманчивые обещания, которые должны были быть выполнены после победы над германцами, несмотря на разоружение центральных держав, Европа продолжает бурлить злобой и ненавистью, а победители и не думают о действительном разоружении.

Призраки новых войн витают в пространстве. Вместо разоружения члены французского, например, правительства растерянно продолжают вопить о «немецкой опасности», о «русском милитаризме» и т. п. Вдобавок к этому почти в каждой стране, в связи с безработицей и общим экономическим кризисом, заметно нарастание новых революционных волн, на гребне которых вырисовываются грозные предзнаменования всему капиталистическому строю.

Сколько уж было международных конференций, чтобы разрешить все вопросы, связанные с закончившимся мировым побоищем?

Генуэзская конференция является по счету тринадцатой, — трагическая цифра, символизирующая ситуацию, при которой лишь сейчас, после почти четырех лет «мира», впервые в более расширенном кругу ставится вопрос о восстановлении Европы. Это доказывает лишь, что ни Версальский мир, стоившей Европе около 10 миллионов жизней, ни преславная Лига Наций этот вопрос не могли разрешить. «Победители», дик-

товавшие до сих пор лишь свои условия, знавшие лишь один способ борьбы со своими противниками — оккупацию, интервенцию, блокаду и всякие «репарации», должны сейчас признать свое бессилие подобными мероприятиями восстановить нормальную жизнь Европы.

Думали ли об этом «победители», составляя свой Версальский договор?

Возьмите, например, Англию и ее теперешнего кормчего Ллойд-Джорджа.

Один из виднейших английских экономистов, бывший во время войны одним из распорядителей военных кредитов в британском казначействе и участвовавший впоследствии в предварительном обсуждении условий Версальского договора — Кейнс, свидетельствует ныне ¹⁾, что договор этот был с английской стороны отчасти использован Ллойд-Джорджем, как предвыборный трюк. «Нужно заставить Германию заплатить за все военные расходы» — под этим лозунгом нужно было собрать покорную палату и ввести ожидания народа в смысле выполнения обещаний военного времени в определенное русло. Сам Ллойд-Джордж, как это подчеркивает Кейнс, никогда не говорил, что верит в платежеспособность Германии, согласно выставленным в Версальском договоре условиям.

Но вот с тех пор прошло порядочно времени. Страшные последствия войны выбили жизнь из ее нормальной колеи. Покупательская способность средней и восточной Евро-

¹⁾ Джон Мейнэрд Кейнс. Экономические последствия мира.

ны уменьшилась на много раз в связи с тяжким экономическим положением, созданным Версальским договором, с одной стороны, блокадой России—с другой. За время войны на различных мировых рынках утвердились Америка, Япония, нейтральные страны, конкуренция с которыми не сразу может дать благоприятные результаты; в различных колониях, как, напр., в Индии, Египте, в виду неполучения многих продуктов из метрополии, создавалась собственная небольшая индустрия. В результате «победители», упоенные победной славой, корчатся в конвульсиях экономического кризиса; в результате количество безработных в Англии достигает до 2-х миллионов при большом количестве рабочих, занятых лишь несколько часов в день.

Нижеследующие бьющие в глаза цифры о состоянии крупной промышленности (угольной, чугунной, стальной и ткацкой) ярче всего характеризуют положение, в котором все крупные державы очутились в послевоенный период:

Было добыто угля (милл. тонн, средн. вмес.):

	Англия.	Соединенн. Штаты.	Франция.	Германия		Бельгия.
				Кам. уг.	Бурый уголь.	
1913 г.	24,3	43,1	3,4	14,4	7,3	1,9
1918 г.	19,2	51,8	2,2	12,3	8,3	1,9
1919 г.	19,5	41,2	1,8 ³⁾	8,9	7,8	1,5
1920 г.—1-я чет.	21,0	47,3	2,7	10,2	8,2	1,8
1920 г. 2-я „	20,0	43,6	2,6	10,9	8,9	1,8
1920 г. 3-я „	20,2	48,4	3,1	11,3	9,6	1,9
1920 г. 4-я „	16,2 ⁴⁾	52,8	3,2	11,8	10,2	1,8
1921 г. 1-я „	17,0	34,0	2,8	12,0	9,9	1,9
1921 г. 2-я „	— ²⁾	31,3	2,3	8,2	9,8	1,6
1921 г. 3-я „	15,9	33,7	—	11,5	10,5	1,7 ⁴⁾

¹⁾ См. „Мировое хозяйство накануне и после войны“ Н. Суханова. „Красная книга“, I, изд. Профинтерна, Москва 1922 г.

²⁾ В декабре была забастовка.

³⁾ Три месяца была забастовка.

⁴⁾ С Эльзас-Лотарингией, как и дальше.

⁵⁾ Только за июль.

Выделано чугуна (в тысячах тонн, средн. в мес.):

	Англия.	Соединен. Штаты.	Франция.	Бельгия.
1913 г.	869	2693	437	207
1918 г.	768	3308	108	—
1919 г.	627	2627	201	21
1920 г.—1-я четв. . .	670	3124	200	54
1920 г. 2-я „ . .	739	2956	224	89
1920 г. 3-я „ . .	748	3126	330	111
1920 г. 4-я „ . .	606	3310	358	123
1921 г. 1-я „ . .	464	2000	295	108
1921 г. 2-я „ . .	25	1156	286	80
1921 г. 3-я „ . .	87	935	256	43
1921 г. 4-я „ . .	261	1437	—	—

Обработка стали (в тысячах тонн средн. в месяц):

	Англия.	Соединен. Штаты.	Франция.	Бельгия.
1913 г.	659	2651	368	206
1918 г.	812	3766	150	—
1919 г.	639	2936	182	28
1920 г.—1-я четв. . .	797	3674	193	69
1920 г. 2-я „ . .	795	3400	169	104
1920 г. 3-я „ . .	795	3541	277	118
1920 г. 4-я „ . .	602	3219	316	121
1921 г. 1-я „ . .	445	2202	262	104
1921 г. 2-я „ . .	26	1395	247	72
1921 г. 3-я „ . .	327	1171	230	27
1921 г. 4-я „ . .	376	1735	—	—

	Переработано хлопка (тыс. кип):		Простой веретен в 42-часовой неделе.	
	1/VIII 1920 по 31/I 1921 г.	1/II 1921 по 31/VII 1921 г.	1/VII 1920 по 31/II 1921 г.	1/II 1921 по 31/VII 1921 г.
Англия	1200	630	6,04	12,92
Соед. Штаты .	2320	2558	—	—
Франция . . .	316	7251	2,3	6,92
Германия . . .	393	2457	7,5	5,40
Италия	394	289	0,9	3,11
Япония	901	971	—	—
Индия	935	904	—	—
Испания . . .	181	117	4,7	9,1
Бельгия . . .	114	82	7,7	12,9
Австрия . . .	27	44	10,7	—
Чехо-Словакия.	95	114	13,3	8,76

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.
	(Тыс. тонн или милл. кв. ярд.)			(Милл. фун. стерл.)	
Уголь	73,4	24,9	24,6	99,6	42,9
Железн. и стал. изделия . .	4,9	3,2	1,7	128,9	63,8
Хлопчатобумажн. пряжа.	210,0	147,4	145,9	47,6	23,9
Хлопч.-бумажн. ткани (мд. кв. ярд.)	7,075	4435,4	2,902	315,7	137,2
Шерст. ткани .	105,8	187,2	76,6	75,2	24,6
Льнян. изделия	193,7	93,0	40,0	14,9	5,3

Итак, пала промышленность, сократился сбыт, и в поисках выхода «победители» вынуждены были обратиться к вчерашним противникам с тем, чтоб открыть себе рынки и общими усилиями попробовать улучшить свое положение.

Собравшаяся в начале 1922 года в Каннах союзная конференция постановила созвать финансово-экономическую конференцию всех европейских правительств, в том числе центральных держав России и Болгарии, для разрешения этих вопросов. Выставленные основные условия сводились к следующему:

1) «Ни одно государство не может присвоить себе право диктовать другому государству принципы, на которых последнее должно регулировать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и управления: каждая нация свободна в выборе системы, какую она сама предпочитает в этой области. 2) Однако прежде, чем какое-либо государство может воспользоваться помощью иностранных капиталистов, последние должны получить уверенность, что их имущество и права будут уважаться и что плоды их деятельности будут обеспечены за ними. 3) Действительные гарантии безопасности не могут быть восстановлены до тех пор, пока правительства всех государств, желающие воспользоваться иностранными кредитами, не заявят вполне определенно, что они признают все государственные долги и обязательства, заключенные и могущие быть заключенными или гарантированными государством муниципалитетами или какими-либо другими общественными организациями, а также обязательство восстановить все принадлежащие иностранцам имущества или компенсировать их за убытки, причиненные им конфискацией или секвестром их имущества, и систему законодательства и суда, которая беспристрастно ограждала бы права и обязательства, вытекающие из коммерческих и другого рода договоров, и обеспечивала бы их принудительную силу. 4) Необходимо располагать достаточными средствами обмена и вообще создать условия финансово-денежного обращения, в достаточной степени обеспечивающие ведение торговли. 5) Все нации должны воздержаться от пропаганды, направленной к низвержению существующего порядка и к установлению в других странах другой политической системы. 6) Взаимное обязательство воздерживаться от нападений на своих соседей должны все страны принять на себя. Если в целях обеспечения условий, необходимых для развития торговли в России, российское правительство потребует официального признания, то союзные державы будут готовы согласиться на такое признание, но лишь в

том случае, если русское правительство согласится с вышеприведенными условиями».

В дальнейшем среди союзников наметились две ориентации. Одна — английская, стремившаяся продвинуть дело созыва европейской конференции, которая была назначена в Генуе; другая — французская, считавшая, что Бриан оказался слишком уступчивым по отношению к Ллойд-Джорджу, что вовлечение Германии и России в русло международных отношений на равных правах не соответствует той политике, которую Франция всё время защищала, а потому и стремившаяся оттянуть как-нибудь вопрос о созыве конференции. В результате Бриан был «уволён», и его место занял Пуанкаре, который с давно знакомой заносчивостью начал саботировать дело созыва конференции. Сначала был поставлен вопрос «итти или не итти на конференцию?» Инсценировано было «общественное мнение», высказывавшееся за то, чтоб «не итти»; затем, когда Пуанкаре почувствовал, что Франция может оказаться изолированной, он продолжал политику Бриана, ибо его капризы угрожали тем, что Франция могла оказаться отсутствующей там, где решались бы важнейшие мировые экономические вопросы (концессии, займы, долги и т. д.). Пуанкаре, правда, добился от Ллойд-Джорджа того, что условия Версальского договора не будут ничем нарушены и что союзники заранее сойдутся на целом ряде условий, которые должны быть предъявлены приглашенным вчерашним противникам, главным образом, России.

Выработкой этих условий оттягивалась конференция, хотя официально оттяжка была истолкована министерским кризисом в Италии. Наконец, в Лондоне специальное совещание экспертов заинтересованных держав выработало условия, которые сводились к следующему.

Советы должны будут признать финансовые обязательства прежнего царского правительства в отношении как иностранных государств, так и граждан последних.

Что касается вопроса о том, должны ли и в какой степени должны новые государства, созданные на территории прежней России и теперь признанные особыми государ-

ствами, принять на себя известную часть русских долгов, то эксперты считают его вопросом политическим, разрешение которого будет зависеть от соответствующего соглашения между правительствами.

Советы должны будут признать также финансовые обязательства как местных властей, так и государственных учреждений по отношению к иностранным государствам и их гражданам... Советы должны будут принять на себя ответственность за все потери и материальные убытки, понесенные иностранцами по вине советского правительства либо... его предшественников, при чем все случаи ответственности советского правительства будут установлены комиссией по русским долгам и смешанным третейскими судами, создание которых предусматривается в докладе экспертов. Комиссия по русским долгам, имеющая быть созданной, будет составлена из членов, назначаемых советским правительством, и членов, назначенных другими государствами. Председатель комиссии должен быть избран из числа членов комиссии. Эта комиссия разрешит вопрос об учреждениях, функциях и организации смешанных третейских судов, займется вопросом о выпуске новых русских облигаций, которые будут выдаваться взамен прежних русских ценных бумаг.

Затем в докладе подробно разработан вопрос о гарантиях, которые должны быть потребованы от России. Советские власти, по мысли экспертов, обязаны разрешить соответствующим образом вопрос о судебных гарантиях, при этом должны соблюдать следующие принципы: 1) отделение судебной власти от исполнительной; 2) независимость судей; 3) применение законодательных норм, предварительно опубликованных и равных для всех; 4) иностранцы должны быть гарантированы от произвольных арестов и нарушения принципа неприкосновенности жилищ; кроме того, иностранцы должны иметь свободный доступ в специальные трибуналы для иностранцев; 5) гарантии права кассации и апелляции; 6) предоставление сторонам, заключающим договоры, права добиваться применения законов других государств; 7) судебная процедура, гарантирующая исполнение приговоров иностранных судов; 8) подчинение решениям арбитражного суда по всем спорам, возникающим в связи с заключенными договорами.

Далее доклад экспертов оговаривает, между прочим, следующие пункты: 1) свободный въезд и выезд иностранцев; 2) осво-

бождение иностранцев от всяких принудительных займов; 3) свобода сношений почтой, телеграфом и радио-телеграфом; 4) свобода торговли и промыслов без всяких ограничений для иностранцев; 5) свободный проезд иностранцев по всем дорогам с правом пользования всеми средствами транспорта; 6) право реквизиции допускается только в исключительных случаях, в которых причитающая в качестве возмещения сумма выплачивается немедленно; 7) иностранные торговые товарищества обладают правом свободы торговли наравне с отдельными лицами; 8) товарищества и отдельные иностранные купцы не платят чрезвычайных налогов, от которых свободны русские предприниматели; 9) иностранцы, прибывающие в Россию с целью заняться там своей специальностью, торговлей и промышленностью, имеют право свободного ввоза из-за границы продовольствия, одежды и инструментов как для личного употребления, так и для употребления находящихся у них рабочих иностранцев или русских; 10) паспорта, выдаваемые русскими властями, гарантируют предъявителю полную защиту и право заниматься промыслами, торговлей или специальным занятием; 11) обыски в квартирах или учреждениях, принадлежащих иностранцам, живущим в России, а также аресты могут иметь место не иначе, как с согласия и в присутствии соответствующего консула; 12) приговоры, вынесенные русскими трибуналами против иностранцев, могут приводиться в исполнение лишь с согласия консула; 13) преследование за политические убеждения может ограничиться лишь удалением за пределы государства, при условии согласия на то консула; 14) в некоторых портах будут созданы свободные зоны.

II.

Открытие Генуэзской конференции назначено было на 10 апреля.

Российская делегация, выбранная на пленарном заседании В. Ц. Н. К., имела по пути в Геную два совещания. На первом, в Риге, в котором участвовали представители Латвии, Эстонии и Польши (с информ. целью и представитель Финляндии), вынесен был ряд постановлений, касающихся экономического возрождения Восточной Европы и развития нормальной торговли между предста-

вленными странами. Как логический вывод, совещание высказало мнение, что «считает своевременным признание европейскими державами Р. С. Ф. С. Р. де-юре». Второе совещание было в Берлине с немцами и имело результатом подписанный впоследствии в Генуе русско-германский договор.

Наконец, при торжественной обстановке открылась и Генуэзская конференция. На первом пленарном заседании было высказано много красивых фраз. Председатель Факта отметил, что «здесь не должно быть ни победителей ни побежденных». Ему вторил Ллойд-Джордж, который, начав с указания, что «мы встречаемся здесь на равных правах», изложил 4 условия, которые должны быть положены в основу всей работы Генуэзской конференции: 1) Если страна принимает на себя договорные денежные и имущественные обязательства, то этот договор не может быть аннулирован при перемене правительства, 2) ни одна страна не должна вести кампанию против общественного строя другой, 3) ни одна нация не должна нападать на территорию другой, 4) граждане любой страны должны находить беспристрастный суд в судебных учреждениях другой страны.

На Западе, указал он,—безработица, на Востоке—голод и чума; народы всех рас и всех классов—вы все подвергаетесь жестоким страданиям, одни больше, другие меньше, но все вы страдаете, и если только не будет сделано общее напряжение вернуть Европу к нормальным условиям производства, то, как уже показывают некоторые признаки, наши страдания будут продолжаться, и вы очутитесь в самом отчаянном положении.

Выступивший вслед за ним представитель Франции Барту подошел к делу более прозаично и высказал то, что должно было явиться прологом к его дальнейшей «гонимонетной» политике.

«Европа,—заявил он,—устала от бесплодной декламации и требует методического и плодотворного образа действий, который один способен вернуть ей равновесие. Было

бы безумием думать, что Генуэзская конференция, как по мановению волшебной палочки, сможет воздвигнуть на развалинах, нагроможденных в Европе, сказочный замок немедленного экономического возрождения. Но было бы еще большим безумием, и к тому же безумием гибельным и разрушительным, скрестить руки и ничего не предпринимать из-за того только, что предпринять нужно слишком много».

Вслед за бледными выступлениями представителя Бельгии—Тениса и Германии—Вирта выступил т. Чичерин с самого начала поставивший задачу конференции в деловую плоскость.

«Российская делегация,—заявил он,—явилась сюда в интересах мира и всеобщего хозяйственного восстановления, которые недостижимы, пока все еще висит угроза новых войн...

Российская делегация намерена предложить всеобщее сокращение вооружения и дополнение правил войны запрещением варварских форм ее—удушливых газов, аэропланов и применения разрушительных средств против мирного населения. Россия готова сократить у себя вооружения при условии взаимности и гарантии от нападения и интервенции.

Приветствуя предложение английского премьера о периодических конференциях, Российская делегация считает необходимым превратить их в конгрессы всех народов. Необходимо формальное участие рабочих организаций на всеобщих конгрессах. Их решения не должны проводиться принудительно. Всемирный конгресс выделит технические комиссии для разработки программы всеобщего восстановления; они будут содействовать разработке мер к улучшению мировых путей, интернационализация которых будет происходить постепенно, стабилизации валюты, изысканию способов перераспределения золота и довоенной пропорции в форме долгосрочных ссуд, в сочетании с планомерным распределением производства, торговли и пр.

Как коммунисты, мы не питаем иллюзий относительно устранения причин войн и экономических кризисов, но мы готовы поддерживать все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства и ограничению возможности новых войн. Российская делегация заявляет о своей решимости содействовать всеми силами успеху работ конференции»...

Предложение Российской делегации перенесло Барту. Не входя в обсуждение этих вопросов, он предложил их снять, как не предусмотренные Каннским совещанием. Пришлось Ллойд-Джорджу выступить в качестве примирителя, и он, отвечая т. Чичерину, заявил:

«Если вы перегрузите нашу программу, то вы погубите конференцию. Если Чичерин не будет считаться с грузоподъемностью корабля нашей конференции, то он его перегрузит, и я должен указать, что в числе жертв кораблекрушения окажется и сам Чичерин».

Можно было, конечно, и раньше ожидать, что таково будет решение конференции, но в глазах широких масс всего мира предложение тов. Чичерина явилось достойным и наглядным ответом на речь представителя той же Франции, Бриана, разглагольствовавшего в свое время на Вашингтонской конференции о «русской милитаристской опасности», которая мешает якобы Франции разоружаться.

После этого заседания вся работа конференции сосредоточилась, главным образом, в комиссиях.

В ответ на меморандум комиссии экспертов, тов. Чичерин послал Ллойд-Джорджу письмо, в котором заявляет, что требования России таковы: «Немедленное признание России, немедленное предоставление России солидного займа, аннулирование военных долгов, а также процентов на них. Если эти условия будут приняты, Россия согласится признать довоенные долги. Однако, Россия требует отсрочки платежа в виде моратория, примерно, на 20 лет, включая

списание процентов с довоенных долгов. Что касается претензий бывших собственников, то Россия в случае удовлетворения упомянутых выше требований, согласится на предоставление концессий бывшим владельцам, где это окажется возможным; в тех же условиях, где этих концессий невозможно предоставить, Советское правительство согласится удовлетворить справедливые требования, либо по взаимному соглашению непосредственно с бывшими владельцами, либо на условиях, которые будут выработаны в течение конференции».

К письму этому приложен был длинный меморандум, указывающий, между прочим, на следующее:

Вместо того, чтоб говорить о восстановлении Европы и связанном с этим восстановлении хозяйства России, эксперты, главным образом, уделили внимание вопросам удовлетворения претензий кредиторов России. Считая, что восстановление России может успешно проводиться при участии иностранного капитала, меморандум отмечает, что, в связи с новой экономполитикой, последнему предоставлены сейчас достаточные права и гарантии. Ссылаясь далее на пункт 24 меморандума лондонских экспертов, стремящийся установить экстерриториальность для иностранцев, наш меморандум отвергает его так же, как и предполагаемое учреждение «комиссии по русским делам», которая, наподобие Версальской «репарационной комиссии», превратилась бы в орган контроля над всей хозяйственной жизни Республики. Все это не только нарушает суверенитет России, но и противоречит пункту Каннской резолюции о невмешательстве во внутренние дела каждой страны. Меморандум требует признания Р. С. Ф. С. Р. де-юре и указывает на то, что до сих пор союзники не сделали ни малейшей попытки войти в соглашение с Советской властью для защиты интересов их граждан и полюбовной ликвидации их имущественных прав, а, наоборот, блокадой и интервенциями нанесли России страшные убытки, которые дают гораздо бо-

лее бесспорное право на возмещение, чем претензии бывших владельцев имуществ в России и русских займов.

«Страшнее всего», говорится в меморандуме: «слышать требование возмещения убытков, нанесенных гражданами государств, безуспешно воевавших против России, из уст представителей правительств, применявших во время войны право конфискации частной собственности граждан противной стороны на (своей территории и утвердивших это право Версальским договором даже для мирного времени, возлагая, кроме того, на все население побежденного государства имущественную ответственность за убытки, причиненные победителям военными действиями его правительства».

Если бы Советское правительство обязалось платить из национального дохода разоренной страны хотя бы часть тех сумм, которые вытекают из перечисленных в лондонском меморандуме обязательств, то это не только бы привело к систематическому недопотреблению и хроническому вырождению ее населения, но и серьезнейшим образом задержало бы весь процесс восстановления ее хозяйства».

Допуская далее принцип взаимного возмещения убытков, русский меморандум отвергает попытку взвалить на плечи разоренного русского народа значительную долю военных расходов, ибо то, что именуется «военными долгами России», представляет собою запасы военного снабжения, изготовленные на заводах союзных стран и посланные на русский фронт для обеспечения успеха союзных армий. Это требование является тем более несправедливым потому, что союзники получили от войны громадные приращения территорий и контрибуции, а с России, принесшей в жертву общесоюзным интересам больше жизней, чем все остальные союзные страны вместе, хотят изыскать издержки по этим операциям.

Что касается возвращения собственности прежним владельцам, то оно может проводиться лишь в рамках установленной ныне новой экономполитики.

Далее, касаясь обязательств России, меморандум отмечает, что, согласно произведенным расчетам, сумма русских долгов равняется 181½ миллиардов золотых рублей.

«За вычетом военных долгов, получается сумма довоенных долгов и частных претензий с процентами по 1 декабря 1921 г. в цифре около 11 миллиардов, а с процентами по 1 ноября 1927 г. около 13 миллиардов. Если допустить на минуту, что Советское правительство согласилось бы платить по этим долгам полностью и в положенный срок, то первый взнос с процентами и с погашением долга потребовал бы суммы около 1,2 миллиарда. Царское правительство с огромным напряжением платежных сил населения в состоянии было на основе довоенной продукции в хозяйстве и довоенных размеров внешней торговли, имевшей превышение вывоза над ввозом, в последние 5 лет перед войной, в среднем 366 миллионов в год, выплачивать процентов и погашения около 400 миллионов рублей в год. Чтобы иметь возможность выплачивать указанную сумму в 1,2 миллиарда в год, Россия должна не только достигнуть довоенной продукции к 1927 году, но и превысить таковую в три раза. Так как ежегодный чистый национальный доход России равнялся перед войной 101 руб. на душу населения, а в настоящее время составляет около 30 руб. на душу, т.-е. уменьшился более, чем в 3 раза, то меморандум экспертов молчаливо, повидимому, предполагает, что за 5 лет наш национальный доход должен возрасти в 9 раз...

...Царское правительство платило ежегодно перед войной по своим долгам сумму, равную 3,3 проц. всего чистого или ежегодного национального дохода и около 13 проц. всего государственного бюджета. Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через 5 лет такой суммы, которая равна 20 проц. всего возросшего на 30 проц. национального дохода и около 80 проц. всего теперешнего государственного бюджета России, при чем уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения

в 7—8 раз больше национального дохода России».

Среди напряженной атмосферы, созданной обоими меморандумами, бомбой взорвался вдруг русско-германский договор, который в сравнении с тем, что вымучивалось союзниками, является самым простым решением вопроса о восстановлении нормальных взаимоотношений.

Среди всеобщего возбуждения особенной истерикой отличились французы, усмотревшие в этом даже нарушение Версальского договора. «Немцы снова оживают, немцы вырывают у нас нашу законную кость» — таков был смысл всех истерических выпадов французской прессы. В Генуе ставился уж было вопрос о разрыве с немцами и русскими, готовился уже срыв конференции, но и на этот раз Ллойд-Джордж, хотя и с кислой миной, выступил примирителем, и, наконец, выход был найден в устранении немцев из комиссии, обсуждающей русский вопрос. Мирную нотку внесло также письмо Чичерина к Барту, в котором первый заверил французов, что никаких тайных военных соглашений, направленных против третьей державы, в русско-германском договоре не имеется.

Вполне понятное беспокойство французов, можно предполагать, не особенно волновало Ллойд-Джорджа. Вопрос об отношении к Германии и России давно уже является камнем преткновения в взаимоотношениях между Францией и Англией. Англия хоть и не совсем против удавной петли, надетой на Германию, против, однако, того, чтоб она окончательно над ней затянулась. Это диктуется соображениями мировой политики, в которой все чаще намечаются довольно крупные разногласия между Англией и Францией. Часть общественного мнения Англии высказывается даже за сближение с Германией. Тот же Кейнс, например, в целях восстановления Европы и, в частности, России, считает необходимым привлечение германской предпримчивости и организованности. «В наших интересах, пишет он, ускорить пришествие дня, когда германские агенты и организаторы окажутся в состоянии пробудить в каждой

деревне импульсы обычных экономических движений»¹⁾ Кейнс идет еще дальше: «Союз свободный, торговый», пишет он: «включаящий всю среднюю, восточную и юго-восточную Европу, Сибирь, Турцию и (я надеюсь) Англию, Индию и Египет, может сделать столько же, сколько Лига Наций. Остальные (Бельгия, Голландия, Скандинавия, Швейцария, Франция и Италия) присоединились бы впоследствии».

Трезвая политика Ллойд-Джорджа хоть и не ищет поводов для обострения отношений с Францией, но все же идет своим путем, находясь под влиянием указанного выше общественного мнения Англии. И словно чувствуя нависающую над ней угрозу изоляции, Франция нехотя, скрежеща зубами, но все же тянется за Ллойд-Джорджем. И если, например, подпись Франции на втором меморандуме, предъявленном нашей делегации, была условна, то нет сомнения в том, что это является только лишней демонстрацией, подчеркивающей ее непримиримость. Франция ничего не теряла в данном случае, ибо понимала, что и второй меморандум не является окончательным словом подписавших его держав, и что в то же время и наша делегация не подпишет его очертя голову.

Политика Франции и Англии на Генуэзской конференции особенно ярко характеризуется следующими двумя заявлениями, сделанными в беседах с журналистами:

«Когда я вернусь в Англию», сказал Ллойд-Джордж: «2.000.000 безработных спросят меня, что я сделал для них»...

«Когда я вернусь в Париж», сказал тем же журналистам Барту: «миллион владельцев русских ценностей спросят меня, что я сделал для них»?

И все же нельзя, конечно, сказать про Ллойд-Джорджа, что он преисполнен уступчивости по отношению к России. Торг еще не кончен, но запрос необычайно высок, и, как это отметила наша делегация, второй меморандум в некотором отношении ставит более неприемлемые условия, чем первый.

Основные пункты его сводятся к следующему:

Статья 1-я, трактующая о *пропаганде*, обязывает советское правительство воздержаться от вмешательства во внутренние дела других государств, от всяких действий, способных нарушить территориальное и политическое статус-кво, в этих странах, и подавлять на своей территории всякие попытки к оказанию помощи революционному движению в других странах. Советское правительство должно также содействовать восстановлению мира в Малой Азии и держаться строгого нейтралитета по отношению к воюющим странам.

Ст. 2-я говорит о *долгах военного времени* иностранным правительствам. Последние не будут требовать теперь никаких платежей, а по урегулировании вопроса о военных долгах между всеми союзниками и Америкой союзные правительства предложат своим парламентам сократить долги, следуемые им от России на таких же основаниях, при чем будет принято во внимание финансовое и экономическое положение России. С своей стороны советское правительство *должно отказать от своих контр-претензий* в связи с интервенцией. Суммы, находящиеся на счету бывших российских правительств за границей, поступают в счет уплаты военных долгов и советскому правительству не возвращаются.

Ст. 3, 4, 5 и 6 говорят об урегулировании остальных финансовых претензий, о признании Совправительством долгов бывших правительств, муниципальных долгов и о соглашении с держателями русских бумаг.

Ст. 7-я говорит о свободе России устанавливать *любую систему собственности, внутреннего хозяйства и правления*. Для получения иностранной помощи России, Советское правительство соглашается *вернуть конфискованное имущество бывшим иностранным владельцам или компенсировать их*. При этом компенсация дается в тех случаях, когда иностранец не получает возможности вступить в свои прежние права. Если соглашение о размерах компенсации не может быть достигнуто, то вопрос решается смешанным арбитражным трибуналом.

Ст. 8-я дает возможность иностранцам *взыскивать убытки частных лиц в России*.

Ст. 9-я гласит, что компенсация, вытекающая из 7-й статьи, уплачивается пятипроцентными бонами, при чем сроки и способы платежа процентов и амортизации устанавливает арбитражная комиссия.

¹⁾ Кейнс. Экономические последствия мира.

Ст. 10-я говорит о составе смешанных арбитражных трибуналов, назначенных отдельными странами. Один член назначается Советским правительством, другой — заинтересованным иностранным правительством, а третий — председателем арбитражной комиссии.

Ст. 11-я трактует положение иностранцев в России, ссылаясь, на статьи девятую — семнадцатую лондонского меморандума.

Ст. 12-я неопределенно говорит о договорах и контрактах между русскими и иностранцами, относительно чего должно состояться особое соглашение с Советским правительством.

Ст. 13-я возвращает румынскому правительству депонированные им в России ценности.

По самым последним сведениям, наша делегация уж вручила ответ на меморандум союзников. В ответе резко отмечаются попытки вмешательства в нашу внутреннюю и внешнюю политику, поскольку последняя не противоречит существующему ныне международному праву, отмечается, что канская резолюция была принята Россией под неременным условием применения принципа взаимности, указывается на то, что, хотя за Россией в принципе и признается право организовать свою систему собственности, но практические пункты соответствующей статьи меморандума находятся с этим в полном противоречии, отвергаются и арбитражные суды, как нарушающие суверенитет России, тем паче, что не может быть беспристрастного суперарбитра при антагонизме между двумя системами собственности.

Подчеркивая, что Россия согласна на серьезные уступки, делегация считает вместе с тем, что, в виду чрезвычайной сложности вопросов, изучение их могло бы быть передано в комиссию.

III.

Всем этим крупным и важным вопросам сопутствовал и ряд других более второстепенных вопросов, имевших отношение к России. Одним из таких вопросов является, например, вопрос о Грузии, нашедшей себе «защитника» в лице Франции.

Франция, под гнетом которой стонет ряд народов на грандиозном пространстве в Африке и Азии, которая на глазах всего мира закабалила Саарскую область, где на 650.000 немецкого населения в 1918 г. было всего 100 французов, — эта Франция очутилась в роли «защитницы прав угнетенной Грузии».

Если присмотреться к тому ажиотажу, который поднялся в Генуе вокруг советской нефти, то ясной станет причина любви Франции к Кавказу и к Грузии, в частности. И все же грузинские меньшевистские плакальщики, несмотря на все их старания, дальше министерских передних не пошли... Как бы идя по линии наименьшего сопротивления и перенося этот вопрос в его действительную плоскость, французы настаивали, чтоб, в случае возвращения предприятий частным лицам, предпочтение отдавалось прежним владельцам (французы не мало заинтересованы в этом!). Таким образом, по их мнению, разрешился бы вопрос и относительно участия французов в эксплуатации российской нефти, на которую так падки и американцы, англичане и др.

Франция поддерживает также и Румынию и ее захват Бессарабии, продолжает в Генуе настраивать против нас Польшу, несмотря на то, что последняя подписала протокол в Риге, в котором считается необходимым признание Р. С. Ф. С. Р. де-юре. Последнее обстоятельство вызвало даже обмен нотами в Генуе между т. Чичериным и Скирмунтом.

Наша делегация, когда заходила речь об угнетенных народностях, умела ставить эти вопросы в их действительном освещении, вызывая на объяснения заинтересованные стороны (Японию, Румынию и др.).

Одно время, после ответа нашей делегации на первый меморандум, конференция уперлась было в тупик. Допускали возможность разрыва. Часть делегатов, в особенности, представители Малой Антанты, склонна была отсрочить конференцию на шесть месяцев, чтоб за это время «продумать и взвесить все материалы».

Одно, однако, выступает сейчас ясно и рельефно. Соглашение с нами необходимо Европе так же, как и нам. Поэтому, если конференция даже кончится ничем, то не исключена возможность сепаратных соглашений. Попытки Франции наперечь все усилия, чтоб крепко организовать державы, подписавшие Версальский договор, не дают желательных результатов. В последний момент разногласия, например, между Францией и Англией обозначались не только по «русскому вопросу», по вопросу о политике в Малой Азии и т. д., но и по польскому вопросу. Заявление Ллойд-Джорджа о необходимости пересмотра Виленского, восточно-галицийского и Саарского вопросов вызвало бурю негодования в Париже. По сведениям прессы, Барту получил инструкции протестовать против всяких попыток изменить положение, создавшееся в результате Версальского мира. Малая Антанта, в частности, Польша в свою очередь, неистовствует, грозя уходом с конференции.

Этот наметившийся водороздел в стане союзников, как и основной вопрос о восстановлении хозяйства Европы, не могут не привести Англию к соглашению с серединой Европой и Россией, и к изоляции французской политики. С этой точки зрения для нас не страшным явится и то положение, если Генуэзская конференция не окончится ожидаемым всеобщим соглашением.

Наоборот, есть веские соображения за то, что как в интересах Советской России, так и в интересах революции, сепаратные соглашения оказались бы более выгодными.

И. Трайнин.

Р. S. Статья эта была набрана еще до окончания Генуэзской конференции.

Как известно, последняя закончилась постановлением о созыве в Гааге новой конференции, которая займется разрешением экономических проблем, в особенности, о частной собственности и кредитах. До окончания работ Гаагской конференции, державы обязуются не предпринимать никаких агрессив-

ных действий и не вмешиваться во внутренние дела других стран.

Уже в подготовительной работе к Гаагской конференции снова наметились разногласия между Англией и Францией. Это проскальзывало и в речи Ллойд-Джорджа о Генуэзской конференции, произнесенной им в палате депутатов, и в тех меморандумах, которыми обменялись в последнее время английское и французское правительство.

Английское правительство высказалось, например, против предложений французского правительства о том, чтоб в предварительном обсуждении в Гааге *без участия русских* выработать «план восстановления России» и предложить его затем Совправительству. Далее, в противовес Франции, Англия высказывается против давления на Россию, с тем, чтоб она взяла обратно свой меморандум от 11 мая. Что касается вопроса о возвращении частной собственности, то Англия считает, что Россия в праве распоряжаться у себя по своему усмотрению, хотя и настаивает на компенсации в той или иной форме прежних собственников.

В ответ на это французский меморандум отмечает, что в настоящий момент неблагоприятно было-бы разбивать «единый фронт» против России. Что касается возвращения частной собственности, то Франция, соглашаясь с Англией, что каждая страна в праве распоряжаться у себя по своему усмотрению, все же считает, что при настоящих условиях Совправительство не в состоянии якобы гарантировать права прежних собственников, а потому считает более целесообразным возвращение имущества и предприятий прежним владельцам.

По вопросу о русских военных долгах, в противовес Англии, заявившей, что она готова списать часть причитающихся ей с России военных долгов, французское правительство заявляет, что речь может идти о рассрочке платежей, но что оно ни в коем случае не согласно сократить цифры долгов.

В таком положении европейские державы подходят к открывающейся сейчас Гаагской конференции.

Паралельно с этим, как несомненный плюс нашей дипломатии следует отметить заключение политического и торгового договора с

Чехо-Славией, последовавшее после Генуэзской конференции.

И. Т.

Экономика и политика.

Переживаемый исторический момент поставил перед рабочим классом задачу невиданного доселе размера. Под угрозой окончательного закабаления его империалистической буржуазией, политического и экономического рабства капиталу, гибели миллионов пролетариев от голода вследствие безработицы, под угрозой новых войн, где, как и прежде, будут убиты и искалечены многие миллионы трудящихся—рабочий класс должен найти свой выход из тупика мировой хозяйственной послевоенной разрухи. Буржуазия тоже ищет *своего* выхода.

И, в так называемой, Лиге народов, и на различных Совещаниях (а их было очень много) своих патентованных дипломатов и экономистов, буржуазия стран победительниц придумывает различные способы выйти из тупика за счет удушения рабочего класса, как побежденных стран (Германия, Австрия, Венгрия, Турция), так и стран победительниц (Англия, Франция, Америка).

Удушение происходит, как путем прямого насилия над рабочим классом, путем расстрелов, казней и тюрем, так и мерами экономического воздействия: понижением заработной платы до голодного уровня, удлинением рабочего дня, локаутами, и, наконец, массовым закрытием фабрик и заводов под влиянием мирового хозяйственного кризиса.

В медовые месяцы после победы буржуазия Антанты преодолела стихийно-революционное настроение рабочих масс, не допустив безработицы, не покушаясь на завоеванный рабочим классом прожиточный минимум, не сопротивляясь сокращению рабочего дня. Несмотря на отсутствие сбыта товаров и сокращение военных заказов, промышленность стран-победительниц работала полным ходом вплоть до того момента,

пока буржуазия, учитывая поражение рабочего класса в побежденных странах (Венгрия, Германия, Австрия), а также неудачу революционного напора рабочего класса в Италии и Чехо-Словакии, пока буржуазия в связи с надвигавшимся мировым хозяйственным кризисом, не сочла себя в силах, опираясь на всю мощь своей государственной власти, перейти от обороны к наступлению по всему фронту.

При благосклонном содействии правых социалистов всех мастей и рангов, в лучшем случае при лицемерной с их стороны оппозиции (сопротивлении на словах) во всем мире воцарилась бешеная реакция, диктатура обнаглевшей буржуазии, прикрытой фиговым листом «демократии». Уступки рабочему классу своей страны, застраховавшие на время буржуазию стран-победительниц от революционного взрыва, не помешали, а, наоборот, обусловили и оформили стремление буржуазии Антанты жестоко расправиться с трудящимися массами побежденных стран.

Карта Европы была волею победителей перекроена, хозяйственное единство прежде существовавших государств было искусственно разорвано.

Австро-Венгрия распалась на ряд враждующих между собою мелких государств, из которых каждое стало неоплатным должником и данником победителей, потеряв свою политическую и экономическую независимость.

С Турцией идет вооруженная борьба за ее раздел и превращение ее в колонию английского капитализма.

Германия по Версальскому мирному договору лишилась обширнейших и богатейших территорий с громадными запасами угля и руды, и обязана заплатить в 36 лет денеж-

ную контрибуцию в размере 132 миллиардов золотых марок (с процентами). Несколько поколений рабочего класса Германии этим грабительским договором, в котором проявилась чудовищная алчность и злоба буржуазии победивших стран, обречены в невыносимых условиях, ценою медленной гибели и вырождения от обнищания и голода, спасти буржуазию своей страны и стран-победительниц от окончательного краха.

Для характеристики тех способов, какими думала буржуазия Антанты застраховать себя от революционных бурь и надвигавшегося послевоенного кризиса, остановимся вкратце на некоторых, особенно выпуклых с точки зрения грабительских целей, сторонах этого договора. Переводя сумму причитающейся к уплате союзникам контрибуции равную 132 миллиардам золотых марок на вес, мы получим вес этой золотой массы в 2.926.292 пуда. Для перевозки такого количества золота потребовалось бы 3000 вагонов или около 100 товарных поездов. Аннексия Эльзас-Лотарингии, Саарского бассейна и промышленных областей Верхней Силезии отняла у Германии свыше 25% годового производства угля и $\frac{3}{4}$ годовой добычи железной руды.

Аннексия с.-хозяйственных областей Познани и Западной Пруссии (Польский коридор) лишила Германию 25% производства хлеба при сокращении населения, вследствие этой аннексии, в 6%.

Старая Германия удовлетворяла продовольственные потребности своего населения в размере 85%. Теперь она сможет прокормить не более 50% населения.

В течение трех месяцев по вступлении в силу Версальского договора Германия обязалась доставить Франции и Бельгии: 700 заводских жеребцов, 40.000 кобылиц, 4000 быков, 140.000 дойных коров, 1200 баранов, 120.000 овец, 10.000 коз и 15.000 свиней.

Это предварительно до выработки окончательного перечня возмещений. К 1 января 1921 г. Германия сдала 131.500 тонн сель-

ско-хозяйственных машин, и больше $\frac{2}{3}$ оставшегося торгового флота.

Кроме того, Германия, как известно, согласилась выдать союзникам 5000 локомотивов, 150.000 вагонов и значительное количество железнодорожных материалов.

По германским расчетам ценность всех этих товаров, железнодорожных материалов, судов и прочее определяется в 18,4 миллиардов золотых марок.

На уплату одной только контрибуции союзникам, не считая оккупационных и других платежей, приходится отдавать союзникам ежегодно около $3\frac{1}{3}$ миллиардов марок золотом.

Между тем все национальное богатство Германии исчисляется немецкими экономистами в 200—250 миллиардов золотых марок.

До войны Германия имела национальный доход в 40 миллиардов золотых марок из которых 32 миллиарда шли на потребление, а 8 в фонд накопления. Теперь этот доход не превышает 25 млрд. золотых марок¹⁾.

Таким образом сумма денежной контрибуции Германии, подлежащей выплате в течение 36 лет, составляет больше 50% всего ее национального богатства.

Ценность ограбленных материалов не менее 10%. Ежегодная уплата долгов союзникам составляет не менее 15% всего национального дохода при абсолютном его сокращении на 40% и при соответствующем сокращении расходов на потребление и фондов потребления.

На основании Версальского договора Германия лишилась не только колоний, но и всех своих капиталов за границей. В 1913 году стоимость германских предприятий и прочих ценностей за границей исчислялась в 20—25 миллиардов золотых марок.

В среднем на каждую душу населения Германии приходится ежегодной потери за-

¹⁾ Ср. ст. III. Двойлацкого „Мировое хозяйство и кризис 1920 — 1921 гг. в № 1“. (5) „Красная Новь“ январь—февраль 1922 г.)

работка в пользу союзников не менее 25%.

Само собой разумеется, что всею тяжестью эта потеря ложится на плечи трудящихся. Уже к настоящему моменту, когда далеко еще не проявились все тягостные последствия Версальского договора и по ряду причин, мировой хозяйственный кризис еще не коснулся в сильной степени Германии, реальная заработная плата германского рабочего в 5 раз ниже заработной платы американского рабочего.

Такова «экономическая политика» мировой буржуазии в направлении разрешения послевоенной разрухи, такова попытка «сбалансировать» счет послевоенных убытков и на основе сохранения капиталистических отношений восстановить разрушенные войной производительные силы и экономические связи между государствами.

При сохранении анархической капиталистической структуры в передовых промышленных странах при диктатуре буржуазии в лице ее финансовой олигархии, если и возможно прийти к какому-либо хозяйственному равновесию, то только за счет вымирания миллионов безработных, экономического рабства и вырождения от недоедания и истощения нескольких поколений рабочего класса.

В настоящее время нет возможности точно подсчитать все потери, которые понесло мировое хозяйство в течение войны. Учитывая кроме прямых расходов на войну потери от мобилизации 70 миллионов взрослого населения, потери вследствие усиления смертности и уменьшения рождаемости сверх 35 миллионов, потери вследствие остановки производства и нарушения хозяйственных связей между государствами, без преувеличения можно утверждать, что Европа к моменту окончания войны обеднела материальными ценностями, необходимыми для дальнейшего развития производства, по крайней мере, на 50%.

Потеря работоспособного мужского населения в Европе превышает 12%. Расходы на войну непосредственно, считая в этом числе и оценку жизни 10 миллионов уби-

тых солдат, равняются около 302 миллиардов долларов или около 1270 миллиардов марок.

Контрибуция, наложенная на Германию, должна возместить больше 10% этого расхода.

Итак трудящиеся массы, в первую очередь побежденных стран, должны были по мысли буржуазии Антанты заплатить большую часть военных убытков; за счет этой платы буржуазия Антанты хотела застраховать себя от натиска собственного пролетариата и в значительной степени восстановить свои производительные силы.

В направлении указанной «великой цели» выйти из тупика хозяйственной разрухи и застраховать себя на время от революционного натиска рабочего класса путем грабежа побежденных и экономически слабых государств, еще более важное значение, чем Германия имела Советская Россия.

Нужно было во что бы то ни стало уничтожить очаг революционной заразы, сконцентрировавший в лице III Интернационала всю мощь революционной энергии мирового пролетариата, руководящий движением мирового пролетариата, путающий все расчеты буржуазных политиков и продолжающий быть угрозой самому существованию капиталистического мира.

Советская Россия должна была погибнуть, трудящиеся массы должны были заплатить все долги союзникам, а недра земли: нефть, уголь, руда, другие сырьевые богатства, хлеб, лесные богатства, железные дороги и т. д. должны были быть предоставлены в эксплуатацию союзному капиталу.

Россия должна была быть превращена в полуколониальное государство, территориально ограблена (отторжение Украины, Кавказских Республик, части Сибири и т. д.) и трудящиеся России должны были получить второй Брест более тяжелый, чем Брест-Литовский мир с Германией. Огромный крестьянский потребительский рынок должен был поглощать продукты заграничной промышленности во славу и спасение капиталистического мира.

Голодная блокада, Краснов, Деникин, Врангель, Колчак, Юденич, Савинков, бандитские движения, террор — все подлые средства прямого насилия и подкупа были пущены в ход для удушения Рабоче-крестьянской России; вновь были затрачены на эту авантюру сотни миллионов народных денег. Благодаря самоотверженному сопротивлению рабочих и крестьян Советской России эта авантюра окончательно провалилась.

Между тем нарастал и разразился с невиданной силой послевоенный хозяйственный кризис, выкинувший на улицу десятки миллионов безработных (в настоящее время их насчитывается в «цивилизованном» мире, считая и полубезработных до 15 милл., а с семьями не менее 40 миллионов) и вновь в острой форме перед мировой буржуазией стоит прежняя, казалось, после разгрома революционных движений пролетариата, уже решенная задача: *спасение капиталистического мира от взрыва социальной революции, и надвинувшейся хозяйственной катастрофы.*

О превращении Советской России в колонию, о прямом и непосредственном ее грабеже в настоящий момент не может быть и речи. «Пусть только попробуют попробовать» это сделать, как обнаружится полное банкротство их политики насилия, как это было и раньше, и буржуазия станет перед непосредственной угрозой стихийного взрыва социальной революции, как это было в момент, когда Красная армия подходила к Варшаве.

Слишком большой риск и слишком велика ставка, чтобы буржуазия союзников решилась ее поставить. Нужно идти обходным путем.

Россия, хотя и Советская, должна помочь выйти из кризиса; хотя бы и не в полной мере не так, как хотелось раньше, но она так же как и Германия, должна заплатить за убытки, должна под давлением голода и разрухи (а если этого недостаточно, то и под угрозой интервенции Польши, Румынии, десанта на Черноморском побере-

жья и т. д.), подчиниться требованиям союзников и подвергнуться, на известных условиях экономической эксплуатации.

Отсюда приглашение в Геную, где союзниками будут пущены в ход все средства допустимого воздействия, чтобы заставить Советскую Россию принять их условия; второй Брест попытаются создать в Генуе.

Сможет ли мировая буржуазия преодолеть хозяйственный кризис, идя по тому пути, по которому она до сих пор идет, преодолеть даже при условии полного подчинения Германии союзникам и возможности приступить к жесточайшей эксплуатации Советской России, т.-е. за счет прибавочной стоимости трудящихся побежденных стран и Советской России.

Ответ на этот вопрос целиком зависит от силы сопротивления мирового пролетариата, от ясного понимания им поставленной перед ним задачи и ее пролетарски-классового решения. Другими словами степень культурного развития мирового рабочего класса, ясность его классового самосознания, способность его к организованному производственному строительству — обусловит решение вопроса временно в пользу буржуазии или пролетариата.

Передовым наиболее сознательным и революционным слоем рабочего класса, организованного в мировом масштабе в международное товарищество рабочих III Интернационал решение вопроса четко и ясно намечено: социальная революция, переходный период диктатуры пролетариата, коммунистическое строительство.

Наметить решение вопроса — еще не значит в данный момент *быть в состоянии* его решить.

Со времени образования Марксом I Интернационала, социализм, как конечная цель рабочего класса, осуществляемая путем диктатуры пролетариата и социальной революции все время стоял в программе всех социал-демократических партий. (Только реформисты оспаривали и оспаривают необходимость социальной революции и диктатуры пролетариата).

Но от программы до действий «дистанция огромного размера» и в настоящее время все с.-д., меньшевики и герои II Интернационала от прекрасных слов программы-максимум скатились в болото самого подлого предательства и практического соглашения с буржуазией *против* революционного коммунистического авангарда рабочего класса.

Коммунистический Интернационал поставил решение этой задачи, как *ближайшую* очередную цель, перед пролетариатом всего мира, а русские рабочие, прогнав капиталистов и помещиков, приступили к практическому ее осуществлению.

Приступив к практическому осуществлению цели коммунистического строительства, русский рабочий *доказал возможность при соответствующих условиях* правильного решения этой задачи.

Но так как соответствующих условий налицо не оказалось, главным образом, вследствие поражения коммунистов в Германии, Венгрии и др. странах, а также гражданской войне и интервенции, приведших к полному обнищанию страны и голоду, то русскому рабочему классу пришлось форсированным маршем отступать на заранее подготовленные позиции. Ему приходится снова организовывать свои ряды, находить пополнения и готовиться, учитывая всю сложность международной обстановки, к новому наступлению, по более длинной дороге. Он должен разработать новый стратегический план, как немедленно шаг за шагом он должен отвоевывать окоп за окопом у своего противника, в то же время организационно закреплять завоеванные позиции.

Коммунистические революционные движения рабочего класса Германии, Чехо-Словакии, Италии, доказали *возможность, опять-таки при соответствующих условиях*, захвата власти штурмом рабочего класса, а в Венгрии рабочему классу удалось даже на короткий срок захватить власть в свои руки.

В чем причина поражения коммунистов в названных странах, в чем заключаются «соответствующие условия» для победы?

Здесь нужно различать два вопроса. Первый — это вопрос о захвате политической власти и об установлении диктатуры пролетариата.

Захват власти пролетариатом обусловлен степенью его стихийной революционной энергии, ясностью его классового политического сознания, сопротивляемостью и активностью враждебных классов, по крайней мере, нейтрализацией по отношению к пролетариату городской мелкой буржуазии и в особенности «середняцкого» крестьянства — одним словом, факторами, разветвляющимися на арене классовых битв. Поражение рабочего класса в схватке со своими классовыми врагами объясняется дряблостью, отсутствием революционной энергии у организаций 2 и 2½ Интернационала, малой численностью и слабой организованностью коммунистических партий, силой и организованностью враждебных пролетариату классов.

Другой вопрос, это вопрос о длительном удержании в своих руках власти, о быстрейшей организации экономического фундамента для диктатуры пролетариата, о глубине и размахе социалистического планомерно-хозяйственного строительства в переходный период к коммунизму. Короче говоря, это вопрос о скорости изживания неизбежного при хозяйственно-революционном кризисе периода падения и дезорганизации производительных сил и о времени смены этого периода периодом подъема производительных сил и их организации на основе планомерного социалистического производства.

Коммунистическое строительство это прежде всего задача организованного планомерного подъема производительных сил общества и доведение их до высшей ступени развития, возможной при данном уровне техники.

Диктатура пролетариата есть только могучий рычаг для организации и развития производительных сил до высшего уровня, на основе планомерного социалистического хозяйства.

Совершенно очевидно, что на основе длительно падающих производительных сил, на

основе «отрицательного» расширенного воспроизводства никакое коммунистическое хозяйство построено быть не может. При длительном падении производительных сил происходит настолько сильное понижение уровня существования трудящихся масс, что пролетариат деклассируется, теряет свой энтузиазм, творческую активность и дезорганизуется.

Наступает период деградации (распада) и приходится частично восстанавливать, казалось, изжитые уже формы хозяйства капиталистического мира, идти в обход. Продолжительность «переходного периода» увеличивается, увеличиваются трудности строительства, экономический фундамент диктатуры становится менее прочным.

В первый ближайший и кратковременный период по захвате власти, продолжающееся и углубившееся падение производительных сил маскируется распределением и использованием ценностей, накопленных и еще не растраченных в предшествующий период.

По исчерпывании запасов с тем большей силой обнаруживается указанное противоречие между падением производительных сил и задачами коммунистического строительства.

Построить коммунистическое общество это значит *организовать хозяйство* передовых капиталистических стран на коммунистических началах. Коммунизм означает планомерную безклассовую товарищескую организацию производства, где учтены все потребности данного общественного коллектива и соответственно учтенным потребностям организовано производство и распределение.

В коммунистическом обществе не только каждое отдельное предприятие должно быть научно организовано, т.-е. с использованием всех данных науки и техники, но и все хозяйство в целом, т.-е. совокупность предприятий, должно составить стройную систему производства, наподобие часового механизма.

Каждая отдельная отрасль производства, каждое отдельное предприятие в этой си-

стеме должны быть соотносительны каждой другой отрасли, каждому другому предприятию.

Текстильное, скажем, производство должно быть соотносительно не только потребностям в тканях, но и тому количеству угля или электрической энергии, которое может быть обеспечено текстильной отрасли производства, соотносительно количеству хлопка, льна и других сырых материалов, которые ему могут быть предоставлены. Электротехническая промышленность опять-таки должна быть соотносительна, кроме потребности промышленности и частных лиц, тому же производству угля, металлургической промышленности, стеклянной и т. д.

Наконец, то или иное сочетание рабочих элементов в производственном процессе данной системы, разделение труда, способ организации производителей в данной системе должны быть соотносительны высоте техники и степени производственного сознания участников.

Только тогда система будет работать без перебоев. Это и есть то, что называется единым хозяйственным планом и научной планомерной организацией производства.

Следовательно, постройка коммунистического общества требует от его организаторов, т.-е., по крайней мере, от передового слоя рабочего класса, ясного понимания, что такое научно-планомерная организация мирового хозяйства, и какие пути и посредствующие звенья ведут к осуществлению этой цели. Рабочий класс должен знать на какой технической основе должно быть построено коммунистическое общество и научно овладеть этой основой. Уже в настоящее время техника такую основу имеет: это—электричество, и коммунистическое хозяйство, с точки зрения технической, может быть охарактеризовано, как электрофицированное хозяйство. Точно так же наука буржуазного мира, в погоне за изысканием наилучших способов добиться наибольшей степени эксплуатации рабочих, выработала совершенно пригодную научно-построенную систему для этой цели. Это так называемый

тэйлоризм и его разновидности и способы определения производственных качеств работника-психотехника. Эта новая отрасль науки с точки зрения рабочего класса представляет не что иное, как научную разработку вопроса о соотносительности технической организации системы к организации труда внутри этой системы. Она использует данные наук: биологии, психологии, физиологии для научно поставленной при капитализме эксплуатации рабочей силы. Некоторые элементы тэйлоризма, связанные с рационализацией труда, могут быть использованы и при социализме.

Эту науку о наилучшей эксплуатации рабочей силы в интересах прибыли капиталистов, рабочий класс должен «поставить на ноги», использовать для целей организации коммунистического хозяйства, превратив ее в науку о соотносительности технической организации системы к организации людей в системе коммунистического производства¹⁾.

Это будет новая наука, учение о научной организации сотрудничества людей в процессе производства (и распределения) или экономика коммунистического общества.

Наконец, третье условие, необходимое для организации системы коммунистического производства, это соотносительность производственного сознания участников к технике и экономике системы.

На производственном сознании, скажем, тупого, забитого феодального крестьянина с его религиозными предрассудками, косностью мышления, конечно, никакого коммунистического общества не построишь.

Постройка системы коммунистического хозяйства это—организационная задача *всеобщего* научного характера.

Планомерность хозяйственного процесса, при отсутствии внешнего принуждения над

¹⁾ Другими словами, как должно быть организовано сотрудничество (и распределение) в плановом общественном производственном процессе, чтобы получить наибольшее количество продуктов при наименьших технических затратах, наименьшей затрате времени и наименьшей утомляемости производителя.

его участниками, требует от его активных организаторов совершенно ясного понимания всего процесса в целом, связи всех его частей между собой и с целым, связи частной задачи производителя с задачами всей системы, согласования личного интереса с общественным, понимания зависимости своего личного благосостояния от производительности работы всей системы, овладения, хотя бы в элементарной форме, знанием основ техники и экономики системы; наконец, величайшего самопожертвования и напряжения в длительный подготовительный организационный период строительства. Производственная идеология рабочего класса является той основной предпосылкой, без которой не может быть организовано планомерное коммунистическое хозяйство, несмотря на полную подготовленность современной стадии развития капитализма в передовых странах, как технически, так и экономически, к переходу в эту высшую фазу хозяйственной организации.

Вопросом о неудаче, постигшей коммунистические движения пролетариата в Западной Европе, в связи с намеченной новой тактикой, занимался 3-й конгресс Коминтерна.

Тов. Зиновьев в статье в № 18 «Коммунистического Интернационала» определяет положение следующим образом: «Социал-демократы сторонники второго и двухсполовинного Интернационала в течение двух лет, 1919—1921 гг., сделали все от них зависящее, чтобы помочь буржуазии консолидироваться (сплотиться). В те времена, когда буржуазия была беспомощной, в те месяцы, когда вожди капиталистов тряслись, как в лихорадке, когда буржуазные партии колебались, как былинчики, в это время очень многое, почти все зависело от субъективного фактора: от степени готовности рабочих, от революционной воли и решимости их партий и профсоюзов.

В это решающее время социал-демократы 2 и 2½ Интернационалов все, что имели, бросили на чашу весов буржуазии. Вот почему и 3 конгрессу Коминтерна пришлось уста-

навливать свою тактику применительно к новым обстоятельствам».

Новая тактика Коминтерна характеризуется необходимостью проникновения компартий в гущу пролетарских масс, участием в будничной борьбе пролетариата, во всех его организациях.

Она заключается в неустанной пропаганде идей пролетарской диктатуры и завоевании большинства рабочего класса на сторону коммунизма, в систематическом неуклонном подготовке рабочих масс к предстоящим битвам, в завоевании прежде всего профсоюзов и созидании сильных самостоятельных коммунистических партий, очищенных от центристов, оппортунистов и полуцентристов, в работе по созданию нелегальных организаций и настойчивой работе по вооружению масс.

С целью откола широких масс рабочего класса от вождей 2 и 21½ Интернационалов, на почве повседневной борьбы рабочего класса против наступлений капитала, на почве борьбы против милитаризма и за интернациональную солидарность в защите Советской России, конгресс рекомендовал в практических действиях создавать единый рабочий фронт, переводя раз начавшуюся борьбу, там, где условия будут подходящими, на высшую стадию, т. е. к захвату власти. Как промежуточную фазу к диктатуре пролетариата 3 конгресс счел возможным поддерживать лозунг образования рабочего правительства.

Итак, завоевание большинства рабочих на сторону коммунизма, воспитание воли к победе и власти, пропаганда идей пролетарской диктатуры, — все это на основе теснейшей связи с массами в их повседневной борьбе против наступления капитала составляет сущность новой тактики Коминтерна.

Стихийного революционного порыва масс для захвата и *удержания власти*, при консолидировавшейся (сплотившейся) и политически окрепшей буржуазии уже недостаточно. Упорная, настойчивая воля к победе, организованное наступление, ясное сознание целей коммунизма являются в на-

стоящий момент необходимыми условиями победы.

Все это вместе взятое и означает *подготовку производственного сознания рабочего класса* для коммунистического строительства.

«Политику» рабочего класса, как и других борющихся с ним классов должна определять экономика.

В особенности для рабочего класса «политика» должна представлять «концентрированную экономику».

Это значит, что наряду со всеми другими формами организации и борьбы рабочего класса, в порядок дня должна быть поставлена идеологическая и практическая его подготовка в направлении всенаучного решения задачи коммунистического строительства.

Буржуазия всего мира обладает в полной мере своей классовой производственной идеологией, покрывающей все ее идеологические нормы.

Это идеология частной собственности и «товарного фетишизма».

Она не сложна и частична.

Пролетариат, даже таких передовых стран, как Германия, обладая боевым темпераментом и достаточной политической зрелостью, в то же время лишен в значительной мере классового производственного сознания.

Шейдемановщина и оппортунизм в рабочем движении означают не только слабость революционной мысли пролетариата, но и отсутствие в нем классового производственного сознания. Это люди лоскутных мыслей, частичных решений.

Поскольку социализм, как *ближайшая* цель борьбы пролетариата, не ставился в порядок сегодняшнего дня, постольку и задачи формирования производственного сознания специально не выдвигались и не решались.

Сама по себе повседневная борьба рабочего класса, его участие в профсоюзах, поскольку они не осуществляют практически их основной цели — быть школой социализма, атмосфера оппортунистического парламент-

ского разврата с.-д. большинства, никак не содействовали, а скорее, наоборот, мешали формированию целостного производственного сознания.

Вся повседневная борьба сводилась к частичным требованиям рабочего класса, как потребителя, как продавца рабочей силы, *враждебно противостоящего в процессе производства капиталисту и заинтересованного прежде всего в улучшении своего материального положения.*

Интересы данной отрасли производства, даже предприятия, на котором он работал, только косвенно связывались им с его материальным благополучием. Рабочий не является организатором производства и непосредственно не ответствен за его правильную работу. Связь с целым устанавливается в его сознании практически, только во время массовых забастовок целых отраслей, при чем это целое, олицетворяемое им в классе капиталистов, выступает, как враждебная для него сила.

Все эти обстоятельства, крайне благоприятствующие обострению его классовой вражды, росту его революционной энергии и сознания, конечно, неблагоприятны для развития производственного сознания.

Только марксизм, как революционная система, даст базу для оформления производственного сознания, для выработки целостного материалистического пролетарского миропонимания. Но и само понимание марксизма должно быть не лоскутным, а целостным; *марксизм тоже должен пониматься всеначно.*

В статье, посвященной двадцатипятилетней смерти Маркса, Плеханов писал: «Марксизм представляет собою цельное и стройное материалистическое мировоззрение, и кто упускает из вида эту цельность его, как материалистического учения, *имеющего своей целью не только историю, но также и природу*, тот рискует очень плохо понять даже и те отдельные стороны этого учения, которые почему-либо привлекают к себе внимание и пользуются его признанием.

Цельное мировоззрение тем и отличается от эклектического (лоскутного), что решительно *каждая* его сторона самым тесным образом связана со всеми остальными, и что поэтому нельзя безнаказанно удалить из него одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, вырванных из другого мирозерцания. Ничего, кроме путаницы понятий, отсюда не выйдет».

Иной из слишком ретивых товарищей коммунистов, привыкших мыслить себе строительство коммунизма по дирижерской палочке и по указанию руководящих верхов, при чтении этих строк может задать себе вопрос: «что же, значит нужно ждать и не пытаться захватывать власти, пока в передовом слое пролетариата не разовьется «всемерно» обоснованное производственное сознание? Ведь на это потребуются, может быть, десятки лет».

В этом вопросе кроется явное недоразумение. Коммунистическое строительство и диктатура пролетариата понятия хотя и соотносительные, но друг друга не покрывают. Захват власти пролетариатом будет продиктован во времени, объективно сложившейся к данному моменту экономической и политической обстановкой, степенью его революционного порыва.

Мировой пролетариат должен быть готов во всякий данный момент установить свою диктатуру.

Но степень прочности этой диктатуры, закрепление одержанной победы, длительность и болезненность переходного периода при диктатуре пролетариата, степень идеологического сопротивления разлагающему влиянию мелко-буржуазной стихии и влиянию буржуазных спецов, наконец, сведение до минимума разрушительных для производства «издержек революции» целиком будут обусловлены степенью производственного сознания рабочего класса.

И при диктатуре пролетариата, как у нас в Советской России, та же самая очередная задача должна быть выдвинута на первый план. Степенью развития производствен-

ного сознания русского рабочего класса в значительной степени, помимо других факторов, определяются границы нашего отступления.

Выработка в рабочем классе производственного классового сознания является достаточно длительным процессом и может быть решена только коллективными усилиями его авангарда при отчетливом понимании важности поставленной цели.

Вызвать интерес среди передовых рабочих к поставленным выше вопросам и является целью настоящей статьи. Осветить с указанной выше точки зрения наиболее важные и существенные вопросы мирового хозяйства и экономики России будет задачей ряда статей экономического отдела нашего журнала.

Экономика капиталистического мира работает в направлении поставленной пролетариатом цели. Ценою жестоких ударов по рабочему классу, грозящих гибелью от безработицы десяткам миллионам трудящихся и истощением от недоедания широким слоям оставшихся в производстве, она заставляет рабочий класс взять в свои руки организацию мирового хозяйства.

15 миллионов безработных (с семьями 40) уже теперь являются жертвами продолжающегося мирового промышленного кризиса.

По всей линии, путем локаутов и закрытия фабрик, идет наступление капитала за понижение заработной платы и удлинение рабочего дня.

В ответ идет встречная волна забастовок в Англии, Германии, Америке.

После Вашингтонской Конференции в воздухе запахло новой мировой войной, и это начинает понимать каждый толковый рабо-

вой рабочий. «Не будучи пророком, никто из нас не может сказать точно, сколько месяцев или лет пройдет до первой новой победы пролетарской революции, в первой из тех крупных стран, которые определяют судьбы мировой революции. Но одно мы знаем твердо и новый учет экономического положения Европы на 3 конгрессе нас еще и еще раз убедил в этом: *революция не кончена; не так далеко время, когда начнутся новые бои, которые потрясут Европу и весь мир гораздо больше, чем все предыдущие бои вместе взятые*».

Стачка 500.000 металлистов в Германии, недавняя стачка 800.000 железнодорожников, недавняя стачка миллиона шахтеров в Англии, забастовочное движение в Америке, — все это предвестники грядущих жестоких боев.

Тем не менее, поскольку «нам не удалось победить капитализм в непосредственной схватке, поэтому предстоит целая полоса подготовительной работы, примерно, такая, какая предстояла нашей партии после поражения 1905 — 1906 годов до начала нового подъема. Конечно, вовсе не следует, что в международном масштабе дело должно потребовать целого десятилетия, как потребовалось в русском масштабе».

(Из речи Зиновьева на XI съезде Р. К. П.)

Этот период неизбежно должен будет протекать под знаком культурной революции в рабочем классе, формирующей, на основе целостного пролетарского миропонимания, его производственное классовое самосознание.

В этом гарантия прочности его победы и глубины коммунистического переустройства.

Зандер.

Проекты и опыты социализации народного хозяйства в Германии.

Слово «социализация» в Германии очень недавнего происхождения. Как общеупотребительный ходячий термин, оно родилось

лишь после войны, вместе с революцией 9 ноября 1918 года. В прежнее время, говоря о тех общественных преобразованиях,

которые необходимы для превращения капиталистического строя в социалистический, немецкие социалисты употребляли не слово «социализация», а слово «обобществление». Конечный идеал общежития, покоящегося на до конца обобществленном хозяйстве, рисовался теоретиками германской социал-демократии, как «царство свободы» (выражение Энгельса), т.-е. как вольный союз людей, которые ни в производственном процессе, ни в каких-либо других областях общественной жизни и деятельности не нуждаются в мерах внешнего принуждения или принуждения и потому обходятся без всякой государственной организации. Государство—орудие классовой диктатуры, орудие господства одного класса над другим—естественно отмирает, сдается за ненужностью в архив исторических древностей, по мере того, как исчезают классовые противоречия внутри общества, исчезают богатые и бедные, капиталисты и пролетарии, и остаются лишь свободные люди, труженники на ниве материальной и духовной культуры, имеющие одинаковые права на продукты их совместного труда, прошедшие одну и ту же школу общественного воспитания и обучения.

Устранив бесплодную растрату труда, связанную с «анархией» капиталистического производства, освободив общество от необходимости содержать огромные армии, тратить колоссальные средства на их вооружение, уничтожив паразитические классы и дорого стоящий аппарат охранения внутреннего «порядка» и «безопасности» в стране, социализм,—гласила теория,—настолько повысит производительность общественного хозяйства, что всякий контроль над потреблением граждан станет излишним. Не будет надобности регулировать потребление ни в форме «пайков», ни в форме заработных плат, рассчитанных по той или другой прожиточной норме, но каждый получит возможность свободно удовлетворять все свои действительные потребности. С другой стороны, освободив труд от подневольного характера, социализм тем самым превратит его

из тяжелой повинности в естественное отправление присущей всякому здоровому человеку потребности, а потому и здесь отпадет необходимость мер искусственного понукания или поощрения и каждому возможно будет предоставить свободно трудиться сообразно его силам и способностям.

«От каждого по его силам, каждому по его потребностям»—вот тот девиз, который, по словам Маркса, напишет социалистическое общество на своем знамени. Но Маркс вполне сознавал, конечно, что этот идеальный порядок вещей не может установиться сразу, немедленно же после того, как пролетарская революция сломит силу капитала. Маркс предвидел необходимость известного подготовительного периода, в течение которого социалистическая власть должна будет мерами государственного принуждения регулировать как потребление граждан, так и процесс производства. Вот эти-то меры, создающие мост между существующими, унаследованными от капитализма, формами экономической организации и вполне «обобществленным» хозяйством далекого идеала, вот эти-то планы хозяйственного строительства в «переходный период» и имеют в виду современные немцы, когда говорят о «социализации» народного хозяйства.

Довоенная социалистическая теория сделала в этой области очень немного. Как основатели научного социализма, так и их ученики и преемники считали нецелесообразным и невозможным заготовлять проекты преобразования капиталистического мира в социалистический, так сказать, впрок, в эпоху, когда переход власти в руки социалистической партии казался еще очень отдаленным, а условия, при которых он станет возможным, лежащими вне точного исторического предвидения.

Крушение на фронте и связанная с ним революция, вручившая руль государственного корабля социалистам, сразу поставила во весь рост задачу «социализации» перед новым германским правительством.

Уже через несколько дней после переворота 9 ноября 1918 г. орган независимых

социал-демократов «Freiheit» писал: «От правительства мы требуем прежде всего ясности программы действий. Правительство должно заявить, какие реформы оно намерено провести немедленно. Есть целый ряд мер, о которых не может быть длинных споров, которые должны быть декретированы теперь же. И сюда в первую голову относится социализация народного хозяйства.

Интересы народного хозяйства требуют немедленного приступа к делу. Относительно возможности передать в общественную собственность монополизированные капиталом отрасли промышленности среди людей сведущих не имеется никаких сомнений».

Но не одни только независимые социалисты, которые в те дни были настроены очень решительно и революционно, настаивали на необходимости проводить социализацию ускоренным темпом. Ту же точку зрения высказывали и правые социалисты—шейдемановцы. Так, в их газете «Vorwärts», ставшей с момента провозглашения республики органом правящей партии, 24 ноября 1918 выступил с горячим призывом к социализации профессор Роберт Вильбрант. Он доказывал, что дело социализации нельзя откладывать до созыва национального собрания и предлагал немедленно издать декрет, объявляющий «национальной собственностью все средства производства, т.-е. все вещные условия производства в широком смысле слова, начиная добычей и переработкой сырья и кончая транспортом и распределением».

Профессор Вильбрант является далеко не единственным представителем официальной университетской науки, высказавшимся за немедленную социализацию.

В том же направлении с первых дней революции вели энергичную пропаганду профессор Ледерер, приват-доцент Отто Нейрат, профессор Баллод и многие другие, к хору профессоров-социализаторов присоединился ряд инженеров, техников и др. специалистов: Поппер-Линкеус, Бек, Альфонс Гортке. Здесь упомянуты лишь немногие наиболее видные авторы. Полный список не-

мецких беспартийных интеллигентов, высказавшихся печатно в пользу социализации, составил бы длинный столбец со многими десятками имен, а изданные ими произведения, несмотря на легковесность большинства из них, представляют в общей сложности очень внушительную по своим размерам грудку книг. Само собой разумеется, что в партийной социалистической среде «социализация» обсуждалась и проповедывалась еще более энергично. Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр, Бернштейн и мн. другие посвятили этому вопросу целый ряд книг и статей. В результате быстро накопилась весьма обширная литература, нелегко обозримая, вследствие чрезвычайного разнообразия подходов к вопросу и способов его решения.

Термин «социализация» употребляется различными немецкими авторами в самом различном смысле; мы находим здесь все промежуточные ступени и оттенки, лежащие между настоящим «обобществлением» и такими мелкими реформами, которые вполне совместимы с капиталистическим строем и лишь с большой натугой могут быть отнесены к мерам «переходного периода». Некоторые авторы пытаются разделить все проекты социализации на две основные группы: проекты «полной» и «частичной» социализации («Vollsozialisierung» и «Teilsocialisierung»). Но и эти названия употребляются в разных смыслах и потому отнюдь не являются сколько-нибудь точной характеристикой. Более четкую классификацию установим мы, если разделим немецкие проекты социализации на следующие две группы: во-первых, проекты, выдвигающие необходимость сразу же подчинить государственному регулированию всю совокупность народного хозяйства в его целом, и таким образом кладущие в основу преобразования «идею единого планового хозяйства» («Planwirtschaft»); во-вторых, проекты, рекомендуемые начать социализацию с отдельных отраслей промышленности, а именно с тех, которые наиболее подготовлены к перевороту, наиболее «созрели» для него (напр.,

объединены в руках немногих капиталистов, синдицированы, трестированы и т. п.), и лишь мало-по-малу, по мере созревания, передавать в государственное заведывание и прочие области промышленности.

Защитники социализации одних только «созревших» отраслей и предприятий, указывают обычно на то, что лишь при таком ограничении действительное огосударствление, т.-е. полное устранение капиталиста-предпринимателя, осуществимо без расстройств производственного аппарата и усугубления хозяйственной разрухи. Сторонники единого плана указывают на невозможность борьбы с тяжелыми экономическими последствиями войны без регулирования всего народного хозяйства в целом. Что же касается хозяйственной дезорганизации, грозящей стране при слишком широком размахе огосударствления, то, по их мнению, для предотвращения этой опасности лучше на первое время оставить капиталистов на месте, подчинив их некоторому государственному контролю, нежели в интересах глубины реформы пожертвовать ее широтой и выпустить из рук государства руль, управляющий ходом народного хозяйственного корабля. Таким образом германские проекты обнаруживают своего рода обратную пропорциональность между широтой и глубиной своих социализаторских планов: они тем «полнее» в глубину, чем «частичнее» в ширину и наоборот. Этот своеобразный закон объясняется, как мы только что видали, усиленной заботой авторов о том, чтобы проектируемые ими реформы не подорвали хозяйственной жизни страны, не привели хотя бы к временному упадку производительных сил.

«Проведение социализации в Германии», говорил Гильфердинг на Нюрнбергском съезде германских профсоюзов летом 1919 года, «предполагает, что преобразование будет совершенно без нарушения хода производства. Мы не можем позволить себе экспериментов, которые проделывались в странах с менее развитой промышленностью, ибо в Германии это равносильно было бы голодной смерти народных масс. Социализа-

ция не должна сопровождаться ограничением производительности труда или сокращением размеров производства. Не должна быть выброшена ни одна из тех сил, которые нужны для поддержания производства. Нам настоятельно необходимо, чтобы руководители предприятий, торговые и технические агенты остались на своих местах». Надо заметить, что в то время Гильфердинг, как и большинство независимых, занимал в политике очень левую позицию и считал завоевание диктатуры ближайшей задачей пролетарского движения. Но и при условии политического [полновластия] пролетариата максимальным пределом достижений, осуществимых в ближайшем будущем, Рудольфу Гильфердингу рисовалась социализация *некоторых* «созревших» отраслей производства, занимающих командующее положение в системе народного хозяйства. «Прежде всего», говорил он в той же речи, «обобществлению подлежат индустрии, добывающие сырье и энергию, т.-е. угольные, железные, калийные рудники, крупная металлургическая и железоделательная промышленность, электрическая промышленность. Все это — отрасли производства, которые в значительной своей части уже приняли характер монополий и, следовательно, экономически созрели для социализации. Присоединяя сюда некоторые другие производства, изготовляющие предметы массового потребления (текстильные, сапожные фабрики), Гильфердинг надеется сосредоточить, таким образом, в руках общества все те позиции, которые являются основой экономической мощи и, с другой стороны, играют самую важную роль в деле удовлетворения массовых потребностей. «В остальных областях производства должны остаться пока капиталистические отношения и необходимо лишь принять меры, способствующие их созреванию для социализма».

Изложенные взгляды Гильфердинга характерны для теорий, пропагандирующих социализацию «созревших отраслей производства».

Наиболее видными сторонниками социализации, охватывающей сразу все отрасли

народного хозяйства являются: организатор германского военного хозяйства, Вальтер Гатнау, изложивший свои взгляды за несколько лет до революции в целом ряде работ, его сподвижник Меллендорф, известный социал-демократ Отто Бауэр, приват-доцент Отто Нейрат, революционный министр государственного хозяйства Виссель.

«Социализация созревших предприятий», — пишет Отто Нейрат: — «как нельзя более далека от нашей идеи. Ведь с этой точки зрения не мало потрудились на пользу социализации царистская Россия или страна Рантье, Франция». «Социализация всегда охватывает целое, она всегда есть «полная социализация» (Vollsozialisierung), независимо от того, проникает ли она вглубь или довольствуется поверхностными изменениями». Отто Нейрат создал очень стройный и во многих отношениях интересный проект социализации, практические недостатки которого заключаются именно в его чрезмерной теоретической стройности. Нейрат предлагает немедленно перейти от менового хозяйства к натуральному, государственно организованному распределению, что, конечно, невозможно без глубокого хозяйственного кризиса. Мы остановимся несколько подробнее на аналогичном, но более умеренном проекте Висселя-Меллендорфа, — тем более, что, именно, вокруг этого последнего кипела особенно горячая полемика в первый период германской революции.

Призванный на пост министра народного хозяйства в самом начале революции, Виссель, избрав своим ближайшим сотрудником Меллендорфа, разработал план, в основу которого были положены «самоуправляющиеся организации», охватывающие все более или менее значительные группы производства. Все крупные отрасли народного хозяйства, как, например, земледелие, химическая промышленность, металлообрабатывающая промышленность и т. д. организуется в «хозяйственные союзы» (Wirtschaftsbünde), составленные на паритетных началах из рабочих и предпринимателей, пред-

ставителей торговли, представителей потребителей и правительственных комиссаров. Каждый «хозяйственный союз» расчленяется по профессиям, на отдельные «хозяйственно-профессиональные» союзы (Wirtschaftsbünde) построенные на тех же началах. Хозяйственные и хозяйственно-профессиональные союзы имеют своей задачей заботиться о снабжении предприятий сырыми материалами, производить улучшения в процессе труда, ведущие к понижению цен, в особенности же содействовать нормализации и типизации производства.

Они регулируют далее обмен, стараясь выкидывать ненужные промежуточные звенья и создавать наиболее рациональные с народно-хозяйственной точки зрения методы обращения продуктов. На их обязанности лежит улаживание социальных конфликтов, возникающих в процессе труда, путем установления тарифных договоров и улучшения условий работы. Наконец они производят профессионально научные исследования и пекутся о развитии профессионального образования.

На ряду с профессионально-хозяйственными самоуправляющимися корпорациями план Висселя-Меллендорфа предусматривает *про-странственные* территориальные объединения. Эти последние состоят из фабрично-заводских рабочих советов (Betriebsräte), окружных рабочих и окружных предпринимательских советов и, наконец, всегерманского рабочего и предпринимательского совета (Reichsarbeiter und Reichunternehmerrat).

Оба типа самоуправляющихся организаций увенчиваются своего рода экономическим парламентом, который носит название (Reichswirtschaftsrat) «Всегерманский хозяйственный совет» и состоит из выборных от хозяйственных союзов, а также от всегерманского рабочего и предпринимательского совета. Сверх того, в него входят представители потребителей, торговли и науки, назначаемые по представлению заинтересованных сторон, правительством. Reichswirts-

chaftsrat является высшим руководящим хозяйственным органом страны,—тем органом, согласно плановым заданиям которого работают хозяйственные союзы.

Проект Висселя встретил более, чем холодный прием, как слева, так и справа. Слева его третировали, как замаскированную попытку увековечить привилегии капитала. Так, Рудольф Гильфердинг в цитированной уже выше речи между прочим сказал:

«Висселевское союзное плановое хозяйство имеет с социализацией лишь то общее, что оно, якобы, должно быть планомерным. Социализма тут нет и следа и весь план направлен к тому, чтобы удержать за предпринимателем его функции капиталиста. Я не вижу в этом плане даже приближения к социализму, а лишь отпрыск учения о гармонии между капиталом и трудом и средство облегчить капитализму те трудности, которые встали на его пути. Проект направлен к тому, чтобы законодательно облегчить создание капиталистических синд-

Не менее резко отзывались о проекте Висселя правые социалисты—его товарищи по министерству. В одном летучем листке, распространенном центральным комитетом соц. дем. партии, между прочим, были напечатаны такие строки: «Эта принудительная социализация по отраслям производства означает не только увековечение, но и колоссальное увеличение мощи предпринимателя... Мы хотим социализации. А не его фальсифицированного суррогата. Наш боевой клич гласит: социализм против планового хозяйства».

Однако на деле «боевой клич» стоявших у власти социалистов большинства гласил: ни социализма, ни планового хозяйства. Единственное чувство, руководившее их хозяйственной политикой был страх перед сколько-нибудь решительным вмешательством в экономическую жизнь страны. Социализировать расшатанное войной, обремененное колоссальными контрибуциями Антанты народное хозяйство казалось им чистейшим безумием. «Нам нечего социализировать, кроме долгов». Нельзя и выдумать

более неподходящего времени для социализации, чем «теперешнее», в один голос твердили социалистические вожди первого революционного правительства республиканской Германии. И все их усилия направлены были к тому, чтобы как-нибудь выиграть время, обмануть народное движение, оттянуть практический приступ к социализации до более счастливых времен, предоставив капитализму справляться с последствиями неудачной войны.

В общем и целом старания эти увенчались полным успехом. Правда, вполне избежать социализации не удалось. Уже первый съезд рабочих и солдатских депутатов, собравшийся в декабре 1918 года, решительно потребовал немедленного приступа к социализации подготовленных для этого предприятия, в особенности же горного дела. А возгоревшееся вскоре затем грозное движение горнорабочих заставило в спешном порядке принять закон о социализации угольных копей. Этой отраслью дело и ограничилось, при чем социализация была проведена не в радикальном стиле, не с устранением капиталистов, а в духе Висселевского проекта: в угольной промышленности была создана «самоуправляющаяся» корпорация из представителей рабочих, предпринимателей и потребителей.

Результаты этого опыта превзошли самые пессимистические ожидания. Потребители и рабочие не только не мешали предпринимательским махинациям, но являлись их неизменной надежной опорой. Капиталисты безбожно вздували цены на уголь при растерянной пассивности делегатов от потребителей и при активном содействии заинтересованных рабочих, которые при каждом повышении продажной цены угля получали соответственную надбавку заработной платы.

Когда скандальная экономическая политика «социализированного» угольного синдиката сделалась предметом специального парламентского расследования, штейгор Вернер, представитель союза технических служащих и конторщиков, с похвальной откровенностью

объяснил загадочное на первый взгляд поведение представителей пролетариата. Ни у кого из представителей рабочих и служащих, заседающих в центральном угольном союзе,—сказал он,—не хватает мужества голосовать при настоящих политических условиях против повышения цены, связанного с повышением платы. Мы—представители союза рабочих и служащих угольных копей. Нам свои рубашки к телу ближе. Мы должны, если мы не хотим, чтобы нас растерзали, когда мы вернемся домой, голосовать за высокие угольные цены. К сожалению, интересы предпринимателей и рабочих в вопросе о ценах совпадают. Можно быть каким-угодно (социалистом, можно быть убежденным, что теперешнее повышение цен есть огромное несчастье для народа, но — что поделаешь, когда являешься представителем рабочих местного округа, приходится покоряться местным обстоятельствам: своя рубашка к телу ближе (стенографический отчет заседания от 30 апреля 1920 года).

Комиссия по социализации, расследовав положение углепромышленности, приняла проект Вальтера Ратенау, значительно усиливающий контроль государства над деятельностью угольных баронов, но новый законопроект безнадежно застрял в промежуточных инстанциях и никакого существенного улучшения в дела не внес. Этот единственный опыт социализации, поставленной в сколько-нибудь широком масштабе доказал две вещи: отсутствие у большинства германских социал-демократов всякого желания проводить на деле сколько-нибудь последовательную и продуманную политику социализации, с одной стороны, и с другой стороны, недостаточную подготовленность широких масс германского пролетариата к руководящей работе в промышленности, организованной по типу самоуправляющихся производственных союзов, где заранее обеспечено сильнейшее экономическое давление на них классовых врагов пролетариата.

Ясное дело, что при таких условиях, для успешного функционирования новых форм производства, руководящая роль государства должна быть усилена, роль капиталиста по возможности ограничена, и вместе с тем создана обстановка, исподволь подготавливающая рабочих к более высоким и свободным формам социализированной промышленности. Интересный проект удовлетворяющий этим требованиям развил инженер Альфонс Гортен.

Как мы видели выше, и сторонники «полной», и сторонники «частичной» социализации очень заботятся о том, чтобы сохранить для обобществленной промышленности все наличные организаторские силы, чтобы при новой постановке дела не была стеснена инициатива руководителей производством.

Но о какой «инициативе», о каких организаторских силах и талантах идет речь, спрашивает Гертен. Если речь идет о *технических* организаторах производства и обмена, то их инициатива должна быть не только сохранена, но и *расширена* при социализации, она должна быть освобождена от тех пут, которыми ее сковывает при капитализме подчинение частному интересу предпринимателя. Ведь повышение доходности предприятия, эта высшая заповедь, которой подчинены в настоящее время организаторские силы промышленности, далеко не всегда требует рационализации производства, а сплошь да рядом гораздо легче и проще достигается путем повышения цен, создаваемого сокращением выработки. К этой цели и стремится обычная политика синдикатов, в этом направлении и работает фантазия высших *финансовых* руководителей современной промышленности. Инициатива организаторов финансового типа не может и *не должна быть* сохранена при социализации. Наоборот гении и таланты этого стиля должны быть тщательным образом изолированы от всякой-возможности влиять на обобщественное производство. В связи с этой основной директивой общий план упра-

вления намечается Гортеном следующим образом: социализированное производство организуется по типу акционерной кампании, с тою лишь существенной разницей, что общее собрание акционеров и финансовую дирекцию замещает государство. Наблюдательный совет образуется на паритетных началах из представителей рабочих и служащих, с одной стороны, представителей государства—с другой. Что касается технической и коммерческой дирекции, то она сохраняется целиком, с теми же полномочиями, с той же формой ответственности и подотчетности, с теми же видами оплаты и заинтересованности в предприятиях, какие практикуются в акционерных обществах. Но теперь в основу всякого рода поощрений, премий и тантьем кладется не повышение прибыльности предприятия, а его рационализация, увеличение производительности труда и понижение себестоимости. На ряду с технической и коммерческой дирекцией создается еще третье подразделение административного аппарата: *социальная* дирекция, состоящая исключительно из представителей рабочих.

Далее Гортен доказывает, что с требованием максимальной рационализации производства не совместима ни частная социализация отдельных «зрелых» отраслей хозяйства ни горизонтально расчлененная «полная» социализация в стиле Висселя или Нейрата. Государственное хозяйство должно составить единое стройное целое, построенное по типу *комбинированных* трестов, объединяющих добычу и переработку сырья под общим техническим управлением. По исчислениям Гортена достаточно было бы на первый раз сосредоточить в руках государства 10—15% производства в угольной, металлургической, металлообрабатывающей и цементно-строительной промышленности. Такой государственный трест обладал бы достаточной мощностью для того, чтобы оказывать оздоровляющее влияние на рынок, парализовать махинации капиталистических союзов и, постепенно расширяясь, втягивать в себя путем естественного роста

все большее и большее количество новых предприятий и отраслей промышленности.

Проект Гортена интересен, между прочим, и в том отношении, что он был отчасти испробован на практике, и результаты оказались вполне удовлетворительными. Первые удачные опыты были сделаны Гортеном еще во время войны, на некоторых предприятиях в области, вновь занятой немецкими войсками. Но, разумеется, в обстановке военного нашествия нельзя было думать ни о достаточной широте опыта, ни о вполне рациональной его постановке. После войны план Гортена применили к некоторым предприятиям, расположенным в районе французской оккупации. Это, конечно, не был тот мощный комбинированный государственный трест, о которой мечтал Гортен. Вождь *капиталистических* трестов Германии, Гуго Стиннес, очень быстро сумевший сосредоточить в своих руках экономическую диктатуру, конечно, не допустил бы объединения в государственный трест лучших предприятий, занимающих центральное место в главнейших отраслях германской промышленности. Новая постановка дела охватила группу более или менее случайно выбранных предприятий и никакого оздоровляющего влияния на народное хозяйство в целом не имело. Но в пределах каждого отдельного предприятия система оказалась чрезвычайно удачной,—настолько удачной, что возбудила серьезную тревогу среди французских капиталистов, в районе влияния которых она действовала. По словам «Vorwärts» против государственных предприятий района оккупации международный капитал организовал целый поход, в результате которого Антанта, ссылаясь на ущерб, причиняемый французским капиталистам и опираясь на какой-то параграф Версальского договора, потребовала от германского правительства перевода соответствующих предприятий на обычные частно-капиталистические начала. Требование это, разумеется, было немедленно выполнено.

В Германии, при сложившемся там соотношении сил, никакие серьезные проекты

социализации в ближайшем будущем не имеют шансов на осуществление, — там слишком велика мощь частно-капиталистических организаций. Если новая экономическая политика будет иметь успех, если частное предпринимательство получит достаточно широкое развитие, система Альфонса Гор-

тена может приобрести для нас самое актуальное значение.

В. Базаров.

Примечание редакции:

Статья т. Базарова носит информационный характер. В виду важности вопроса о социализации редакция намерена в дальнейшем поместить ряд статей на эту тему.

Непреложная хвала капитализму.

В своей речи, обосновывавшей принятие новой экономической политики т. Ленина совершенно ясно указывал, что открывая капитализму щель, ему придется открыть и дверь. И не одну, и он поперет не только через те двери, которые откроются ему по расчету или условию, но капитализм сам себе будет проделывать двери, щели, дырки, куда и поперет со всей имеющейся у него силой.

Разрешенный быть капитализм уже с первых дней своей легализации уделяет очень серьезное внимание созданию своей прессы, недвусмысленно долженствующей служить ее создателю и заказчику.

Из печати вышли уже три номера «Экономиста». Официально журнал является «Вестником XI отдела Русского Технического Общества». Направляется он очень длинной редакционной коллегией, содержащей в себе знакомые имена: Бруцкуса, Зубашева, В. П. Ковалевского, Д. С. Зернова, Рафаловича и др. Первый № отпечатан в количестве 3-х тысяч; второй и 3-й — в 4-х тысячах. Намерения редакторов не сопровождались какими-либо декларациями и о задачах журнала очень кратко сказано в редакционном предисловии первого выпуска: «Разум восстанавливается в его правах»... «Нужно подобно Тэну охарактеризовать и русскую революцию как «ужасный, но плодотворный кризис».

Это достаточно невинно, литературно и лояльно. Но немногословие в редакцион-

ных строках искупается содержанием самого журнала.

Нужно признать, что все помещенные статьи вышедших номеров журнала безусловно проникнуты единством замысла, методов, построений и даже стиля.

Разум восстанавливается в его правах!

Стиль — это добрый, старый стиль Питирима Сорокина, которого рецензент ставит рядом с Лебоном и Тардом и по отношению к которому не раз у того и другого автора срывается несомненное почтение; это воскресающая терминология заправских ученых, для которых немисливо написать статью без таких чрезвычайно убедительных изречений, как «Экономические законы неизблемы и непреложны» (№ 1, стр. 155), «Сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия» (№ 1, стр. 76).

«Римская гражданская война обескровила население Рима; то же сделала французская революция; то же произошло и у нас» (там же, стр. 95).

«Самый худой мир лучше доброй ссоры».

«В своем поведении и истории люди предпочитают $2 \times 2 = 4$ — $2 \times 2 = 5$. Так было до сих пор. Так, полагаю, будет и впредь еще долго». (№ 1, стр. 101).

Правда, острота последнего афоризма так поражает автора, что он считает долгом предупредить боязливо читателя: «Это звучит парадоксом, но — увы! — не столь далеким от действительности».

«Синяя птица, которую, как казалось, мы вот вот уже держали в руках, улетела... всерьез и надолго. Мечты о великих социальных достижениях... так и остались мечтами» № 2, стр. 3.

«Авторитарное распределение хозяйственных благ—это значит, что я обязан есть то, что, пусть прекрасно изготовленное (о вечно живущие гастрономы! К. III.) блюдо, которое мне предлагает наша коммунальная столовая—это значит, что я не вправе выбирать ту мебель, которая мне по душе, это значит, что молодая барышня обязана одеть (не мешает профессору путать глаголы—«давненько мы в шашки не играли» К. III.) не ту шляпку, которая ей к лицу». № 3, стр. 58.

Достаточно приведенного. У вас надолго останется запах нафталина от этого стиля, но добрые профессора верны своим вкусам.

Несмотря на такой ветхий способ выражения из-под пера каждого автора вытекает несомненная бодрость не только по поводу незыблемости законов, но также и потому, что критическое раздумье нашей опресневшей Соли—интеллигенции—определенно остановило свои симпатии на «свободе хозяйственного почина и строительства, огражденного государственным порядком, обеспечивающим каждому равные права, безопасность личности и имущества огражденного законом». Чубутский, № 3, стр. 53.

Гр. Бруцкус в теоретической статье категорически устанавливает, что социалистическая организация хозяйства, если бы даже и удалось ей «отлиться в устойчивые формы, отличалась бы громадным консерватизмом и инерцией. Ничего подобного вечно изменчивой хозяйственной жизни капиталистического общества, социалистическое общество не представляло бы». Профессор Озеров чрезвычайно бодро и деловито трактует вопрос о введении винной торговли для исправления нашего бюджета, призывая авторитетные свидетельства царских министров и заявления американских физиологов о безвредности потребления алкоголя.

Бодрый журнал «Экономист».

Немного отсырелые голоса экономистов и социологов, пишущих в нем, звучат дружно и бесшабашный непман должен подтянуться—его жизнерадостность рвача найдет самое ученое оправдание на страницах «Экономиста» только в меру серьезных буржуазных намерений, ибо «Экономист» не удовлетворяется достижениями отечественных поклонников частного почина.

«Нужно мужественно признать, что, несмотря на новую экономическую политику, у нас еще нет или почти нет буржуазии... Для серьезной творческой работы нам нужно воспитать или выписать из-за границы буржуа другого душевного облика—истинных промышленных организаторов, живущих не дешевой мишурой ночного разгула, а неустанной созидательной работой».

«Экономист» важен не тем, что он заставляет нас вспомнить все дурные качества сердящегося на социалистическое движение собственника или зевать от тупоумия апостолов австрийской школы, а тем, что каждой своей статьей он напоминает о живучести пораженного врага. Российским угнетенным классам удалось одержать большую и серьезную победу над своими классовыми противниками, в большей мере потому, что эти противники были разношерстны, неспешившиеся, без царя в голове; теперь обновляющийся, воскресающий капитализм начинает ставить себя по-новому.

Нельзя себя тешить надеждой, что толстые специальные журналы, да еще дорогие не найдут дорогу к читателю пролетарию или в деревню.

Жажда знаний огромная.

В «Экономисте» даются цифры—факты. Умелая рука привычного человека так их преподносит, что и в самом деле становится вопрос: «а на кой дьявол все до низу разворотили, если ничего умнее хозяина не придумаешь».

Правда, сей учененький мед очень не сладок и хозяйский деготь прет из каждой строки, но так и нужно это принять.

А другого «Экономиста» у нас нет. Значит его нужно создать.

Еще впереди, но не за горами время, когда то, что добыто в кровавой борьбе, господа ученые буржуа будут не только называть синей птицей, а как-либо и пообиднее. Как ни жалуются они на плохой гонорар писателя против земледельца (стр. 49, № 3), а все же лучшие пайки достаются ученым, да и иностранцы подкармли-

вают, так как знают какие песни будет петь сия птица (о! совсем не синяя!). Их пение обеспечено, и тот порядок жизни людей, в котором сейчас издыхает Европа, будет провозглашаться, как незыблемый, единственно возможный и правильный, ибо за такое оправдание каждый оправдывающий получит по достоинству своему.

К. III.

Новый фронт.

Мы несомненно имеем перед собою формирующийся против нас идеологический фронт. Неприятель имеет разбивающуюся на отдельные отряды и отрядики армию, пока еще слабо дисциплинированную, но обращенную лицом к одному—коммунистическому фронту.

Правда, эта армия вооружена достаточно устаревшим и изрядно потрепанным в былых боях идеологическим оружием. Кавалерия посажена на старых ремонтных философских коней, но... хорошо почищенное платье, иногда производит впечатление, если не нового, то «вполне приличного». По одежде—ножки. Несмотря на это относиться к этому фронту «так себе», с высокого дерева все же не приходится.

Необходимо оценить силы противника, определить базу его силы, его стратегию и тактику.

Возникновение нового фронта шло двумя путями: зарубежным и туземным.

За рубежом этот фронт начинает формироваться, когда российской белогвардейщине становится ясно, что сила купленного Антантой оружия в лице армий Деникина, Врангеля и др. разбита, и надежд на интервенцию нет внутри Советской России, когда Советская власть переходит к новой экономической политике.

Начавшись разрозненно в процессе внутренней борьбы различных группировок как в среде Западной белогвардейщины, так и среди интеллигенции в самой Советской России это «возрождение» быстро изживает свои внутренние противоречия и начинает при-

обретать единый лик и единый язык. Разность мнений на первых ступенях формирования нового фронта открывает нам разительный букет мнений, настроений, мыслей, желаний, устремлений всех цветов радуги. Одно только общее всем этим группировкам—это порою ясная, порою затаенная злоба против Советской власти, коммунистической партии и революции вообще.

В своем стиле, языке, мысли выразители этих течений различны: одни изящно-корректны, другие—грубы, одни более выдержаны, другие—неудержимо страстны и поэтому, хста и не без ога ки, грубо откровенны.

«Первой ласточкой» возвестившей «весну» этого возрождения были скоро ставшие именниками современности «сменовеховцы» названные так по сборнику статей, выпущенному ими в июне 1921 года за границей.

В ряде статей этого сборника Ключников, Бобрищев—Пушкин, Чахотин, Потехин, Лукьянов, признавая за своими прежними позициями ряд ошибок, шли на примирение с Советской властью.

«Мы ошибались, мы не боимся сказать, что идем в Каноссу»—устаами Чахотина заявляли сменовеховцы. Мы меняем «вехи», по которым шли до сих пор. Ключников в своей статье исходит из старых «вех», выпущенных группой Булгакова, Бердяева, Изгоева и др. в 1909 году.

«Сменовеховцы» были первыми из русских интеллигентов, нашедших смелость в среде российской белогвардейщины из-за рубежа совавшей штык в тело революции, заявить,

что карта их бита, что «третьей Революции не будет», что нужно идти в Россию и работать с большевиками.

Для «сменовеховцев» первых стало ясно:

«Революция и большевизм для России одно: без революции большевики лишь кучка «фанатиков и бандитов,—без большевиков революция лишь переворот, бунт, погром, анархия без прорыва в будущее и без надежд на будущее. Пока вначале революции была еще надежда остановить революционный разлив (чтобы вместо нее и как-то поиному, но сделать ее же дело).

Но революция идет и идет. Растет. Ширится. Углубляется.

А раз это так, то нужно признать, что:

Советская власть, при всех ее дефектах—максимум власти, могущей быть в России, переживающей кризис Революции.

Мы, современники величайшего исторического катаклизма, совсем этого не поняли, рассуждаем: Революция. Бунт. Когда все это кончится.

В действительности же это кончиться не может.

Кончится старый мир не более и не менее.

«Русская революция—социальная революция» (курс. мой В. П.).

«Смена Вех» Бобрищев, Пушкин, стр. 101—102.

Но за «сменовеховцами» российская интеллигенция не пошла. Они сами констатировали, что русская интеллигенция не поняла, не хочет понять того, что поняли вожди революции и весь российский народ.

«Для нее великая революция все еще не произошла. Для нее русская революция—не революция, а только какая-то очень крупная неприятность, потому что она осмелилась выйти за те аккуратные и скромные пределы, которые ей были заранее предписаны ими. А что самое грустное для них—русская революция не является даже *русской*, раз она широко открыла свои объятия всем, кто только согласился встать под ее знамена (Ключников «Смена вех»).

Ох! Как же это не ново для нашей российской интеллигенции.

Давно уже в ее мозгах бродили настроения, желания, которые метко определил Салтыков-Щедрин «чего-то мучительно страстно хотелось, не то конституции, не то севрюжины с хреном, или кого-нибудь ободрать».

После первых «Вех» в сборнике «Куда мы идем», изданном в 1910 г. «мозг нации», сорок мучеников нашей передовой интеллигенции были.

«Старые пути исхожены, ответы на роковые запросы духа, на страстные алкания ума; сомневающимся в самом себе не найдены, и он жаждет новых дорог... Что же ему делать. Куда идти ¹⁾?».

Великая российская революция разбила пути, связывающие Россию. Открылся широкий воистину творческий путь, на котором можно найти ответы на «роковые запросы» и российские массы нашли их. И попрежнему ничего не нашла в Революции, ничему не научилась в великом перевороте наша прекраснодушная, нелепая, и да простит меня «мозги нации», политически неумная интеллигенция.

Почему так? Вот их собственный ответ.

«Советский строй, внезапно возникший на развалинах российской империи во всеоружии, как Паллада из головы Зевса, ошеломил, спутал все теории, всю социологию, весь интеллигентский опыт. Он просто оскорбил, как наглый плебей, ворвавшийся в кабинет, где велись такие ученые разговоры, как дикий сон, бред, требующий права, действительности.

Кровь бы простили, террор бы простили и всякое насилие, все ошибки—не простили новизны...

Такой дерзкий, головоломный прыжок—куда-то вдаль, «куда-те дьявол мчит». Стр. 109—110 ²⁾.

Хныкать над «меньшим братом» «страдать» наш интеллигент умел, а вот когда тот, над

¹⁾ «Куда мы идем», сборн. Изд. «Заря», Москва 1910 г. Предисловие.

²⁾ Смена Вех, стр. 109—110 Бобрищев-Пушкин.

которым плакали, сам силой своей столкнул все оскорблявшее его, все, что мешало ему жить, и развернул свои творческие силы, тогда «мозг нации» оскорбился и первый поднял палку над головой восставших, чтобы загнать их снова в старую конуру.

Сменовеховцы уже поняли, что это невозможно. Это их плюс. Но мало понять то, что 4 года вдавливалось в голову российских интеллигентов всеми молотами революции.

Революция факт, но как понимают ее пути и цели сменовеховцы. Идеология сменовеховцев в первом их выступлении была еще недостаточно ясна.

Вот как витийствовал на счет идеологии один из авторов «Смены вех».

«Над Зимним Дворцом, вновь обретшим облик подлинно великодержавного величия, дерзко разворачивается красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют «Интернационал». Пусть это странно, больно для глаза, для уха, пусть это коробит, но, в конце-концов, в глубине души невольно рождается вопрос:

— Красное ли знамя безобразит собою Зимний Дворец—или напротив Зимний Дворец красит собою красное знамя?

— Интернационал ли печестивыми звуками оскверняет Спасские ворота или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в «Интернационал»?..

Подобно тому, как современный француз на вопрос: «чем велика Франция» вам непременно ответит: «Декретом и Руссо, Вольтером и Гюго, Бодлером, и Бюргеоном, Людовиком XIV, Наполеоном и Великой Революцией»—так и наши внуки на вопрос: «чем велика Россия» с гордостью скажут: «Пушкиным и Толстым, Достоевским и Гоголем, русской музыкой, русской религиозной мыслью, Петром Великим и великой русской революцией»¹⁾.

Здесь все еще пока, как на складе старьевщики — Пушкин, музыка, религиозная мысль, Петр Великий и... российская великая революция.

Позиция не из твердых и не особенно ясная.

Это лебедь, но в басне именуемой «Сказ о русской интеллигенции» есть свой рак и своя щука.

Известный своими социологическими трудами проф. Питирим Сорокин, несколько ранее сменовеховцев пошедший в Каноссу, раскаивавшийся в своих преступлениях против революции, в «Вестнике Литературы» пишет о «Смене Вех» так:

«Новоуховцы» переставили свои вехи справа налево. Вчерашние романовцы, черносотенцы, колчаковцы и октябристы, еще не износившие своих башмаков, в которых шли в ногу с Колчаком, отправились в Советскую «Каноссу» и зовут к совместной работе с нынешней властью на пользу родины».

После такой не особенно лестной рекомендации Сорокин пытается определить идеологические основы «Смены Вех».

«Смена Вех» говорит он — идеология: 1) той части интеллигенции, которая носит название «госспецов» и 2) той пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме разных подачек, sinecur, концессий и т. п. Интересы этой социальной группы ближайшим образом связаны с бытием устойчивой и сильной государственной власти.

А какова эта власть: правая или левая, Романов, Колчак или Ленин—это не важно для этой группы.

Сегодня готовы кричать: «Да здравствует Цезарь». Завтра—«Да здравствует Брут», если этот Брут будет сильной и кормящей властью. Такова психология и мораль, присущая этой группе по ее социальной природе. По этой же причине она способна соединять несоединимое: одной рукой звать к Интернационалу, другой—к национализму, шуйцей подписывать декреты коммунизма, десницей—империализма и т. д.».

¹⁾ «Смена Вех» Устрялов, стр. 56.

Позиция Питирима Сорокина иная. Он не хочет связывать судьбы интеллигенции с властью (ведь она так неустойчива), его позиция такова:

«Иная я бы сказал «англо-саксонская», позиция была ей чуждой. Это — позиция «самодеятельности», независимо от власти, позиция «самоуправления», не связывающая свою работу исключительно с государственной бюрократией, ни в научной, ни в просветительной, ни в экономической, ни в какой бы то ни было области общественной работы.

Личный почин, личная инициатива, личная энергия, производительная работа «по совести», а не согласно указке и капризам кого бы то ни было, — вот то, что нужно. Будет это — приложится все остальное. Не будет этого — не спасут никакие надежды ни на белую, ни на красную власть. Пора это усвоить и усвоить прочно».

Но с ним категорически несогласен такой матерый волк, как А. С. Изгоев.

«Мне совершенно непонятно, — говорит он, — как можно вести «независимо от власти» работу, напр., в экономической области, когда власть в любую минуту при помощи декретов, налогов, тарифов, может перевернуть вверх дном все мои расчеты. Тут у меня неизбежно возникнут те или другие отношения к власти, отношения борьбы, или сотрудничества, или обихода.

Нет, необходимая независимость от власти лежит не тут. Интеллигенция должна быть независима от власти в духовном и моральном отношении. Возродиться, почерпнуть новые духовные силы интеллигенция сможет только из источников духовных. Не от того или иного отношения к власти, а от силы духа интеллигенции зависит будущая ее роль в русской жизни».

За этими рассуждениями «на тему» следует дальнейший логический шаг. Нужно нащупать какую-то новую почву, какую-либо активно действующую силу, на которую мог бы опереться. Питирим Сорокин «духовно-независимо» и Изгоев материально для того,

чтобы быть свободным в духе. В этой плоскости во все стороны идут поиски. На кого опираться, кому отдать свои силы, во имя чье творить и работать.

Искание первое.

«При нашей новой экономической политике, придет в жизнь жадный мародер — «чумазный», т.-е. народится новый слой буржуазии (из народа), потому что произошло перемещение ценностей из одних рук в другие».

«Да, «чумазный», несомненно, придет. В силу сложившейся экономической конъюнктуры иначе быть не может. И придет, вероятно, даже в очень большом числе. Быть-может, в ближайшее время именно он будет задавать тон в жизни. Так неужели же интеллигенция, отказавшись добровольно от долга перед народом и тем нарочито устранив себя от участия в строительстве новой жизни, станет сознательно помогать «чумазному» обирать трудящихся, а в том числе и себя самое.

Хочется думать, что этого добровольного политического самоубийства интеллигенция вообще не сделает, а тем более лучшая ее часть, литераторы. Не сделает потому, что она *русская* интеллигенция».

Искание второе.

«Надо помнить, что вся судьба наша, как нации, как государства, как культурной силы зависит от того, какую долю золота хранит душа народа и как мы сумеем это золото чеканить. Если нам не суждено погибнуть, нам неизбежно придется еще раз пройти через полосу нового народничества, стать народолюбцами, какими были наши деды и отцы. В противном случае всякое наше злобное чувство по отношению к народу обернется на нас же самих. Наше положение теперь и легче, и труднее, чем оно было в 70-х годах. Легче потому, что от всякого поклонения народу мы, надо думать, излечились навсегда и мечту не будем принимать за действительность, труднее потому, что придется заняться прежде всего обузданием своих страстей, психологически естественных и, может быть, законных, но обще-

ственно преступных»,—так пишет Нестор Котляревский.

Его мысль направляется по старому проторенному пути к народу, но уже «без всякого излишнего поклонения ему», опираясь на действительность, а не на мечту, что было первородным грехом старого народничества.

Вот клубок мнений, настроений, чувствований нашей интеллигенции на 5-м году мировой революции:

- 1) Национал—большевизм сменовеховцев.
- 2) Нео—народничество Нестора Котляревского.
- 3) Англо-саксонский мундир Питирима Сорокина.

Это наиболее ярко выраженные линии мысли, а там есть еще Гершензон с его порывами самообновления, Вячеслав Иванов с его «новым» богоискательством, «Мечтатель» А. Белый и другие, и еще целый ряд ушибленных, «недугующих, страждующих, пленных»... сколько их, куда их гонят!.. Куда же в самом деле? По какому же пути пойдет наша интеллигенция?

Всю эту абракадабру Питирим Сорокин называет стадией «внутри мозгового брожения Литературы» и несмотря на это он нашел в себе достаточно смелости чтобы провозгласить «начало великой ревизии». В статье под этим заглавием в номере 2—3 (38—39) «Вестника Литературы» он, констатируя среди нашей интеллигенции «полное разочарование в основных устоях интеллигентского мировоззрения, *в науке, в революции, социализме, в идеализации народа, в вере в светлое будущее человечества*» (курс. мой В. П.), указывает на то, что на Западе уже начался «великий ледоход» коренной переоценки ценностей.

«Я,—говорит Сорокин,—лично радуюсь и всячески приветствую такие искания, как на Западе, так и у нас. Переживаемые катастрофы говорят о том, что опыт человечества был не полон, иначе катастрофы не было бы. Стало-быть, нужно произвести эту ревизию, нужно найти «ошибочные устои» и необходимо указать новые, более правильные, способные предотвратить в будущем та-

кие ужасы и жертвы. И чем глубже и бесстрашнее произведена будет эта «ревизия», тем лучше.

Эта работа началась. И, повидимому, итоги ее будут чреватыми: не только «божки», но и многие «боги» сброшены будут с своих высот, и, обратно, многое, традиционно считавшееся неценным и отжившим, будет заботливо поднято и поставлено на место сброшенных идолов. *Это значит: настоящая психически-идеологическая революция только начинается.* (Курс. мой В. П.).

Все это можно охарактеризовать, как реакцию против механического мировоззрения, *анти-религиозности, анти-мистичности* (курс. мой В. П.) и ряда других уже чисто социальных «измов». И подобные настроения типичны сейчас для довольно широких кругов русского общества.

Это только «первая ласточка». Уже по ней видно, что ревизия начинается, действительно, фундаментальная. Не малюсенькие вопросики, подобные за или против Советской власти, а вопросы поистине кординальные начинают пересматриваться. «В добрый час», говорю я со своей стороны».

Ну, а кто же будет производить эту ревизию?

Уж не наша ли интеллигенция? Что же она думает ревизовать и куда нас приведет ее ревизия?

Изящные перчатки Питирима Сорокина не скрывают его коготков в виде таких словечек в его «великой ревизии», как — «в эпоху крушения неудачных опытов в роде Французской революции и т. д.». Это *и т. д.* заставляет предположить, что к разряду неудачных опытов Сорокин относит и российскую революцию. Он хочет искать выхода в науке, что не мешает ему, Сорокину, смотреть на человека, как на «великое чудо», воспринимать его как луч божественного в мире». Да и не только человека. «Тоже может быть сказано и о всем Космосе».

Наука и божественное происхождение Космоса все это в эластичном мозгу пре-

освященного социолога Питирима укладывается без особых затруднений.

Отсюда становится понятна божественная связь Богословского института с университетом в Питере под эгидой профессора Карсавина. И пора сказать, что вся наша интеллигенция, сейчас меняющая «вехи», раскаивающаяся, ревизующая, ищущая, играет для революции очень плохую игру. Сменовековцы идут в Советскую Россию, поддерживать Советскую власть и ее политику, не потому что они стали действительно хотя бы и национал-большевиками, а по убеждению в том, что Советская власть совершает сейчас по их выражению «спуск на тормозах» к великодержавности и буржуазно-демократическому строю.

Питиримы Сорожины, Карсавины, Ивановы, и пр. тянут и российскую интеллигенцию и массу, поскольку она воспринимает их «бредущие розно» мысли в старое болото мистики, религиозности, всей той смрадной трижды проклятой полосы, которую мы изживаем с таким трудом в процессе тяжелой борьбы уже 5 лет.

Во всех их «исканиях» красной нитью проходит устремление от революции, стремление освободиться от нее, ревизовать ее. Для них российская и развивающая мировая революция — не великая ревизия, а так себе «досадное недоразумение».

Наша интеллигенция попрежнему остается верна себе. Она никак не может вцепиться в землю, крылья идеализма и мистицизма тянут ее от земли в эмпирию духа.

Она хочет переоценить ценности для себя, хочет быть довлеющей самой себе, хочет уйти в сторону от революции, игнорирует грандиозный процесс развертывания мировой революции, без нее и против ее воли начавшийся и развивающийся независимо от ее злобствований, мечтаний и мыслей. Повидимому мал еще был урок революции, повидимому идиотизм нашей интеллигенции до такой степени глубоко в'елся в ее толщу,

что с ее языка не слетает ни одного маломальски дельного творческого слова. Она мечтает создать для себя условия, в которых ее интеллект, воспитанный в опрокинутых революцией формах общественности, нашел бы свою стихию. Но... революция создает условия для себя, а не для нашей интеллигенции, она не пойдет, не может пойти по путям мечтаний нашей когда-то прекрасно-душной, а ныне злобной интеллигенции. Она пойдет своим кровавым, тернистым, жестким путем. Не раз еще мир переживет грандиозные стычки нарождающегося и отживающего мира. Много еще зла принесет человечеству издыхающее старое, и усугублению этого зла объективно будет способствовать наша невоспринимающая революции интеллигенция.

Все, что есть светлого идет не от старых заветов интеллигенции, а от революции, от земли, из крови и дыма революции. В ней рождается новое. И мы не разделяем многих суждений о том, что вот воспрянула литература, вот меняются вехи, вот наша интеллигенция образумилась, она идет по новому пути и т. д., и т. д.

Все это глажение нашей интеллигенции по головке объективно способствует тому, что она гнет под углом своих мистических и идеалистических настроений глубоко реакционную линию.

И это, несмотря на все прекраснотушные слова, которые разливаются сейчас в различных произведениях «воспрянувших», «возрождающихся» слоев нашей интеллигенции.

«Зри в корень».

А в корне дело обстоит далеко не так, как это рисуется в показных, праздничных строчках, подкупающих блеском внешности и некоторой «новизной настроений», «искренностью» и т. п.

В корне дело ясно. Фронт и фронт серьезный создается. Ему нужно противопоставить силу нашей мысли, нашей идеологии, нашей критики.

В. Плетнев.

Ко всем пролетарским писателям Р. С. Ф. С. Р.

Дорогие товарищи!

Великая октябрьская революция, широчайший размах и общенародность ее отдельных этапов бросили в наши ряды значительное число писателей и поэтов из мелкобуржуазных и полупролетарских слоев общества, зачастую революционно-искренних, но лишенных твердого классово-коммунистического мировоззрения и правильного понимания задач пролетарского писателя.

Переживаемый нами момент, так называемый НЭП, и связанное с ним некоторое оживление в стане замолкшей было буржуазной литературы и возникновение частных издательств, с одной стороны; энергичная работа различных кружков и обществ, стремящихся поднять знамя идеалистической философии и религиозной мистики, с другой — грозят серьезной опасностью для известной части наших товарищей, лишенных устойчивого коммунистического базиса и пролетарской идеологии.

В последнее время замечается появление произведений пролетарских писателей на страницах изданий, чуждых, а зачастую даже враждебных классовым задачам пролетариата. Всероссийская Ассоциация Пролетарских Писателей, являясь преемницей и носительницей лучших заветов первых литературных объединений рабочего класса, возникших задолго до революции 17 г., не может обойти молчанием подобных явлений, грозящих разрушением единого фронта пролетарской литературы и ведущих к вольной или невольной измене делу всемирного пролетариата.

Сотрудничество на экономическом фронте с элементами нам чуждыми ни в коем случае не должно приводить к аналогичному сотрудничеству в деле строительства нашей классовой пролетарской культуры.

Вынужденное отступление на экономическом фронте заставляет нас крепче сомкнуть ряды и поднять в художественной литературе знамя воинствующего материализма.

Исходя из этого, Правление Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей требует от своих членов незамедлительного выполнения следующих пунктов:

1) Члены Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей не должны состоять членами других литературно-художественных организаций, союзов и кружков.

2) Безусловное неучастие членов Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей в органах печати, чуждых пролетарско-коммунистической идеологии.

3) Выступления пролетарских писателей на литературных и других вечерах с писателями и поэтами враждебных нам групп должны иметь своей цели борьбу с последними.

Всероссийская Ассоциация пролетарских писателей предпринимает немедленную чистку своих рядов в целях удаления тех писателей, которые, в виду отсутствия классового сознания и твердого коммунистического воззрения, неспособны проводить намеченную линию.

Правление Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей объявляет перерегистрацию, добавляя, что впредь в члены ее будут приниматься только те товарищи, которые безоговорочно примут и выполнят все вышеуказанные требования.

*Вл. Кириллов, Мих. Герасимов,
Ив. Филиппенко, С. Обрадович,
С. Родов, С. Малашикин, А. Дорогойченко, П. Яровой, Гр. Санников,
А. Безыменский, П. Низовой,
Н. Полетаев, В. Газин.*

Письма из Петербурга.

Академическая наука и мистицизм.

О том, что революция губит науку, много писалось и говорилось русскими академическими учеными. При всяком удобном и неудобном случае, хороня ли умершего профессора, чувствуя ли годовщину какого-нибудь ученого учреждения, издавая ли какой-нибудь «свой» журнал или книгу,—всякий уважающий себя дипломированный ученый Р. С. Ф. С. Р. считал своим долгом пролить несколько слез над забитой большевиками наукой.

«Ученых замаривали голодом и холодом», «студентов разогнали», «бумаги на издательство не дают», «с заграницей сношения прекратили», «ученых учреждений не топят».

Не отрицаем того, что в условиях революционного времени научная работа, действительно, была затруднена, хотя и отнюдь не по вине Советской власти. Советская власть аккуратно выдает академический паек всем действительно работающим в научной области лицам, платит большие ставки профессорам, в блокирующую нас Европу часто посылает научные экспедиции за литературой, охотно печатает в гос. изданиях научные труды и поддерживает по мере сил научные издательства, общества, учреждения. Если сравнить заботы о науке буржуазно-демократических правительств Германии, Австрии, Франции, стран экономически разоренных войной все же меньше, чем Россия и заботы Советской власти, то окажется, что Советская власть стоит далеко впереди других правительств. Новая экономическая политика, развязав частную инициативу, расширив возможности закупок на вольном рынке и сборов с него в той или другой форме (платные лекции, продажа книг, издание журналов для «широкой публики»), еще более облегчила возможность усилить научную работу. Почтовые, телеграфные и иные сношения с заграницей восстановились и далеко не так уже затруднительны. И

нам кажется теперь, что пролетариат, который сам, голодая и холодая, столь многим жертвовал для сохранения жизни и работоспособности представителей научной мысли, вправе, а рабочее правительство даже обязано, спросить академических ученых: Вы, требующие широкой государственной поддержки Вашему свободному (ведь всякое вмешательство в академические дела Вы клеймите, как насилие и варварство) творчеству, имеете ли Вы предложить пролетариату что-либо равноценное той доле создаваемого им общественного продукта, который Вам нужен и научите ли Вы его тому, что ему нужно для построения новой жизни, если он пойдет к Вам учиться?

С этой точки зрения интересно посмотреть, в какие области было направлено внимание наших патентованных ученых за последнее время, поскольку они могли свободно творить, какие настроения ими владели, что они создали.

Что касается Питера, то здесь надо сказать картина не весьма утешительная. Питерские академические ученые, как ни много приходилось им тратить времени на получение всяческих пайков (академических, красноармейских, железнодорожных и вообще всех придуманных Наркомпродом), все же не забывали за поддержанием телесного благополучия и духовных потребностей. Они писали и издавали брошюры, статьи, книги, читали доклады, собирались на заседания разных обществ, проявляли свое отношение к происходящему великому социальному сдвигу.

Но если мы рассмотрим главные центры их сплочения и виды проявления научного творчества, мы вынуждены будем изумиться уже при одном перечислении этих центров и видов. Дело в том, что одним из учреждений, где тратится много сил и энергии Питерскими учеными, окажется Богословский Институт, т.-е. частное учебное заведение, сменившее прежнюю Духовную Академию и

имеющее целью готовить России новых «образованных» попов. В этом весьма высокого научного значения (с точки зрения средних веков) учреждении читают основные курсы, в окружении ряда академических звезд меньшей величины, два профессора Петроградского Университета Н. О. Лосский, философ-интуитивист и метафизик, считающийся гордостью Российской университетской философии, и Л. П. Карсавин, профессор общественно-педагогического отделения факультета общественных наук Петроградского Университета, очень серьезный кандидат в ректоры этого Университета, талантливый историк.

Уже эта персональная близость Университета и Духовной Академии не сулит ничего доброго. Но что гг. Карсавин и Лосский не одиноки среди своих коллег по Академической науке, показывает последнее торжественное празднование годовщины Университета. Не будем говорить уже о частном образом отслуженной накануне официально празднования годовщины молебне, служившемся на одной из профессорских квартир расположенных в Университ. здании, где как нам известно, присутствовали многие профессора, а совершал богослужение «сам» митрополит Вениамин.

Пусть то, что хотят считать частным делом и останется частным делом. Если Александр хочет быть богом, пусть будет богом, как ответили спартанцы на требование Александра Македонского признать его за бога. На самом акте, бывший член партии с.-р. и Учред. Собр., отрекшийся от политики в советской тюрьме, (что не мешает ему выступать против примиренчества и приспособленчества сменовековцев), профессор Питирим Сорокин, автор социологии, при громовых аплодисментах всей почти профессуры, призывал к укреплению национального чувства, единственной опоры семьи, личности и собственности, поскорбел об утрате русской самобытности, процветавшей в эпоху московских царей, и заявил, что спасти Россию можно лишь, затеплив свечильник веры от поучений Сергия Радонежского.

Такова оказалась программная речь профессуры Петроградского Университета в 104 годовщину его существования.

Если Лосский и Карсавин мечтают о подражании Владимиру Соловьеву, то легкий насчет идейных маневров бывший социалист Сорокин метит, очевидно, прямо в «преподобные».

Но пока удастся превратить Петроградский Университет в Сорбонну¹⁾ наша профессура захватила в надежные руки «правверных» целый ряд научных издательств и важнейших учреждений. Мне неизвестно, требуется ли для того, чтобы попасть в составленный профессурой список кандидатов в научно-исследовательский Институт, (долженствующий готовить будущих профессоров), как при вступлении в Сечь, исповедовать бога и креститься, но известно, что марксисты туда не попадают, даже имея печатные научные труды; тогда как на все лады выискиваются верующие и кадетствующие барышни, способные только зубрить обязательные учебники, лишь бы заполнить места.

Существует в Питере издательство «Наука и Школа», поставившее себе целью издать ряд книжек для серьезной подготовки к серьезному научному самообразованию (так называемые «введения в науку»). И вот в Редакционной Коллегии Отдела Философии оказались Л. П. Карсавин и Н. О. Лосский, в Коллегию Истории рядом с Жебелевым и Приемковым сел тот же Карсавин.

Удивительно ли после того, что «Наука и Школа» успела на ряду с действительно строго научными, хотя и эклектическими, книжками Жебелева и Вульфмуса издать «Saligia» Карсавина — рассуждение на тему о том, почему и как мы должны верить в бога, его же «введение в историю», доказывающее нам «без всякого пристрастия», что понять что-нибудь в истории можно лишь с помощью религиозного чувства, веруя, что человечество есть единая, развивающаяся,

¹⁾ Богословский факультет Парижского Университета в средние века. Знаменитый, как эпоха католической церкви и поставщик «ученых» богословов на всю Европу.

душой одаренная личность и проникая в эту душу непосредственно (интуитивно) своим сознанием.

Издана и книжка прославившегося исследованиями в области экономического быта древней России Добиаш-Рождественского по истории средних веков, где выясняется определяющая роль в средневековой идее блаж. Августина о Граде Божием.

По философии же печатаются, главным образом, труды Лосского, договорившегося до отрицания самостоятельности материи, объяснения всего мира из непознаваемой сущности Абсолютного Божественного и положившего свою философию в основу патриаршей православной метафизики старого отъявленного мистика и метафизика Алексея.

Второе более популярное научное издательство «Круг Знания» тоже напечатало книжку Карсавина о католичестве, серьезнейшим образом трактующую об отношении бога сына к богу отцу, о первородном грехе, о совмещении предопределения божия со свободой воли, при чем автор, хотя и преподает в Духовной Академии, явно считает весьма близким к «истине» католические решения вопросов. Там же напечатана книга Карсавина о культуре средних веков, сводящая историю последней к борьбе церкви за объединение человечества в божие и книга Добиаш-Рождественского о крестовых походах, объясняющая эти походы чисто религиозными мотивами.

В выпущенном недавно философском обществе журнале «Мысль» тот же Карсавин договорился до доказательств, что знаменитый шарлатан и маг—Мострадамус действительно мог правильно и точно предсказывать будущее.

При таком настроении не удивительно, что трезвый обычно историк литературы Н. Котляревский в последней своей толстой книге «XIX век» рассматривает литературу этого века, главным образом, с точки зрения развития в ней религиозных идей, что Ф. Ф. Зелинский, знаменитый русский исследователь античной культуры, в последней своей книжке о религии эллинизма предла-

гает не срывать завесы с тайны религиозного чувства и даже не говорить и о самой завесе, считая, что иначе поступают лишь невежды и шарлатаны.

Почтенный проф. Зелинский должен в этой книжке заявить к успокоению «читателей», что он твердо исповедует ту религию, в коей рожден и воспитан с детства.

Итак, академические представители общественных наук в своем свободном творчестве более всего склонны понимать свой долг перед народом так, как изложил его недавно в «Летописи Литераторов» старый кадет и вехист (Вехи II, 1900 гт.) Изгоев «в противовес развращающей проповеди классовой борьбы, проповедывать народу бога, носимого народом в душе издавна». Вопрос весь в том, нужна ли и заслуживает ли поддержки со стороны пролетариата такая проповедь и соответственная наука?

Мы готовы допустить, чтобы, пользуясь своим званием ученых, преподобные Питиримы при всяком случае лягали идеи коммунизма. Если не от сумбурного Сорокина, то от более талантливых его коллег, отбросив их политические бредни, пролетарии могли бы извлечь специальные познания фактов и методов. Но если сама специальная наука на $\frac{9}{10}$ превратится в областях общественно-богословия, в средневековую схоластику и метафизику, в спор о том, «какого роста был Адам и был брюнет он или рыжий», в акафисты Сергию Радонежскому?

Вот вопрос, который встает при виде мракобесия наших дипломированных историков, социологов, филологов (философов, конечно, давно потерянная для нас категория «ученых»), которые, в то время, когда Павловы, Бехтеревы, Тимирязевы, Рождественские делают действительно большие научные открытия в психиатрии, физиологии, физике и других естественных науках, отрекаются от прежних научных способов исследования общественных явлений и пишут богословские трактаты и зовут назад к Сергию Радонежскому и Сорбонне. На этот вопрос нужно ответить.

Г. Г.

Наука и труд.

Наука и труд.

Человеческая жизнь и труд неразрывно связаны между собой. Для того, чтобы питаться, укрыться от непогоды и холода, человек должен целесообразно затратить некоторое количество своей энергии для использования с этой целью вещества природы. Вся история человечества есть история непрерывного процесса развития и усовершенствования способа использования сил и вещества природы, стремления с наименьшей затратой человеческой энергии получить наибольшее количество полезного для человека вещества природы. Процесс этот—процесс труда; на протяжении тысячелетий он чрезвычайно видоизменяется и все-таки всегда в существе своем состоит из взаимодействия трех элементов (составных частей): труда, орудия труда (инструмента, машины и т. п.) и предмета труда (добываемое вещество природы, обрабатываемый материал). Будем ли мы иметь в виду дикаря, убивающего камнем животное для пищи, или современного ткача, ткущего на усовершенствованном станке ткань—всюду мы найдем эти и только эти три элемента).

Если мы будем из далекого прошлого постепенно восходить до наших дней, мы заметим, что человечеству удается получать все большее и большее количество полезных для него благ с затратой все меньшего количества своей личной физической силы, заменяя ее силой природы. Но этот закон, это наблюдение верно лишь тогда, когда мы

рассматриваем все человечество в целом. Если же мы посмотрим на соотношения между составляющими человечество классами, то мы увидим, что это величайшее завоевание человеческого гения, поставившее его несоизмеримо выше всех других существ на земле, по своим результатам распределено среди классов совершенно неравномерно. В обществе, основанном на принципе частной собственности, стремление и умение освободиться от затраты личной энергии при добывании средств существования, «свалить работу» на другую силу, вне самого человека находящуюся, осуществляется не только в отношении сил природы, но и в отношении себе подобных,—классовое господство одной части человечества дает ей возможность процесс труда, процесс присвоения себе полезного вещества природы, осуществить в идеальной, так сказать, форме, где затрата личного физического усилия сводится к нулю, где вся работа «свалена на плечи» другой части человечества, подчиненной первой. Таким образом процесс труда в ходе исторического развития чрезвычайно усложнился, и общая тенденция этого усложнения выражается в том, что все творческие элементы процесса труда, управление им и его конструкция (строе-ние) стремился присвоить себе господствующий класс, оставляя на долю непосредственного исполнителя, производителя, чисто машинальные функции. (Однако, до тех пор,

пока участие сил природы в процессе производства ценностей и средств существования было незначительно, эта тенденция не могла быть осуществлена достаточно полно, и ограничивалась областью материальной части производственного процесса).

Но вот с изобретением машин, давших человечеству возможность использовать в производстве средств существования силы природы в неизмеримо большей степени, чем это было до их появления, материальная и творческая мощь господствующего класса стала чрезвычайно возрастать, производственный процесс чрезвычайно усложнился и на сцену отчетливо выступил вопрос способа использования человеческих ресурсов в этом процессе; вопрос организации труда. Сама по себе чрезвычайно ценная для человечества возможность механизации производственного процесса, т.-е. возможность замены мускульной энергии человека энергией сил и законов природы, используемых при помощи машины и механизма, давала в условиях капиталистического строя господствующему классу средство к постепенному освобождению от зависимости от специальных умений производителя и к механизации, к превращению в машину и самого этого производителя. Экономический и на основе его политический гнет, испытываемый лишенным всяких средств производства, кроме своих рук, пролетариатом, гнет настолько чувствительный и отчетливый, что на нем сосредоточилась и вся классовая борьба рабочего класса, оставляя в стороне самый производственный процесс,—это создало внутри производственного процесса, на месте непосредственного приложения рабочей силы производителя, такую обстановку и такие условия, в которых организация труда в общем и целом могла протекать только вне контроля и классового воздействия рабочего класса. Это бесконтрольное господство в процессе труда повело к тому, что вопросы организации труда в этом процессе рассматривались капиталистическим организатором исключительно с точки зрения интересов организации произ-

водства, и тенденция экспроприации от производителя творческих элементов процесса труда получила яркое проявление: идеалом организации стало превращение производителя в живое орудие, подчиненное темпу машин с исключением всякого сознательного отношения к производимой работе. Капиталистический организатор заинтересован лишь в наилучшем функционировании своего машинизированного производства, а включение производителя в этот процесс достигалось осуществлением экономического и политического господства.

Вопрос организации труда интересовал его лишь постольку, поскольку это было в интересах интенсификации производства и устранения препятствий к этой интенсификации со стороны производителя. Поэтому *проблема организации труда есть классовая проблема пролетариата и только им она может быть поставлена в полном объеме, и только под его давлением, и по его инициативе может быть разрешена.* Основная сущность проблемы может быть формулирована, как *проблема восстановления единства процесса труда*, создания в рабочих массах сознательного и творческого отношения к совершаемой работе. Необходимо восстановить в своем сознании ту истину, что *основой всякого, как бы он сложен ни был, производственного процесса, производства, является процесс труда*, что всякое производство состоит из комбинированной массы процессов труда и что *весь аппарат управления производственным процессом должен быть так построен, чтобы каждый процесс труда в нем мог протекать наиболее рационально, соответственно возможностям и способностям производителя и целям этого процесса.*

Что же может и должна дать нам наука для разрешения этой основной проблемы рабочего класса, проблемы организации труда?

Экономисты и техники одинаково утверждают, что характер производственного процесса зависит исключительно от развития техники, которая зиждется на собственных

законах, использование коих создает промышленный процесс, а посему провозглашается свобода пути, «который ей предугадывает *«разум техники»*, ее существо». Такое положение чрезвычайно напоминает то положение вещей, которое было во времена, когда Адам Смит, создатель экономической науки, писал свое исследование о «Богатстве народов», в котором он провозглашал необходимость предоставления каждому заботиться о своих интересах.

Техника, наука об использовании и применении сил и законов природы в целях получения полезных для человечества средств существования, сыграла и будет играть роль чрезвычайного значения для увеличения создаваемых при ее помощи благ. Она дает беспредельную возможность увеличения производительных сил, сбережения человеческой энергии, механизации производственного процесса, т.-е. замены работы человека работой механизма. Но развитие ее может идти двумя путями: путем механизации производственного процесса и путем механизаций его. Первый путь, несомненно, имеет для пролетариата безусловную ценность, как для класса трудящихся. Посмотрим, что представляет собой второй путь.

Под механизацией нужно разумеать такую организацию производственного процесса, в котором от начала до конца все идет, как в машине, т.-е. все движения совершаются с заранее предопределенными последовательностью и скоростями, где нет ни места, ни времени для рассуждения и выбора. Поскольку производственный процесс совершается машиной и человек только наблюдает за ее работой и эту работу резюмирует и ею управляет, это есть механизация процесса; но поскольку человек включен в ход и работу машины, как ее часть, и должен делать однообразные вполне предопределенные заранее движения с предопределенной скоростью, и нарушение этих условий влечет за собой или опасность для человека или приостановку процесса,—это механизация человека в производственном процессе, подчинение человека машине.

Успех продуктивности лежит в сочетании знания, умения и желания ¹⁾. Процесс механизации силою вещей убивает всякое желание, на место которого становится голое экономическое принуждение. Задачей техники, стоящей на службе пролетариата, является устранение из производственного процесса принципов механизации и замена их действительной механизацией. Техника до сих пор не доводила дела механизации до конца, и поскольку изобретение данной машины доводилось до применения простого «неквалифицированного» рабочего, дело считалось законченным.

В истории изобретения есть блестящий пример такого недоделывания и остроумного решения вопроса, дающий одновременно наглядное представление о механизации и механизации. Первую паровую машину построил англичанин Ньюкомен. В эту машину пускался сначала пар, поднимавший своей силой поршень, а затем вода, охлаждавшая пар, вследствие чего поршень опять опускался вниз,—при помощи двух кранов, которые изобретатель предоставил поочередно открывать и закрывать приставленному для этой цели мальчику. Это мальчик, Гумфри Петтер, которому надоело быть частью машины, доделал то, о чем не заботился изобретатель, которому ведь не приходилось торчать у машины по 12 часов в сутки. Г. Петтер придумал привязать к кранам веревочки, а концы веревочек к истоку поршня, который поднимаясь и опускаясь дергал за веревочки и открывал краны. Механизированный Гумфри механизировал свой процесс труда. Этот малыш Гумфри должен остаться у нас навсегда в памяти, как олицетворение стремления к действительной механизации производственного процесса. Мы можем сказать—вопреки мнению одного ученого профессора и техника: «даже для русского пролетариата нет особых путей и законов развития техники и промышленности»,—что наука и техника должны пере-

¹⁾ Гельферих. «Развитие народного хозяйства Германии». Изд. В. С. Н. Х. 1920 г., стр. 26.

смотреть свои законы и главное, привычки, с точки зрения организации труда, который должен быть поставлен во главу угла. Нужно научиться подходить к конструкции машины и способам производства с точки зрения интересов труда, его организации, а не

только с точки зрения увеличения продуктивности. Обе точки зрения не противоречат друг другу. Об этих новых путях мы поговорим в другой раз.

М. Пиолунковский.

Современные задачи науки о труде.

I.

Наука о труде по характеру своего предмета не может быть отвлеченной наукой, оторванной от непосредственных условий и требований жизни. Более того, следует сказать, что при всей своей молодости система рациональной организации труда не могла не отразить в себе изменение технических и социальных условий труда за три-четыре десятилетия своего существования.

Интерес к методам управления предприятиями по так называемой системе Тэйлора проявился у нас, в России, приблизительно лишь за последнее десятилетие. Оформление этого интереса и осознание всей его громадной важности посредством создания специального учреждения, изучающего труд (Центральный Институт Труда В. Ц. С. П. С., осн. 16 сентября 1920 г.) представляет собой неопределимую заслугу профессиональных союзов последнего времени революции.

Эта дата — не случайна. Из нее можно вывести те своеобразные черты, которые приобретает в современных русских условиях проблема организации труда.

Голод и неслыханное материальное оскудение — вот явления, накладывающие на эту задачу свою неизгладимую печать. Для организаторов и, даже для историков тэйлоризма, не покажется смелым утверждение: если бы до сих пор в европейском человечестве не шевельнулась мысль о сокращении траты человеческих усилий в производстве и о наилучшем их использовании, то указанные выше явления в России 1918—22 гг. должны

были бы впервые вызвать эту мысль и облечь ее в форму соответствующей системы.

Мы страшно устали от длинного ряда военных и революционных лет, мы разорены блокадой и неизбежным разрушением, сопровождавшим искание новых форм организации нашего хозяйства. Голод добивает нас и заставляет нас двигаться и работать, что называется «из последних сил».

Вспомним известный расчет, бесполезно теряющейся живой рабочей энергии, сделанный для условий мирного времени: Северо-Американские Соединенные Штаты теряют 30% ее наличного фонда (по Тэйлору), Франция — 40% (по Амару), Россия губит не менее 80% своего громадного человеческого богатства.

Мы погибнем, если будем так расшвыривать уцелевшие остатки народной мощи в этот исключительно тяжелый период нашей истории.

Безмерная нужда, бедствие и горе заставляют нас беспристрастно учесть наши ресурсы и использовать их так, чтобы скорее выбраться из этого жуткого исторического провала.

Научно организовать труд означает для нас сегодня — наиболее выгодно и умело распорядиться запасом сил и средств, отпущенных нашему поколению.

Это значит, — недопустить ни одного бесполезного и излишнего движения в труде, определить наивыгоднейшую меру соотношения между работой и отдыхом, потребным для восстановления сил, поставить каждого человека нашего времени на свое место для

наилучшего использования его природных способностей, это значит — найти самый быстрый способ обучить всех правильно и легко работать.

Организация труда — неотступная и всепоглощающая задача нашего времени и, не даром один из первых создателей науки о труде Франк Джиллбрет указывал на ее неисчислимые приложения не только в индустрии, но и «в конторах, школах, магазинах, домашнем обиходе и сельском хозяйстве».

Понятно, какое темное невежество скрыто в банальном взгляде на научную организацию труда, к сожалению, до сих пор находящем себе сторонников, как на роскошь, недоступную нашему истощенному и обезлюдевшему хозяйству.

Для наших российских условий наука о труде как раз и должна явиться той спасительной выдумкой, на которую голь хитра, согласно пословице.

II.

Суровая нужда всегда и во всех случаях был источником пробуждения духа инициативы и изобретательства. Убогость наших сил и производственных средств могут стать повелительными причинами для искания наиболее совершенных способов труда.

В этом отношении нам нужно будет прежде всего использовать западно-европейский опыт. Каковы его положительные данные и в чем характерные черты того движения, которое под крылатым именем «тэйлоризма» тревожит ныне весь мир?

Для того, чтобы сразу войти в курс дела, приведем один случай из жизни Фредерика Тэйлора — основоположника современной системы научной организации труда.

Проходя однажды около строящегося дома, Тэйлор заметил, что каменщик, который возводил стену, брал кирпичи с земли, поднимал их на высоту своего пояса и затем прикреплял их один к другому при помощи своей лопатки с цементом. Тэйлору стало ясно, что наиболее утомительная часть ра-

боты этого каменщика заключается не в том, чтобы цементировать кирпичи, но поднимать с земли каждый кирпич весом в 3 килограмма, по крайней мере, 2 раза в минуту на высоту около 1½ метра.

Если бы каким-либо способом, механическим или при помощи другого человека, подавать каменщику кирпич один за другим — очевидно, как увеличится производительность его труда. Он будет освобожден от необходимости нагибаться за кирпичами и всецело сосредоточить свои силы и внимание, чтобы их класть и цементировать.

На этом конкретном примере можно проследить принципы целесообразно организованного труда.

Всякая работа подлежит разложению на составляющие ее простые части — элементы. В данном случае, работа каменщика с первого взгляда разделена была Тэйлором на две самостоятельные операции: 1) подъем кирпичей с земли и 2) их цементирование.

Если невозможно переложить выполнение более простого элемента работы на машину — его осуществляет другой работник меньшей квалификации. Перед нами в зародыше идея точного разделения функций между работниками.

Когда работа разбита на элементы и распределена между работниками, предстоит выяснить наилучший способ выполнения каждого ее элемента. В данном случае необходимо изучить положение и движения каменщика, подающего кирпичи и цементирующего их, и выбрать наиболее краткие и легкие, исключив бесполезные и излишне утомительные. Последняя задача сделалась предметом долговременных изысканий ближайшего последователя Тэйлора — Франка Джиллбрета, изложенных в его труде «Изучение движений».

Обеспечив наиболее целесообразные и легкие трудовые движения, необходимо определить время, потребное для производства каждой операции. Изучение элементов времени даст возможность построить нормальное рабочее время и точно измерить производительность труда.

Так как наши каменщики не могут работать непрерывно и нуждаются в отдыхе, необходимо научиться узнавать величину их усталости и в согласии со свойствами организма правильно распределить время труда и отдыха. Это важно для того, чтобы максимально сохранить человека, как рабочую машину и охранить его от вредного переутомления.

Разделив трудовой процесс на элементы, отбросив нецелесообразные трудовые движения, определив нормальное рабочее время и время отдыха, мы в состоянии все эти данные занести на инструкционную карточку, которая выдается на руки рабочему и служит ему руководством и контролем.

Далее, может, однако, оказаться, что каменщик, подающий кирпичи, испытывает большие неудобства при нагибании и делает это так медленно, что рабочий, их цементирующий, моментами остается без дела. В этом случае перед нами в элементарном виде вопрос о пригодности рабочего к профессии — область исследования особой науки — психотехники, определяющей профессиональные психо-физиологические признаки работника.

Вот, кратко, в пределах данного профессионального труда, иллюстрация различных сторон его научной организации.

III.

Мы видим, таким образом, что наука о труде предполагает предварительно большое

усилие над обработкой самого способа труда, предшествующее его фактическому осуществлению. С первого взгляда представляется, что мы имеем дело с двойной тратой энергии: на исследование, размышление над способом труда и уже затем на его реализацию в этом усовершенствованном виде. Опыт показывает, что этот предварительный расход сил и средств с лихвой окупается исключительным подъемом производительности труда.

Нам необходимо широко распространить ту сумму знаний, которую представляет сейчас рационализация труда для того, чтобы ее методы вошли в плоть и в кровь каждого работника.

Если мы добьемся того, что ко всякому делу люди станут подходить как бы настроенными этими методами и под их влиянием будут пытливо вглядываться в работу и искать лучших способов ее выполнения — мы одержим большую победу.

Это будет означать, что наука о труде, опираясь на сосредоточенный опыт лабораторных исследований, вышла на широкий простор жизни, сберегает надорванные силы ее творчества и тратит их с удесятеренным возвратом.

Научная организация труда в условиях ближайшего будущего — верный способ возрождения нашего народного хозяйства, который находится в наших собственных руках.

В. Перцов.

Как производится выбор профессий за границей.

Кем сделаться? Какую профессию себе избрать? Вот вопросы, какие задает себе каждый человек в тот момент, когда становится на свои ноги и выбирает себе путь в жизни; вопросы крайне важные, ибо от правильного ответа на них зависит иногда судьба человека. Как же люди делают выбор между сотнями профессий? Чем они

руководствуются? Есть ли указания, какие качества надо иметь, чтобы сделаться плотником, слесарем, шоффером и т. п.? Таких указаний почти нет, и большинство людей выбирает себе профессию случайно «в слепую», иногда юноша или девушка увлечется чьим-нибудь успехом и вообразит, что и ему (или ей) надо заняться этим же делом

(особенно часто увлекаются театром), но, вообще говоря, все-таки выбор профессии совершался и совершается почти без всяких оснований. В результате—много испорченных жизней: ведь нет ничего хуже, когда человек затратил массу сил и времени, чтобы выучиться какому-нибудь делу, и потом пришел к заключению, что это дело ему не по душе, что у него нет необходимых для этого дела качеств; переучиваться поздно и человек тянет лямку, делая до конца жизни нелюбимое дело. Но неправильный выбор профессии приносит громадный вред не только для отдельного человека, но и для всего общества, всего государства: доказано, что наибольшую производительность труда на всякой работе может дать лишь тот человек, который к данной области труда имеет способности; следовательно, в интересах государства заботиться о том, чтобы все граждане были правильно распределены по профессиям; при этом условии использование рабочей силы населения дает наибольшие результаты; значит, все дело в том, чтобы узнать, какие необходимые качества нужны для той или другой профессии и обладает ли данный человек этими качествами.

Как это узнать? Для некоторых профессий это сделать легко, и с давних пор такие испытания производятся; напр., телефонисткой может стать только та женщина, которая обладает нормальным слухом, охотником или солдатом—только тот человек, который хорошо видит вдаль и т. д. Но часто оказывается, что и видит человек хорошо, и старается, и все-таки дело идет не так, как нужно; оказывается причина этому в том, что одного хорошего зрения и слуха в некоторых профессиях мало, нужно еще что-то; поясню примером: шоффер или вагоновожатый должны ехать по улице достаточно быстро и все время следить за улицей—иногда двинуть мотор быстрее, иногда тормозить, иногда и объехать; и так весь день—работа нелегкая, и ясно, что многие люди и старательные, и с хорошим зрением все-таки не выдерживают такого долгого и

непрерывного напряжения внимания и после нескольких несчастных случаев вынуждены уйти со службы; значит, кроме зрения, нужно еще и постоянство внимания; в других профессиях нужна устойчивая память (лакею в ресторане, служащему в справочном бюро, ученому и т. п.), сообразительность и другие душевные качества.

Встает вопрос, можно ли определять личность того или иного качества путем опытов *до поступления на службу*; оказывается—вполне возможно, хотя и нелегко, так как дело это новое и сложное; этим вопросом заинтересовались ученые психологи лет 15 назад, но сильный толчок психотехника (наука о выборе профессии) получила, как, впрочем, и другие науки, лишь во время войны; наибольшего развития она достигла в Германии: для немцев, которые боролись чуть ли не против всего мира, у которых каждый солдат был на учете, особенно в специальных войсках, в автобатальонах, в воздушном флоте, в службе связи, было важно готовить таких специалистов возможно больше и возможно скорее и дешевле; для этого же надо было при приеме на соответствующие курсы производить отбор, принимая лишь тех, у которых были необходимые способности. Немецкие ученые-психологи по приглашению военного ведомства разработали подробно способы испытаний шофферов и организовали во всей Германии 14 лабораторий, через которые в 1917—1918 гг. прошло свыше 24.000 человек; был издан особый приказ по военному ведомству не принимать в автомобильные батальоны лиц, не прошедших испытания в одной из этих лабораторий.

Как же производились эти испытания? А вот как: сначала тщательно исследовались острота зрения (нет ли близорукости или дальнозоркости), острота слуха (нет ли глухоты) и другие качества; особенно тщательно испытывали внимание: испытуемого сажали на стул; перед ним висела доска с лампочками, среди которых была одна красная; под рукой у него была кнопка от электрического звонка; лампочки загорались

и гасли; если вспыхивали белые или оранжевые лампочки, испытуемый должен был оставаться спокойным, если же загоралась красная лампочка, то он сейчас же должен был нажать кнопку; скорость его «ответа» отмечалась на особых часах—хроноскопе—в тысячных долях секунды; по полученным цифрам судили, может ли испытуемый быстро отвечать действием на появление условного знака (в данном случае—красной лампочки, на практике же—на улице—переходящего мостовую пешехода или встречного мотора) и не утомляется ли он быстро. Условия опыта менялись. Летчиков подвергали испытанию на паличность у них так называемого «чувства равновесия», так как на практике оказывалось, что летчики со слабо развитым чувством равновесия не успевали во время выравнивать аппараты и разбивали их, а часто гибли и сами; для каждой профессии были выработаны особые испытания.

По окончании войны, это дело не заглохло; многие промышленные предприятия, основываясь на успехе «военных» испытаний, поставили подобные испытания и для своих служащих; ими были приглашены крупнейшие ученые Германии, и многие предприятия заключили даже договоры с отдельными психологическими институтами и лабораториями; в числе этих предприятий мы встречаем такие колоссы промышленности, как-то: «Всеобщая Компания Электричества», «Сименс и Шуккерт», «Об-во ауэровских горелок», берлинский трамвай и мн. другие. Биржи труда, об-ва инженеров, профсоюзы, врачи, учителя близко заинтересовались этим делом и благодаря широкому интересу и немецкой настойчивости удалось создать по всей Германии ряд специальных бюро, где всем желающим даются советы, какую профессию им следует избрать.

Подобную картину мы видим и в Америке: в центре сталелитейной промышленно-

сти, в г. Питтсбурге, создано специальное «Бюро для изысканий в области торговли»; оно, между прочим, ставит себе задачей определение пригодности к различным специальностям торгового дела (продавцы, вояжеры, бухгалтеры и т. п.); это и понятно: Америка во время войны вытеснила многие государства с их рынков и для обслуживания гигантски разросшейся внешней (и внутренней) торговли, ей понадобились многие десятки тысяч людей; это бюро и испытывает по заказу различных фирм (среди них есть фирмы с мировой известностью—«Компания автомобилей Форда», «Компания Вестингауза» и много других) их будущих служащих; психотехника в Америке под руководством крупнейших ученых достигла такого развития, что многим фирмам выгодно нести по этим испытаниям довольно крупные затраты, но принимать к себе на службу лишь отборный персонал.

Из всего сказанного, видно, что психотехника уже и теперь приносит, как отдельным людям, так предприятиям и всему государству неисчислимую пользу; поэтому и нам в России необходимо ввести подобные испытания, приспособив их, конечно, к нашим русским условиям; приборы для испытания металлистов, употребляемые в Германии, уже получены в России в конце прошлого года и Центральный Институт Труда¹⁾ при В. Ц. С. П. С. начинает разворачивать эту работу.

В настоящее время мы еще не можем всякому желающему указать ту профессию, к которой он наиболее пригоден, но нет сомнения, что через короткое время быстро развивающаяся наука—психотехника позволит нам облегчить всякому человеку решение труднейшего вопроса жизни—какую дорогу в жизни избрать, какую профессию выбрать.

К. Кекчеев.

¹⁾ Адрес Центрального Института Труда: Москва, Петровка, 24.

Профессиональное движение.

Культурно-просветительная работа профсоюзов.

1.

В рабочих массах всегда жила могучая воля к просвещению и знанию. В период дореволюционный эта воля не имела для себя «точки приложения». Властелин мира, буржуазия, владея орудиями производства, владела и знанием. В руках буржуазии, знание было страшным орудием. Сознавая огромную силу просвещения, буржуазия не подпускала к нему пролетариат и «на пушечный выстрел».

Играя в филантропию, она, уделяла «чуждому» толику малую от щедрот своих: в воскресных и вечерних школах, разного рода культурно-просветительных обществах, в народных университетах буржуазная интеллигенция рабочему, пробившемуся туда, давала огрызки и суррогаты того фальсифицированного знания, которое в буржуазном обществе давало право названия «образованного» человека.

Революция освободила волю рабочих масс к просвещению. Взяв в свои руки орудия производства, пролетариат тотчас же бросился штурмовать вторую цитадель буржуазии — знание.

Никем не сдерживаемая воля пролетариата к знанию в послереволюционный период нашла свое выражение в стихийном росте культурно-просветительных учреждений, создававшихся не только волей, но и руками самих рабочих масс. В самом начале это

строительство было неорганизованным, разпыленным, кустарным.

Но когда схлынула первая волна могучего порыва, это строительство стало концентрироваться вокруг рабочих организаций — профессиональных союзов.

Непосредственно и тесно спаянные прежде всего с профсоюзами, рабочие массы все свои культурные запросы, все свои потребности в организации просветительных учреждений несли через низовые союзные ячейки в местные союзные центры. И профсоюзы — через созданные ими по требованию самой жизни свои культорганы (культкомиссии, культотделы) всеми силами содействовали объединяемым им массам претворять в жизнь их волю к просвещению. Это был период организации союзами культработы для рабочих масс волею и творческими силами самих рабочих.

Однако, профсоюзы в эту пору не могли справиться со стихийно-кустарным характером культурного строительства.

По мере укрепления аппарата пролетарского государства, просвещение масс было централизовано в государственных органах просвещения — Наркомпросе и его местных ответвлениях.

Профсоюзы не могли не сознавать, что в этот период их культурно-просветительная работа однородна с просветительной работой государства и — обособленная от государства — ведет к параллелизму и край-

нему распылению сил. Это сознание сквозило уже в постановлениях 2-го Всероссийского Съезда Профсоюзов.

С этого момента начинается период объединения культурно-просветительной работы профсоюзов с просветительной работой государства в лице Наркомпроса и его органов на местах.

Своей конечной целью объединение это имело «сращивание» культработы союзов с работой Наркомпроса, приближение органов Наркомпроса через союзы к широким массам организованного пролетариата и—в итоге—передачу всей просветительной работы *целиком* государственному аппарату просвещения. Этим была бы достигнута и основная задача пролетарского государства в области просвещения—введение просветительной работы в русло единства.

На деталях этого «сращивания» мы останавливаться не будем. Отметим только, что курс на государственные органы просвещения окончательного выкристаллизовался в начале 1921 года, когда В. Ц. С. П. С. в «Положении о культурно-просветительной деятельности профсоюзов» четко установил: «Это единое построение (культработы М. П.) может иметь основой только органы государственной просветительной работы—органы Наркомпроса», и объявил «боевой задачей профсоюзов в настоящее время всяческое усиление этих органов».

До этого культурно-просветительная работа союзов, не сливаясь с просветительной работой государства, должна была естественно *восполнять и расширять* ее, сохраняя определенный самостоятельный характер. Но вывод, сделанный В. Ц. С. П. С., был естественным следствием последовательно развившегося процесса. (Интересующихся отсылаю к моей статье «Организац. формы культработы профсоюзов» в выходящем в ближайшее время в издании Рио В. Ц. С. П. С. сборника статей «Культработа Профсоюзов»).

С этого момента *организация культработы* для рабочих масс начинает от союзов отходить, переходя к органам Наркомпроса. (Конечно, только в принципе, так как фак-

тически Наркомпрос с этой работой не справлялся. Об этом ниже).

За союзами должна была остаться только закладка фундамента, на котором органы Наркомпроса должны были развивать просветительную работу в широких рабочих массах. Задачей союзов объявляется *организация рабочих масс для культработы*: практически эта работа выражается в учете потребности масс в тех или иных видах культработы для предъявления заданий в Наркомпросе, в фактической проверке постановки им работы на местах, пропаганде культработы и укреплении ее массовых низовых органов — Культкомиссий при Завкомках.

Низовые союзные культорганы должны были укрепляться для того, чтобы приближенные к ним *чисто подготовительной* работой союзов органы Наркомпроса могли через них осуществлять работу непосредственно в толще рабочих масс.

Скудный бюджет Наркомпроса, крайняя нехватка материалов и живых сил вели к тому, что органы Наркомпроса на местах не смогли охватить в необходимых размерах работу по просвещению организованного пролетариата.

Но бывшие в рабочих массах ключом культурные запросы требовали своего удовлетворения. И профсоюзам—массовым пролетарским организациям—нельзя было не откликнуться на волю масс. Они и откликнулись.

Фактически—в подавляющем большинстве случаев—практическую культурно-просветительную работу вели профсоюзы, особенно их низовые органы — культкомиссии при завкомках, хотя и подчиняя свою работу идейному и научно-методическому руководству местных органов Наркомпроса, к чему их понуждали их центры.

Тесный контакт в работе с органами Наркомпроса—это задача, которую союзы непрерывно и настойчиво стремились разрешать путем выделения своих представителей в органы Н. К. П., совместной разработки планов, программ и т. д.

Но в иных местах слабость государственного просветительного аппарата доходила до того, что работа союзов невольно отрывалась от влияния органов Наркомпроса и проходила, что называется, «самостийно».

Надо отметить, что меньше всего это замечалось в области профес.-технического образования. Государственные аппараты по проф.-технич. образованию были относительно наиболее мощными из всех остальных органов Наркомпроса, и здесь можно отметить, как преобладающую, совместную работу союзов и государства. Установлению делового контакта много способствовало то, что в области проф.-технического образования не было однородности в работе Профобров и союзов.

Работая в одной и той же группе населения—организованном пролетариате—они размежевали области работы.

На союзы в лице их Секпоров ¹⁾ была возложена организация учреждений, осуществляющих профес.-технич. образование рабочих, главным образом, низших ступеней (курсов краткосрочных, вечерних и дневных, школ фабрично-заводского ученичества, а также мероприятия внешкольного характера). Вся остальная работа была оставлена за Профобрами. Поскольку круг работы каждого был точно очерчен, ясно выявлена самостоятельность работы союзов в определенной области, постольку для недоразумений места почти не было, и единственно полноценной и давшей ощутительные результаты работой культорганов союзов являлась и является работа по проф.-техническому образованию, и теперь союзы охватывают своим непосредственным воздействием и работу рабочих факультетов, и работу Высших Учебных Заведений и пр. отрасли проф.-технического образования.

Наибольший отрыв союзов от госорганов просвещения наблюдался в области политико-просветительной работы. Работа союзов и политпросветов была однородна и по существу и по формам. Здесь приходилось размежевывать не области работы, а те массы населения, в которых приходилось

работу вести. Для работы союзов надо было выделить группу организованного пролетариата, для органов Наркомпроса все остальные группы населения. В начале так и было сделано ²⁾. Но с того момента, как внешкольная работа, как таковая, была упразднена и переведена на рельсы планомерного политического просвещения с преобразованием внешкольных отделов в Политпросветы, такое размежевание становилось чреватым последствием. Единственным руководителем политико-просветительной работы во всех слоях населения объявлялся Главполитпросвет с его местными органами, как «прямой орган партии в системе государственных органов» ³⁾. Такое положение накладывало «veto» на самостоятельную политико-просветительную работу союзов. Однако, за фактическим бессилием местных Политпросветов, союзам эту работу брать на себя все же приходилось. Отсюда—отрыв союзной политпросветработы от работы госорганов. Противоречие между принципиальными притязаниями политпросветов и фактическим положением вещей влекло за собою непрерывную борьбу союзов с политпросветами, что еще больше расшатывало работу.

Вынужденные под давлением неиссякаемой потребности и инициативы масс—брать на себя, в разрез с принципиальными построениями, живую культурно-просветительную работу, культорганы союзов, силы которых были не больше, вернее, во много раз меньше, сил органов Наркомпроса, работы этой охватить не могли. Работа велась, как мы уже сказали, фактически низовыми культорганами союзов—культкомиссиями. Под их руководством рабочие массы отдельных предприятий своим трудом и средствами, в большинстве случаев с помощью средств и материалов, выделявшихся неофициально хозяйственными органами предприятий, организо-

¹⁾ Секции проф.-техн. образования рабочих. Органы эти, являясь чисто союзными органами, работают при Профобрах.

²⁾ См. упомянутую выше мою статью. II. М.

³⁾ Резолюция X Съезда Р. К. П. о Главполитпросвете.

вывали клубы, школы, курсы и другие культурно-просветительные учреждения и отдельные начинания (лекции, спектакли и т. д.).

В процессе этого стихийного культурного строительства массы тянулись за помощью, советом, руководством в первую очередь все же к культотделам союзов. И последним, волей-неволей, приходилось руководить, направлять, объединять. За нехваткой сил и средств эта работа срывалась, и из тенет «кустарщины» волею объективных условий не могла выйти.

Но так или иначе работа концентрировалась в культорганах профсоюзов, нарастала насущная необходимость эти органы усилить и укрепить. На ряду с этим надо было предоставить им известную свободу действий, дабы их работа не подрывалась непрерывными «взаимоотношениями» с органами Наркомпроса: не справляясь с ней фактически, последние своим бессильным вмешательством только тормозили работу союзов.

На 4-м Съезде союзов вопрос встал во весь рост. Постановления Съезда констатировали, что культорганы союзов своей работой охватывают культработу во всем ее объеме, признали необходимым усиление и укрепление культаппаратов профсоюзов, а также оговорили необходимость предоставления союзам известной самостоятельности в области просвещения фабрично-заводского пролетариата.

«В местностях с особыми бытовыми и производственными условиями, где органы Наробраза фактически не охватывают и не могут охватить работу союзных организаций, вся культурно-просветительная работа должна быть передана культкомиссиям союзов по соглашению с Губнаробразом и Наркомпросом». Так говорит примечание 1 к п. 5 резолюции Съезда по вопросу о культработе союзов. Этот «синдикалистский» уклон еще резче звучит в резолюции 1-й Всероссийской Культконференции Профсоюзов. К этому толкали факты жизни.

В настоящее время проведение в жизнь начал новой экономической политики резко меняет положение культработы союзов.

Но прежде, чем перейти к характеристике нового момента в культработе союзов, остановимся на содержании ее в период истекший.

II.

Наиболее полноценной и давшей ощутительные результаты работой культорганов союзов было профтехническое образование рабочих.

В этой области союзы через свои органы в Профобрах-Секпоры—развивали большую и напряженную работу (мы это уже отмечали) по созданию краткосрочных школ и курсов для поднятия квалификации рабочих. Огромная тяга широких масс в эти учебные заведения очень сильно подрывалась тяжелым материальным положением рабочих, что заставляло их отдавать свои силы не целиком учебной подготовке, а побочным заработкам. Быстро покрывалась Республика широкой сетью профтехнических школ. Но опыт показал, что краткосрочные курсы дают, быть-может, и не малое по количеству, но совершенно незначительное по качеству увеличение числа квалифицированных рабочих. И мало-по-малу, особенно к концу 1921 года, в союзах стало замечаться стремление сжать количество краткосрочных профтехнических учебных заведений, создавая долгосрочные школы повышенного типа, углубив содержание и качественно улучшив их работу.

На ряду с непосредственной организацией профтехнических учебных заведений и с действием рабочим в организации таковых, по инициативе самих рабочих, союзы вели и ведут до сего времени большую работу по разработке программы, учебных планов, конспектов, лекций и пр. учебных и руководящих материалов по отдельным отраслям промышленности для профтехнических школ и курсов. Эту работу ведут консультивные бюро и комиссии при культотделах союзов, в состав которых входят ученые специалисты и представители союзов.

— В начале 1921 года союзы обратили усиленное внимание на рабочие факультеты и

высшие учебные заведения, поставив себе целью провести фактически их пролетаризацию. В распоряжение союза был выделен определенный процент мест на рабфаках (преобладающий) и в пределах этого процента союзы, разверстав места по производствам, провели комплектование рабочих факультетов осенью 1921 г. То же проведут они и в 1922 г., заполняя рабочие факультеты своими членами, профсоюзы приняли самое действенное участие в материальном обеспечении как самих рабфаков, так и студентов, чтобы поставить рабфаковцев в условия, при которых они могли бы отдаваться научной работе.

Чтобы обеспечить влияние организованного пролетариата на научно-методическую работу рабфаков и административно-хозяйственную сторону их жизни, профсоюзы ввели своих представителей в советы и президиумы Рабфаков. То же самое практикуется союзами и по отношению к высшим учебным заведениям. Нет вообще ни одного вида профтехнического образования, на который союзы не оказывали бы своего непосредственного воздействия. Конец 1921 года прошел под знаком организации фабрично-заводского ученичества и подготовки рабочих подростков. Уже с середины года производился учет подростков, намечались пункты для организации школ, разрабатывались программы и т. д. Но развертываться работа стала в конце года. В текущем году эти виды профтехнического образования уже частично воплощали, частично воплощаются в жизнь—по Республике раскидывается широкая сеть соответствующих школ¹⁾.

Изю всех видов культурно-просветительной работы профсоюзов наибольший количественный размах получили работы клубные и тесно связанные с ними библиотечные. Клуб и библиотека могучие орудия политического просвещения, если их работа носит организованный планомерно-систематический харак-

тер, но в условиях стихийной кустарщины, с которой бессильны были—за отсутствием достаточных сил и средств—бороться и политпросветы и союзы, эти виды работы выродились в невысокого качества внешкольную.

Не было до 1922 года ни одной фабрики, ни одного завода, ни одного более или менее крупного предприятия или учреждения, при котором не был бы организован рабочий клуб. На ряду с этими местного значения клубами—в гораздо меньшей, правда, мере—открывали клубы районные и центральные. Последние создавались по преимуществу политпросветами, тогда как клубы при предприятиях—самой рабочей массой предприятий.

Районные клубы оказались мало жизненными; они слабо посещались рабочей массой, которая гораздо охотнее тянулась к своим местным клубам на предприятиях.

Во всех клубах преобладала театральная работа. Вот характерные цифры: по неполным данным статотдела В. Ц. С. П. С., составленным по кратким отчетам местных союзных организаций, за первую четверть 1921 года в 1501 отделении производственных союзов было проведено—4953 спектакля, 1501 концерт, 3022 митинга, 278 лекций; в последней четверти того же года в 356 отделениях—1317 спектаклей, 71 концерт, 676 митингов, 569 лекций. При этом в первой четверти года посетило: спектакли—540.209 человек, концерты—172.615, митинги — 410.523, лекции — 136.891; в последней четверти—спектакли — 103.560, концерты—43.752, митинги—54.646, лекции—17.362¹⁾.

По всей линии ярко выражен перевес театральщины над более или менее серьезной воспитательной работой (лекции).

Выраставшие при клубах кружки и студии были по преимуществу тоже театральными. Встречались и музыкальные, и хореографические, и хоровые и т. д., но все это плоды стихийной кустарщины. Об углублен-

¹⁾ К сожалению, мы не можем привести в качестве иллюстрации к нашему материалу статистических данных. Имеющиеся данные не полны, и потому мы их опускаем. М. П.

¹⁾ Цифры средние, приблизительные. М. П.

ной воспитательной работе говорить не приходится ¹⁾).

Довольно сносная посещаемость митингов объясняется тем, что на них обыкновенно затрагивались такие животрепещущие вопросы «текущего момента», что на них не мог не откликнуться даже самый закоснелый обыватель. Но ведь митинг—это все же «агитка», поверхностное возбуждение масс, а не глубокая организующая воспитательная работа, цели которой преследуются и клубом.

В результате клубы не выполняли своего назначения, и большинство рабочих оставалось политически (в широком смысле этого понятия) безграмотным.

Однако, как говорят материалы мест, в каждом клубе создавалась определенная группа рабочих, которая аккуратно посещала все лекции и доклады, проявляя особенный интерес к вопросам производства, общественно-политическим и отвлеченно-научным. Стремление к более солидному знанию проявляла, главным образом, молодежь.

Несмотря на небольшие, казалось бы, требования рабочих масс, ни политпросветы, ни союзы удовлетворить их не могли. Этому способствовала нехватка сил и средств, с одной стороны, неумелый подход к массам—с другой.

За недостатком достаточного кадра лекторов лекции в клубах устраивались от случая к случаю. Бывали промежутки между ними в 2—3—4 недели. Нехватало руководителей кружков, и пробивавшиеся ростки серьезного стремления к знанию поневоле глгохли. Но и тогда, когда бывали силы, дело портилось неумением подойти к массе. Программа работ клубов намечалась в центрах—Кульотделах, Политпросветах, строили их, не применяясь ни к особенностям данного производства, ни к запросам данной аудитории. Давали то, что считали нужным дать, но не то, чего хотела аудитория, вме-

сто того, чтобы необходимое с точки зрения принципиальной, развить незаметно для массы в процессе удовлетворения ее собственных запросов. Редко слышалось простое живое слово лектора: больше читались сухо-научные лекции.

Все это отрывало клубную работу от масс, и массы—за отсутствием в клубе живой работы, которая влекла бы их невольно, относились к последним крайне индифферентно. Посещаемость клубов поддерживалась только чаем, да закусками. Это неудивительно, в плохой посещаемости клубов отражалось также и тяжелое материальное положение рабочих. По данным статотдела В. Ц. С. П. С.—неполным, в первой четверти 1921 г. из 2.331—332 членов союзов (по 1498 отделений) клубы посетило 105.609 человек, в последней четверти—из 610.299 членов союзов (по 442 отделениям)—15.956 чел.

Конец 1921 года ознаменован усилением ряда научно-технических клубов, которые должны связать клубную работу с производством и сблизить ее тем самым с массами. Небольшой еще опыт все же определенно говорит, что этот метод клубной работы, честь применения которого принадлежит всецело профсоюзам, имеет прочный успех в широких рабочих массах.

С клубной работой тесно связана работа библиотечная. Неудовлетворенная сетью библиотек политпросвета, союзная масса создавала свои библиотеки, главным образом, при клубах крупных предприятий.

Библиотеки эти были бедны книгами и работниками, а потому роли руководителей масс в области саморазвития играть не могли, тем более при той узости целей, которые ставили себе обыкновенно имевшиеся в наличии работники.

Посещаемость библиотеки слаба. Причины: нехватка книг и неумение библиотечных работников вовлечь массы в библиотеку.

В 1921 году началось усиленное комплектование и применение библиотек-передвижек. По общему мнению всех союзных материалов—это единственно жизненный вид библиотечной работы.

¹⁾ Углубленная работа велась по преимуществу только в тех клубах, кружках и студиях, где работу ставили организации Пролеткульта. М. П.

Отрывочность данных и плохо поставленная библиотечная статистика не дают возможности установить ответов, на какие вопросы ищет рабочий в книгах. Читаются книги и по вопросам естествознания, и по истории, гигиене, технологии, профдвижению, партработе, но в общем—библиотеки служат складочным местом, откуда можно черпать, главным образом, беллетристику «для приятного времяпрепровождения».

Слабая работа заводских библиотек объясняется в некоторой части и тем, что большинство рабочих остается все еще неграмотным. Слабое материально-финансовое снабжение органами Наркомпроса просветительной работы по всей линии особенно чувствительно бьет по этой работе. В силу этого союзы вынуждены бывали в громадном большинстве случаев брать работу по ликвидации неграмотности на себя, организуя при предприятиях «ликвидационные пункты». Эти пункты поддерживались часто денежными отчислениями самих членов союзов, часто хозяйственными органами и обслуживались всецело силами самих грамотных членов союзов.

Кустарный характер работы имел своим последствием сильный рецидив безграмотности. Попытки бороться с этим явлением путем создания новых школ для взрослых, клубов, библиотек не увенчались успехом, ибо средств на развертывание работы не было и ликвидация неграмотности подвигается очень медленно, но все же подвигается, ибо союзами она признана ударной работой.

III.

Слабость культурно-просветительной работы профсоюзов объяснялась, главным образом, отсутствием необходимых для работ материальных средств на содержание культурно-просветительных учреждений и культурно-педагогических сил.

Все материальные ресурсы были сосредоточены в Наркомпросе и его органах. Но Наркомпрос избытком средств никогда не блистал, ибо его всегда держали на голодном пайке, и воля рабочих масс к просве-

щению разбивалась об эту хроническую нехватку средств.

Новая экономическая политика вызвала перевод снабжения и финансирования культурно-просветительной работы со средств государственных органов просвещения на местные средства. Это было декретировано в отношении культурно-просветительных учреждений, обслуживающих рабочих и их детей, пунктом вторым постановления Совнаркома от 16 сентября 1921 года в документе «о мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений».

В развитие этого постановления В. Ц. С. П. С. заключил соглашение с В. С. Н. Х., по которому В. С. Н. Х. принял на себя и свои местные органы расходы по содержанию культурно-просветительных учреждений при фабрично-заводских предприятиях в размере 10% всей заработной платы, проводимой этими предприятиями¹⁾. Правда, при всей своей солидности и этот источник не может полностью удовлетворить потребности организованного пролетариата в культурно-просветительной работе.

Но на этом одном союзы и не остановились.

В настоящее время оформляется соглашение В. Ц. С. П. С. с Центросоюзом и Церабкопом, которые принимают на себя снабжение и финансирование культурной работы союзов отчислением определенного процента с оборота всех кооперативных организаций.

Наконец, и Наркомпрос принял на себя обязательство снабжать и финансировать из отпускаемых ему ресурсов *в первую очередь культурную работу среди членов профсоюзов*¹⁾.

На ряду с этим и сами союзы обращают на культурную работу процентные отчисления от членских взносов, доходы от платных культурно-просветительных мероприятий (спектаклей и т. п.), штрафные суммы и т. д.

Словом, под культурную работу сейчас подводится недостававший ей достаточно солидный и прочный фундамент.

¹⁾ См. „Труд“ №№ 46—1921 года и 9—с. г.

Новая экономическая политика, которая, как мы видим—начинает укреплять культу-работу союзов—ослабила органы Наркомпроса, работа которых остается—в большей своей части—на государственном снабжении.

В связи с этим на плечи союзов ложится почти целиком ответственность за просвещение организованного пролетариата. И вполне естественно поэтому, что в настоящий момент культорганы союзов почти целиком заняты работой по подведению под свою культурно-просветительную деятельность прочного материального базиса, дабы не строить новое здание на песке.

Еще до опубликования названного выше постановления Совнаркома вопрос о материальном обеспечении культработы из средств хозорганов, кооперации и самих союзов дополнительно к тем скромным ресурсам, которые сможет отпустить Наркомпрос, ставился на Всероссийских Съездах Союзов.

Все, что намечалось съездами и конференциями союзов в этой области работы, теперь уже вступило в фазу конкретного разрешения.

Надо отметить, что новая экономическая политика поставила перед союзами в числе других вопросов и крайне острый, и злободневный вопрос о культработе на предприятиях частной и арендованной промышленности. До сего времени вопрос этот полного своего разрешения в живых формах и методах работы не получил, что же касается материального обеспечения этой работы, то в этой области Съезды наметили вполне определенную линию.

Предприятия частной и арендованной промышленности должны взять на себя (полностью или в определенной части—это еще не установлено) всю хозяйственную сторону содержания культучреждений на каждом данном предприятии, что должно быть предусмотрено в коллективных и арендных договорах.

В связи с новой экономической политикой перед союзами необычайно остро стал вопрос о ликвидации безграмотности среди рабочих. Целый ряд объективных условий,

порожденных НЭПом, сделал для рабочего невыгодной затрату времени на обучение в ликвидационных пунктах. Отлив неграмотных шел ускоренным темпом. Но союзы своевременно приняли меры, установив обязательное и в условиях НЭПа освобождение неграмотных на 2 часа до окончания работ для занятий в ликпунктах с оплатой этих часов по среднему заработку.

Отчасти благодаря НЭП союзы охватили теперь своей работой и области социального воспитания детей рабочих.

Правда, уже на 4-м Съезде Союзов (в мае 1921 года) вопрос о социальном воспитании детей рабочих был поставлен и на I-ой Всероссийской Культконференции Союзов—детализирован. Но разрешался он в то время лишь в плоскости участия представителей в школьных сферах. С опубликованием постановления Совнаркома от 16 сентября п. г. (см. выше), союзы переходят к непосредственной работе по созданию на предприятиях школ I и II ступени и детских учреждений (союзов, яслей и т. д.). Волна «прикрепления» этих учреждений к предприятиям подымается все выше. Одновременно с этим союзы прикрепляют детские школы и учреждения не только к хозорганам, но и к кооперативам, и к самим себе.

«Шефство просвещения» охватило не только учреждения социального воспитания детей,—прикрепление к хозорганам и предприятиям идет и по линии профтехнического образования и политико-просветительной работы: прикрепляются технические школы, курсы; школы фабрично-заводского ученичества; клубы, библиотеки и пр.

Как отразится это прикрепление на работе культ-учреждений,—пока сказать невозможно, ибо опыт еще так незначителен, что не поддается суммированию. А priori можно полагать, что результаты будут вполне отвечать тем надеждам, которые возлагались на прикрепление.

Пока, как положительное следствие, можно подчеркнуть сокращение сети всех культ-учреждений за счет качественного повышения их работоспособности.

Детище НЭПа—хозяйственный расчет заставил союзы проявить себя и в области культурно-просветительной работы. Перед тем, как приступить к прикреплению культучреждений к тому или иному хозоргану, союзы совместно с хозорганами Наркомпроса проводят обследование всех культучреждений данного района (губернии, города).

Учреждения, обнаружившие свою нежизненность, ликвидируются или совершенно или сливаются с работоспособными; остаются «в живых» наилучше оборудованные и обеспеченные.

Борьба со стихийным ростом количества за счет качества, что так въелось в практику союзов, ведется организованно и планомерно. В обследование культучреждений вовлекаются широкие рабочие массы и органы Р. К. П. Перед обследованием часто проводится агитационная кампания, целью которой—разъяснить массам необходимость в интересах полноценной работы сжать сеть, обеспечив этим правильное ее функционирование.

Новое в экономике неизбежно ставило культурную работу союзов в новые условия. Частично возродившиеся в обстановке НЭПа капиталистические отношения снова поставили перед профсоюзами во весь рост их основную задачу — организацию рабочих масс для защиты ими своих классовых интересов. Основная задача ясно определяет собою и все вторичные задачи профсоюзов. И повышение культурного уровня рабочих масс—культурно-просветительная работа—не может и не должна являться уже чем-то самодовлеющим, преследующим узко-просветительные цели, а становится органической частью общей работы союзов по организации рабочих масс, как класса.

Постановление Ц. К. Р. К. П. о профсоюзах рассматривает культ-работу именно, как один из основных моментов *такой* организации рабочих масс.

Воспитание в каждом рабочем сознательного члена профсоюза для активного участия его в защите профсоюзами классовых интересов организованного пролетариата —

этой задаче должна теперь безусловно подчиниться вся культработа союзов.

Сообразно этому должны измениться, не могут не измениться, формы и методы союзной культработы.

В настоящий момент перестроение фронта культработы союзов в этом направлении и идет. В конкретные формы это перестроение еще не вылилось, хотя отдельные попытки разрешения вопроса уже имеются. Из этих попыток наиболее удачной является попытка Южного Бюро В. Ц. С. П. С. на Украине.

Приняв организацию рабочих масс, как класса, в процессе культработы за стержень культработы союзов,—Южбюро и объявляет основной задачей Культотделов союзов пропаганду профдвижения, т.-е. воспитательно-организационную союзную работу путем использования методов и форм культурно-просветительной работы. С этой целью при Культотделах должны быть созданы специальные органы—проагитпропы, которые на себя эту задачу целиком и берут.

И, ставя во главу угла пропаганду профдвижения в самом широком смысле этого понятия, союзы не могут отказаться, ясно, от организации ими самими культработы, от создания культучреждений для рабочих и материального их обеспечения.

Но эту непосредственную живую работу по созданию культучреждений Южбюро В. Ц. С. П. С. переносит из верхушек культработы союзов, Культотделов — в низы, в толщу широких рабочих масс.

Культучреждения должны расти в соответствии с запросами рабочих масс; только те из них могут существовать, которые имеют под собою базу определенной пролетарской общественности. Творческие порывы рабочих масс смогут теперь найти свое воплощение в жизнь, поскольку под них подведен достаточный материальный базис и поскольку работа будет объединена Культкомиссиями при Завкомах. Руководящие же органы культработы профсоюзов, помогая и изысканием средств на ее ведение, и руководством, центр тяжести своей работы пере-

носят на вовлечение рабочих масс в культурное строительство, с одной стороны, и на организацию их классового самосознания на почве и в процессе этой работы — с другой.

Такова — в беглых штрихах — точка зрения Южбюро В. Ц. С. П. С. на культработу союзов в новых условиях. Курс, взятый Украиной, взят правильно. Отдельные организационные шереховатости в процессе живой работы сотрутся.

Перед культработой союзов, как мы видим, стоят задачи, совершенно не однородные с задачами государственных органов просвещения. Если последним удастся овладеть работой по просвещению широких масс, союзы используют созданные органами Нар-

компроса культучреждения и всю развиваемую последними работу для разрешения своей основной задачи. Если органы Наркомпроса с этой работой попрежнему (а к тому идет) не справятся, сами рабочие массы при новых условиях культработы справятся с нею. Культотделы же союзов, объединяя эту их работу, используют ее в сторону классового объединения рабочих масс, в нее вовлеченных.

При таком положении вещей есть все основания полагать, что период принципиальных «разговоров» и «взаимоотношений» для культработы союзов кончился, и она вступает в фазу живого творческого своего развития.

М. Полин.

Рабочие клубы при новой экономической политике.

Для правильной оценки перспектив клубного строительства при новой экономической политике необходимо внимательно обследовать положение клубов к этому моменту, а также беспристрастно разобраться в тех причинах, которые привели наше клубное дело в то печальное состояние, в котором мы его застаем.

Личные наблюдения в Москве и других городах, анкетные сведения, а также доклады заведующих клубными отделами политпросветов на различных съездах и совещаниях дают нам полную возможность утверждать, что за четыре года нашего культурного строительства как раз клубное дело дало наименьшие результаты. А между тем количество клубов возросло с каждым днем и, в конце-концов, приняло такие колоссальные размеры, что испугало все культучреждения и еще задолго до НЭПа заставило их бить тревогу. Надо откровенно признать, что в этом стихийном росте клубов определенно выявилось стремление к развлечению, а не к просветительной или творческой работе, в виду чего большинство клубов по всей Р. С. Ф. С. Р. приняло

однотипный характер — помещений, в которых устраивались спектакли, танцы, изредка лекции, собрания. При клубах этих находились драматические кружки из средних служащих, ставившие Островского, Гоголя или, что еще хуже, всякую макулатуру из якобы рабочего быта. Все это насаживалось сверху, никакой самодеятельности рабочих, никакого участия их в творческой или организационной работе не было. Где причины этого глубокого извращения всего существа клубной работы? Прежде всего их надо искать в тяжелом материальном положении рабочих, которое не оставляло им ни досуга, ни духовных сил для культурной работы, затем в отвлечении внимания работников на другие фронты, в общей разрухе и т. д. Все эти причины ударили здесь с особенной силой, так как внешкольная работа (весьма неосторожно) ставилась всегда на последний план.

Прежде всего надо отметить, что в то время, как клубы довольно щедро снабжались из центра инструкторами и лекторами, концертами и спектаклями, хозяйственно-материальная база у них почти со-

вершенно отсутствовала. Не было клубов, в которых можно бы было осуществить элементарные требования, необходимые для такого рода работы: уютное, удобное и привлекательное по внешности помещение. Холод, грязь и дымящие печки преследовали рабочего в клубе так же, как у себя дома. Если же бывало где-нибудь теплое клубное помещение, то это—театр в рабочих казармах, состоящий из одной комнаты и не имевший элементарных возможностей для развития клубной работы. Естественно, что рабочий массовик в клуб не втягивался,—там работали иногда лишь кружки молодежи, привлекаемые интересом к искусству, а особенно, к театральному. К сожалению, почти нигде в клубах, кроме пролеткультовских, эта тяга к искусству не была использована для создания устойчивых творческих коллективов с достаточно развитым классовым сознанием, которые, несомненно, сейчас, в разгул НЭПа, имели бы большое значение для надлежащего направления культработы. Это произошло потому, что руководящие органы (в последнее время Политпросветы), удовлетворяя колоссальные запросы на всякого рода инструкторов-специалистов, не имели возможности ни контролировать, ни инструктировать своих спецов, и те вели хаотичную во всех смыслах, а, в лучшем случае, культуртрегерскую работу. У руководящих органов не было разработано и методов работы, не было твердой идеологической базы, а самоуверенная пренебрежительность к методам пролеткультовской работы, как «не массовой, искусственно вырращивающей какую-то пролетарскую культуру», мешало им заимствовать из этих методов все годное для использования в широких массах. В конце-концов, эта шаблонная работа привела к тому, что в кружках при рабочих клубах часто не оказывалось ни одного рабочего, так как подавляемые превосходящими по уровню развития интеллигентами из служащих и, не находя ничего интересного в самой работе, как она велась в этих кружках, рабочие уходили из кружков. Обследование клубной работы в первой поло-

вине 1921 г. в Москве, произведенные Московским Пролеткультом, показало, что даже в таком передовом союзе, как союз металлистов, кружки при рабочих клубах насчитывали очень небольшой процент рабочих. Не было сделано ничего и для общественно-политической подготовки членов этих кружков, по крайней мере, нигде, кроме пролеткультовских студий и других, работавших по их методу, не было введено в программу никаких общественно-политических или хотя бы обще-образовательных предметов; почти ничего не сделано для создания необходимого репертуара. Естественно, что никакого положительного результата для культурного движения пролетариата эти кружки иметь не могли, а в условиях НЭПа получили чисто отрицательное значение.

Если при всем том клубы еще могли иметь прежде некоторое культурное значение, то, благодаря тому, что государством затрачивались большие средства на массовую работу: лекции, концерты, спектакли, которые в очень малой степени, далеко не пропорционально затрачиваемым на них средствам, но все-таки давали некоторые просветительные результаты. Таким образом, в новые условия жизни рабочие клубы в своей массе вступили без прочных традиций, без методов углубленной работы и при крайне шаблонных, очень дорогих и не достигающих достаточных результатов методах массовой работы. При таком наследстве вполне естественно, что клубы, захлестнутые волной мелко-буржуазных культурных навыков, с одной стороны, и задавленные материальной необеспеченностью—с другой, покатились по наклонной плоскости танцулек и халтуры, разгул которых так характерен для истекшей зимы 1921—22 г.г.

Обращаясь теперь к разбору условий, в которые попала сейчас клубная работа, необходимо иметь в виду, однако, не этот преходящий момент, а общую тенденцию развития на ближайшие годы. Прежде всего необходимо указать, что материальное положение рабочих значительно улучшилось, правда, не настолько, чтобы дать

им в ближайшее время вполне достаточное количество досуга для культурной работы или побудить их взять на себя оплату этой работы. Но во всяком случае при нынешней обеспеченности государственных рабочих их восприимчивость и заинтересованность в культработе, несомненно, идет в сторону увеличения. Это ставит перед нами со всей остротой вопрос о необходимости существования рабочих клубов, ибо где иначе может рабочий в современных условиях, когда буржуазная культура имеет все возможности своего развития, найти силы для культурной борьбы с ней, для развития классового сознания и тех элементов пролетарской культуры, без которых вообще не мыслимо достижение общих задач пролетариата? Не в академических же театрах с их мишурной рухлядью, не в кино и разных театрах, которые выросли как грибы для развлечения обывателей. Если мы к тому же вспомним, что рабочая молодежь выросла уже в эпоху классовой борьбы и ее революционное сознание может быть выработано только глубокой марксистской подготовкой, что на Рабфаки попадают очень немногие из рабочей молодежи, то ясно, что вопрос о существовании рабочих клубов, есть вопрос дальнейшего развития пролетарской культуры, подготовки рабочих к достижению их конечной цели. Совершенно ясно, что и с материальной, и с организационной, и с методологической стороны эти клубы должны быть поставлены совершенно иначе, чем прежде.

Остановимся прежде всего на материальном положении клубов. Госорганы (в том числе и Пролеткульт) сейчас настолько ограничены в средствах «жестким» бюджетом, что едва могут содержать крайне узкий руководящий аппарат и незначительный инструкторский состав для обслуживания небольшого числа показательных клубов. Содержание культ-учреждений, в том числе и клубов возложено на хозяйственные органы; это прикрепление культ-учреждений формально уже проведено к настоящему моменту почти по всем профессиональным

союзам, но фактически отчисления хозорганами сделаны очень незначительные, деньги почти нигде не получены, а полученные в первую очередь употребляются на детские учреждения и профессиональное образование. Таким образом, клубы за небольшими исключениями почти не получили никаких средств. Всякая финансовая заминка, каждый перебой в нашей неналаженной экономике прежде всего ударяет по культработе. Но тем не менее линия намечена правильно и прикрепление клубов к заводским предприятиям есть единственная возможность для их работы. При этом прикреплении необходимо сломить, однако, целый ряд коренных предрассудков. Прежде всего надо помнить, что клуб должен быть материально обеспечен настолько, чтобы он мог по своему уюту и удобству конкурировать со всякими театриками и кафе, где на этот счет все предусмотрено. Вести работу в необорудованном клубе, — значит — безрезультатно растрачивать деньги и силы. Никаких надежд на доходы со спектаклей и танцевальных вечеров возлагать не следует, так как стремление к этим доходам ведет клуб по наклонной плоскости, отталкивает серьезных рабочих и сводит на нет всю идеологическую работу. Это блестяще доказано опытом прошлых лет, когда многие клубы по недостатку средств или по неумелости культкомиссий практиковали этот способ добывания доходов: все эти клубы никакой культурной работы не произвели и пользуются весьма дурной репутацией у рабочих. В общем заводские клубы материально всегда содержались больше за счет предприятия, но сейчас, когда сами предприятия перешли на хозяйственный расчет и им приходится платить за все хозяйственные принадлежности, заводууправления уже далеко не так щедры на натуральное снабжение клубов и все материальное снабжение необходимо должно идти по смете клуба без всякой надежды на то, что удастся урвать что-нибудь у завода помимо сметы. При этом надо помнить, что смета клуба по своей величине не может сейчас идти

в сравнении с теми затратами, которые производились на них заводами раньше, так как для правильного функционирования клуба, при прикреплении его необходимо иметь в виду не только материальное снабжение клубов, но и обслуживание его хозяйственным штатом и минимальным количеством инструкторов (иметь, напр., обязательно прикрепленным одного лектора-марксиста). Деньги же, собираемые со всяких зрелищ, которые теперь могут быть урегулированы хотя бы со стороны содержания, пойдут таким образом на дополнительную работу (увеличение числа студий и т. д.), но никак не на основную.

Ясно, конечно, что штат должен быть действительно минимальный и необходимо отрешиться от прежних привычек иметь на жалованьи целую армию театральных рабочих и ненужных распорядителей. Два лица административного персонала (один культурник, другой хозяйственник), одна прислуга, один-два инструктора-специалиста и один лектор (инструктора и лектор могут быть взяты совместно 2—3 клубами),— вот максимальный штат для клубов больших предприятий, оплачиваемый фабриками. В небольших клубах этот штат может быть еще сокращен (но ни в коем случае не за счет лектора).

Ясно также, что поскольку хозяйственная ненадежность не даст возможности в ближайшие годы отчислять полностью на культурно-просветительную работу необходимые суммы, число клубов должно быть основательно сокращено. Союзы должны произвести это сокращение без всякой сантиментальности и пристрастия к количеству, за счет качества, твердо помня, что клуб надо или содержать полностью или совсем его закрыть. Всякая ориентация на НЭП, на собственные доходы клуба должна быть исключена для ближайших лет совершенно. Поэтому всякий отпуск средств какому-либо клубу наполовину не спасет этого клуба и подорвет остальные. В этом отношении вполне правильную позицию заняли московские печатники, сократив клубы до минимума

и удовлетворив их сметы почти полностью¹⁾.

Перейдем теперь к вопросу о руководстве клубной работой. Некоторые Культкомиссии, особенно где нет коммунистического большинства, поняли дело таким образом, что, переводя работу на содержание фабрики, они освобождаются от всяких норм, методов и принципов работы, которую они обязаны были проводить, когда получали средства через государственные органы. В этом отношении характерны слова старых пролеткультовских работников на местах (особенно в губернии), когда им заявлялось, что в силу «жестокости» бюджета Пролеткульт не в силах оплачивать у них инструкторскую работу: «взять-то на себя оплату фабрики может быть и возьмут, но какую работу они нас заставят вести,— от Пролеткульта да и вообще от просветительной работы ничего не останется». Действительность на первых порах с лихвой оправдала это предположение. Все работники на местах как будто бы забыли, что добывание средств вовсе не есть самоцель и что новой политикой вовсе не снимается с них забота о коммунистическом воспитании масс. Но к счастью, уже начинается отрезвление, и пробуждается сознание, что разрозненными силами отдельных культкомиссий дальше халтуры не пойдешь, ибо иметь контроль над спецями, давать им надлежащие указания, выковать новые методы культработы, соответственно новым условиям, не под силу культкомиссиям. По крайней мере в Московский Пролеткульт все чаще поступают заявления, как от бывших в его ведении Пролеткультов, так и от других крупных фабрик и заводов с предложением взять под свое

¹⁾ Наиболее резко сокращение должно быть проведено в крупных городских центрах, где вполне возможно объединение в одном клубе очень многих фабрик и заводов. В уездах же, где фабрики на значительном расстоянии друг от друга и где клубная работа — единственный вид культработы, необходимо клубную сеть расширить за счет города.

руководство, культработу с тем, что вся оплата пойдет за счет предприятий. На те же культкомиссии, которые еще не отрезвились от НЭПовского угара, у профсоюзов есть средства воздействия, ибо установление сети учреждений и распределение средств на культработу находятся в руках их культотделов. Поскольку организационное руководство клубной работой силою новых условий очутилось у культотделов профсоюзов, постольку они должны использовать это положение, чтобы путем инструкций, конференций и т. д. закрепить в сознании культработников на местах, что новая экономическая политика обязывает только до известной степени пересмотреть формы, методы работы, организационные взаимоотношения, но никак не самое содержание работы, которая имеет конечной целью развитие пролетарской культуры. Конечно, одними инструкциями и конференциями сделать много нельзя. Необходимо практическое руководство, выработка методов работы, подготовка инструкторов и работников на местах, создание культурного базиса этой работы, например, книги, фильмы, диапозитивы, организация материальных условий, склады всяких пособий и т. д. Ясно, что все это культотделы союзов, почти не имеющие аппаратов, сделать самостоятельно не в силах (особенно еще при тенденции к сокращению союзных аппаратов, которая наметилась на съезде металлистов) и ясно, что здесь единственный выход из положения—это тесный союз профсоюзов с пролеткультом, где имеются соответствующие аппараты культурной работы и четырехлетний опыт этой работы среди пролетариата. Но надо сказать, что здесь дело идет не только о представительстве или информации, а, главным образом, о совместной *практической* работе, о полном объединении культурных сил той и другой организации, о полном руководстве со стороны Пролеткульта всем делом строительства рабочих клубов.

Переходя к вопросу о методах работы в новых условиях, мы остановимся прежде всего на пресловутой массовой работе, в

отсутствии которой обычно упрекают Пролеткульт. Здесь уже указывалось, что всеми культучреждениями затрачивалось на эту работу много сил и средств. Лекции, диспуты, концерты, спектакли бесплатно предоставлялись рабочим, да и всему населению. Сейчас не только невозможно ставить бесплатно художественную работу, но и лекционная работа, наименее требующая расходов, должна быть сокращена до минимума, так как бюджеты всех культучреждений почти не оставляют для нее средств. Что касается художественных постановок профессионалов, то стоимость их не может быть покрыта в клубах средней величины даже при самой высокой оплате билетов.

Но нужно ли сокрушаться о том, что прошлое изобилие этой работы, в том виде, как она давалась, сейчас невозможно?

В самом деле, лекционная работа, которая ставилась в рабочих клубах, либо митинговая, либо академическая, не систематическая, скоро привела к совершенно пустым аудиториям; да и при более правильной постановке вряд ли дала бы большие результаты, так как культурный уровень середняка-рабочего слишком низок, общая восприимчивость вследствие усталости настолько понижена, что из очень редкой лекции рабочий выносил что-нибудь равноценное своей затрате времени и сил. К тому же наличие полной возможности провести время иначе (спектакли, кино, танцы) без напряжения умственных сил имело также большое значение для развития безучастного отношения рабочих к тому, что даст лекция. Что последняя причина играет немаловажную роль, видно из того, что в уездах, где самые лекции гораздо реже и где нет никаких развлечений, лекции посещаются рабочими гораздо охотнее, и удачный лектор собирает аудиторию в несколько сот человек, тогда как в городе она не превышает 60—100. Поскольку сейчас, с разгулом мелко-буржуазной стихии количество всевозможных легких развлечений все увеличивается, ясно, что рассматривать лекции, как метод массовой работы и рас-

считывать на них, как на средство для воспитания классового сознания, в настоящее время не приходится.

Концерты вообще не пользовались популярностью у рабочих, чему с трудом поверят люди не близко стоящие к этому делу, в особенности, если принять во внимание то колоссальное количество концертов, которое прошло за эти годы. Обыкновенные сборные концерты с легкой незатейливой программой давали развлечение, но, не производя сильного впечатления, не привлекали внимания и интереса рабочих, так как спектакли. Серьезные цикловые концерты (составленные из наиболее доступных по легкости номеров), хотя и создали себе в некоторых клубах, где они систематически проводились, прочные и серьезные аудитории, но в общем все-таки небольшие, а широкие массы относились к ним даже враждебно; по крайней мере к инструкторам клубным часто поступали заявления от культкомиссий, что рабочие просят поставить вместо концерта спектакль. Это видно и из того, что сейчас, когда, несмотря на дороговизну, спектакли все еще ставят во всех клубах,—концерты совершенно исчезли. Не говоря уже о том, что обычные концерты не могли помочь в общепросветительной работе, они по легкости и шаблонности своей программы не имели для широких масс и того общеобразовательного и воспитательного значения, какое обычно имеет музыка. Сейчас материальные условия совершенно не дают возможности вести в клубах серьезную концертную работу для тех небольших групп, которые успели ею заинтересоваться прежде, и как на средство массовой работы сейчас на концерты рассчитывать не приходится.

Говоря о концертах, приходится вспомнить об обычно сопровождавших их танцах. В статье о методах работы, конечно, можно было бы не упоминать об этом вопросе, если бы с легкой руки т. Томского, бросившего на одном из заседаний крылатую фразу «дайте рабочему потанцевать», некоторые союзные культработники не увидели в этих

танцах чуть ли ни панацею от всех недостатков клубной работы. Четырехлетний опыт, однако, определенно показывает, что не было примеров, чтобы публика, пришедшая в клуб для того, чтобы потанцевать, увлеклась клубной работой и пришла бы на лекцию или в кружок. Таким образом, как на средство привлечения аудитории в клуб—на танцы рассчитывать не приходится, а о просветительном или о каком-либо другом значении танцев в том виде, как мы их наблюдаем в рабочих клубах, вряд ли придет в голову говорить самым рьяным их защитникам. Вопрос о танцах, таким образом, сводится к вопросу о путях к их ликвидации и замене какими-либо более удовлетворительными со всех точек зрения физическими упражнениями.

Перейдем теперь к оценке того вида работы, которая, можно сказать, олицетворяет собою всю культработу этих лет. Если бы нам понадобилось символически представить самое существо этой работы, как она шла и сверху и снизу, ее следовало бы изобразить в виде спектакля драматического кружка, ставящего пьесу Островского. При разборе этого рода работы, мы не будем различать спектакли профактеров от постановок драмкружков, так как по существу различия между ними не было. Пролеткультовские районные студии, а также некоторые союзные и заводские студии и кружки (например, в союзе коммунальников в Москве), носившие более серьезный и идейный характер, представляли собою каплю в море дикой театральщины и при массовом обзоре в счет идти не могут. Самый больной вопрос нашего современного театра—репертуар почти не сдвинулся за эти годы с мертвой точки. Бесконечное, необозримое царство Островского и Гоголя (фарсы, легкие комедии) глухих провинций и только попытки создания революционного репертуара, — с другой, ясно, что Островский, при всей своей значимости в русской литературе, не мог играть никакой роли в деле общественно-политического воспитания клубной аудитории и тем более

в деле пропаганды нового пролетарского быта, что составляет основу клубной работы. Что касается пьес революционного репертуара, то они строились, главным образом, на революционном пафосе (иногда чисто словесном) и по содержанию своему были часто глубоко индивидуалистичны. Создавая иногда революционное настроение, они не могли все-таки способствовать развитию коллективного сознания. К революционным же пьесам причислялись пользовавшиеся большим распространением и тоже глубоко индивидуалистические пьесы, напр., Андреева «Савва» и «На дне» Горького. Но надо сказать, что даже и этот незначительный революционный репертуар потерял большую часть своего влияния благодаря скверному любительскому исполнению. С художественной стороны большинство районных спектаклей было ниже среднего уровня и, собственно говоря, никакого отношения к искусству не имели. Профессионалы в постановках халтурили до невероятности, кружки же под руководством таких же профессионалов, большей частью школы Малого театра, слепив в одну-две недели пьесу, не понимая ее содержания, не зная ролей, не имея техники, представляли на сцене весьма жалкое зрелище. Особенно страдали революционные пьесы, так как героические фигуры совершенно не удавались кружковцам. «Савва», например, ставился в таком виде, что сам Савва и другие героические фигуры вызвали скуку и отвращение, мысль пьесы не улавливалась, и в памяти оставались лишь фигуры монахов. В «Короле» Юшкевича, благодаря такой же игре, наибольшие симпатии публики вызывал фабрикант и никакого впечатления не производили рабочие-революционеры.

Следовательно, даже эта работа, которой свойственно производить самое сильное впечатление, и которая при правильной постановке могла иметь огромное воспитательное значение, не дала значительных результатов, а часто даже усиливала узко-обывательские настроения своей проповедью домашнего

уюта и изображением маленького мира личных столкновений.

Таким образом, ни один из видов массовой культурной работы в тесном смысле этого слова не давал собственно ничего существенного для общественного воспитания рабочих масс, и если сознание рабочих развивалось и шло вперед, то этим мы обязаны всему ходу нашей революционной действительности, ставившей небывалые задачи перед рабочим классом, нашим агиткампаниям, массе газет, в изобилии попадавшим к рабочим. Сейчас, когда НЭП все больше изменяет наш быт в сторону усиления мелкобуржуазных тенденций и когда новые условия быта далеко не способствуют развитию коммунистического сознания, на долю самой культурной работы с необходимостью падает гораздо более ответственная задача. Она требует и новых методов, так как старые, как мы уже видели, оказались совершенно неспособными выполнить эту задачу и в прежних, более подходящих, условиях. Одним из таких методов является систематическое серьезное ведение массовой работы через углубленную работу и при помощи ее. В каждом клубе в первую очередь должны быть созданы стойкие коллективы (кружки, студии), которые, ведя сами серьезную работу в области науки и искусства, ставили бы своей задачей ведение массовой работы. Вот почему, говоря о штатах клуба, мы указывали как на совершенно необходимый постоянный штат одного-трех инструкторов-специалистов и лектора марксиста. Они должны вести работу с кружками так, чтобы дать им необходимую подготовку для ведения массовой политико-просветительной работы; при этом, конечно, работа кружков не должна терять ни своего характера творческой лаборатории пролетарской культуры ни серьезного подхода к делу.

При проведении массовой политико-просветительной работы через творческие коллективы мы должны учесть и использовать ту колоссальную тягу к драматическому действию, которую проявила рабочая масса за

эти 4 года, да проявляет и сейчас, несмотря на все трудности удовлетворения этой потребности в настоящий момент. Нужно использовать интерес к театральным формам, вложив в них то содержание, которое нужно для политико-просветительной работы, для борьбы с мещанским укладом быта, для поднятия самостоятельности. Этого нельзя было достигнуть, как мы уже видели, тем репертуаром, который давался все эти годы. Нужно опираться поэтому не на готовые пьесы, а на импровизации, инсценировки, так называемые живые газеты, суды, диспуты и т. д. Все эти формы были известны в практике массовой работы, но пользование ими было чисто случайное и построение их далеко не совершенное. Так, например, живая газета состояла в том, что те же газетные известия прочитывались вслух одним или несколькими лицами с прибавлением нескольких обывательских нападок на главки или местные учреждения и иногда в сопровождении кинематографа; суды давались в виде диспута между обвинителем и защитником. По новостям дела эти формы могли еще привлекать зрителей, но в виду отсутствия художественного элемента не могли оставлять глубокого впечатления. Да и в таком виде они редко ставились в клубах, так как организовывались сверху и показывались в местах больших массовых собраний. Для того, чтобы эти формы работ приняли характер свободных, глубоко-художественных и вполне театральных импровизаций на те темы, которые интересуют рабочего и которые мы хотим представить ему в революционно-марксистском, а не обывательском освещении, требуется большая вдумчивая работа местных клубных коллективов; хорошо подготовленных и технически (в области искусства) и политически. Материал газет, судов и т. д. должен быть проработан вполне литературно, хорошо продуман с общественно-политической стороны и поставлен в высшей степени художественно. Для этого требуется наличие, по крайней мере, двух студий, литературной и драматической, с хорошей

техникой и политической подготовкой. По вопросу о том, как должна быть поставлена живая газета, мы имеем опыт некоторых клубов, при чем особенно интересна работа одной пролеткультовской студии, поставившей газету «о голоде». Вся газета представляла собою ряд театральных импровизаций (в костюмах и гриме), дававших в живой драматической форме в соответствии с обычными отделами газет (передовая, хроника и т. д.) сценки, изображавшие размеры голода и необходимость помощи, положение дела помощи у нас (среди разных слоев) и за границей (заседание Антанты по этому вопросу), помощь данного района (общия собрания на заводах также по этому поводу). Тут же была дана рецензия на эту газету, где в очень любопытной жизненной сценке (у трамвая) разные слои населения выявляли свое отношение к голоду и давали оценку всей газете. Очень любопытна и «религиозная» газета, где на ряду с злободневными моментами (ряд интересных импровизаций на тему об изъятии ценностей) даны в сценической обработке материалы по вопросу о сущности религии. Здесь могут быть использованы и законченные произведения на эту тему, как, напр., очень интересные пьесы т. Волкова «Господь спит», «Господь в гостях» и т. д. Вообще газета должна быть построена так, чтобы от злободневных вопросов переходить к связанным с ними широким проблемам общественности. Газеты и суды должны быть посвящены не только политическим вопросам, но и вопросам культуры, быта и другим. Газеты с таким отвлеченным содержанием могут готовиться более долгое время и возможны для исполнения начинающими студиями, тогда как быстрая смена политических событий вынуждает к очень спешной подготовке газет с политическим содержанием, для чего требуются вполне подготовленные коллективы и что возможно по этому лишь на второй год существования в клубе серьезно работающих кружков. Несомненно, в построенных таким образом газетах, судах и т. д. преобладает отрицательное изобра-

жение, как наиболее легко воспринимаемое аудиторией и легче исполнимое по содержанию и форме для студий, находящихся на первой ступени своей работы. Для того, чтобы дать в живой художественной форме воплощение пролетарского жизненного идеала, нужна, конечно, большая, исчисляемая годами подготовка и актера, и зрителя. Конечно, в некоторых случаях приходится и сейчас (когда идет, напр., инсценировка какого-нибудь революционного движения) давать и положительные для настоящего момента образы. Боевое впечатление инсценированных газет и судов чрезвычайно велико. В одном клубе, где и профессионалами и собственным кружком очень часто ставились весьма нехудожественные постановки, был инсценирован суд над рабочим Иваном Халтурчиковым (любителем халтуры). В качестве свидетелей проходили и авторы, оскорбленные искажением своих произведений на этой сцене и растерзанное драматическое искусство, и отдельные сцены из ставившихся спектаклей. Несмотря на отвлеченность темы, суть вопроса была совершенно ясна для всех рабочих, вызвала определенную критику того, что им обычно преподносилось в спектаклях и при дальнейшем углублении этого вопроса, несомненно, приведет к правильному пониманию вопросов искусства и общественности (критика суда касалась не только игры, но и содержания исполнявшихся произведений).

Как на любопытный пример использования студийных импровизаций для массовой работы мы укажем на опыт пролеткультовской судии в одном из клубов печатников. Когда одну из Государственных типографий недавно (уже при НЭПО) навесил ее старый владелец, контора и часть рабо-

чих встретила его с радостью и подобострастием. Некоторые возмущенные студии принесли этот мотив в студию и ею была создана в гротескной, полукинематографической форме импровизация на эту тему (халатное отношение к делу в обычное время, а затем усердие и подобострастие, когда появился бывший владелец). Эта импровизация, поставленная в чужих клубах, вызвала смех и возмущение сознательных рабочих, а в своем клубе на ряду со смехом вызвала большое чувство неловкости у тех, кто узнал себя в этой импровизации и, поскольку там были замешаны рабочие, наверно отбило у них желание впредь выражать нежные чувства перед прежним владельцем.

Несомненно, что все эти формы должны быть еще пересмотрены, работа поставлена систематическим и опыт ее учтен, но совершенно ясно, что поскольку мы ведем в клубах художественную работу, она должна быть тесно связана с основными задачами клуба и опираться, главным образом, на его творческие коллективы. Сейчас мы останавливались только на одной стороне клубной работы; учли те возможности, которые дает нам правильная постановка художественной работы; задача дальнейших очерков — показать как на основании того же метода (тесное взаимодействие углубленной массовой работы) должны быть использованы для конечных целей клубной работы образовательная, научно-техническая и др. виды работы, каков, наконец, должен быть характер занятий самих коллективов, чтобы не теряя из виду своих творческих задач они могли выполнить свои обязанности по отношению к широкому рабочим массам.

Р. Гинзбург.

Искусство.

О рабочем театре.

Каким должен быть рабочий театр? Каковы его ближайшие задачи? Вот вопросы, которые все чаще и чаще встают перед передовой частью рабочего класса. Факт существования 1-го Рабочего Театра Пролеткульта и самые разнообразные суждения и мнения по поводу этого факта достаточно ярко подчеркивают пробуждающийся живой и действенный интерес к рабочему театру. Одни относятся отрицательно вообще к рабочему движению в искусстве и всячески пытаются доказать довольно таки древнюю мысль о вечности искусства, о внеклассовости эстетических эмоций и их оформлений. Отвечать на эту мысль было бы просто недостигающей цели и бессмысленной тратой времени. За годы революции этот вопрос слишком много раз выяснялся и интересующихся им отсылаю к соответствующим статьям и журналам (см. хотя бы всю Пролеткультовскую литературу) и протоколам бесчисленных дискуссий об искусстве.

Другие, стоя на классовой точке зрения, отрицают Рабочий театр так, как он проявляется в настоящее время, отрицают его художественное направление, отрицают его принцип исканий.

На этом отрицании, имеющем большой интерес, следует остановиться подробнее. Основным возражением, выдвигающимся против Рабочего театра, является то, что, мол, все постановки Московского Рабочего Театра Пролеткульта, носят «футуристиче-

ский», непонятный и «затемняющий содержание» характер. Т.-е. другими словами то художественное направление «левого искусства», из которого М. Р. Т. П. (Моск. Раб. Театр Пролеткульта) взял кое-что для своих постановок, не отвечает художественным требованиям рабочих. «Им слишком трудно разобраться в том, что они видят и слышат»—говорил мне один из представителей транспортных рабочих. (Существуют и другие мнения, но о них дальше). Итак художественный курс М. Р. Т. П. неудовлетворителен, по мнению, некоторых товарищей. Разберемся. Прежде всего отметим поразительный факт, что, например, такие постановки, как «Сестры Кедровы» в Малом театре или, как старая оперётка, идут при «битковых сборах», и на эти спектакли рабочие идут с удовольствием, и эти спектакли не вызывают протестов против «несоответствующей идеологии» или против «не рабочего художественного направления». А ведь всем известно, какова идеология «Сестер Кедровых» и как выглядит честный павильон декораций Малого Театра. В чем же дело. А дело в том, что «традиции прошлого кошмаром тяготеют над умами живых», как выражался Маркс. Дело в том, что старые остановившиеся формы, привычные и спокойные, цепкими лапами традиции держат в плену сознание многих наших товарищей. Мелко-буржуазная идеология «мещанской драмы», выработавшая свою театральную

традицию, мешает проявлению нового содержания, в искусстве театра мешает выработке новой театральной формы, соответствующей новому содержанию.

И дело здесь вовсе не в большом «мастерстве», а именно, в этом пленении сознания традицией.

Всем, кажется, ясно теперь, что Московский Малый театр отжил свое «блестящее» время, и что все попытки сохранить «русское искусство» являются тщетными, ибо сгнило самое основание этого театра, ибо этот некогда прекрасный и чутко реагирующий на общественные интересы театр, *отжил свое время* и никакими искусственными мерами не остановить его умирания. И, однако, спектакли этого театра привлекают массу публики. Это все нам следует ясно осознать и решить должен ли Рабочий театр идти по пути Малого или Художественного театра, должен ли он со своими задачами борьбы за коммунистический строй уলেখся в спокойную традицию старого театра и в пределах этой традиции оформить свои творческие театральные задачи. Ответ один: *нет не должен; рабочий театр должен идти по пути борьбы со всеми проявлениями мелко-буржуазной и мешанской идеологии, и в частности по пути борьбы с «веками освещенной театральной традицией»*. В чем же сущность этой традиции? В утверждении определенного художественного направления, называемого натурализмом и реализмом. Натурализм в театре выразился в тенденции изобразить на сцене настоящую, неподдельную живую жизнь. Высшей формой достижения натуралиста является точная копия жизни. Но так как сам театр по существу своих специфических задач есть некая ложь, приподнятость, искусственность (искусство), то ясно, что натурализм в театре попал в весьма неприятное положение.

С одной стороны, ему нужно копировать жизнь, а с другой—эту жизнь нужно копировать *в театре*. Реализм, как художественное направление зародился в первую четверть XIX века. Чернышевский опреде-

лял это направление, как «суррогат» жизни. Реализм имеет несколько ответвлений, но сущность его сводится к созданию таких художественных форм, которые бы, *напоминая* действительную реальность, давали бы зрителю или вообще воспринимающему намек на жизнь. Чувствуя всю неосновательность натуралистической тенденции в театре, реалисты пошли несколько дальше, но остановились в своем поиске истинных театральных форм и остались на своем пути фотографирования жизни, правда несколько искуснее, чем это делали натуралисты, но, тем не менее, представляя из себя все еще огромный вопросительный знак с точки зрения *искусства театра*.

Отметим здесь же и появление новой театральной формы, я бы ее назвал машинизированным театром. Я говорю о кинематографе. Реалистический театр в кинематографе дошел до своей наивысшей точки развития. И совершенно справедливы были опасения *Леонида Андреева*, что кинематограф может вытеснить театр, я бы сказал, *именно, реалистический театр*. Поставив дело на прочный капиталистический фабрично-производственный фундамент, кинематограф быстро достиг значительных успехов в динамическом, действенном фотографировании жизни. Кинематограф стал представлять реальную опасность для существования реализма в театре. Ловкий и сильный конкурент, он быстро сумел, благодаря более дешевой цене своих театральных товаров, привлечь на свою сторону значительную часть театральной публики и стать благодаря *все той же дешевизне* очень *близко к рабочей аудитории*. И не случайно, что за границей сейчас кинематограф для широких масс вытеснил почти окончательно реалистический театр. Итак реалистическое направление в театре достигло своего кульминационного пункта в кинематографе; итак через большие, пользующиеся почетным признанием реалистические театры и кинематографы утверждались в широких массах, реалистическая тенденция и воспитывался соответствующий ху-

дожественный вкус. И реализм, как мерило художественности довольно крепко вошел в сознание масс и успел уже стать почетной «художественной абсолютной истиной» — сиречь традицией. И как только он стал традицией, так сейчас же приобрел все ее консервативные свойства. И этот консерватизм передавал публике, воспринимающей «образцовые» театральные произведения. И публика приучалась определять художественную ценность того или иного театрального представления по сравнению с авторитетными художественными фактами. Тот спектакль был хорош, который был похож на художественный авторитетный образец. Тот спектакль был плох, который не был похож на этот образец. Так через авторитетность установленных реализмом театральных форм воспитывался — «абсолютный» вкус публики.

Совершенно естественно реализм стал помехой дальнейшего развития искусства театра. Совершенно естественно, что всякие новаторы на сценической площадке встречались авторитетами от театра презрительным шипением.

Рабочий театр должен поставить во главу угла борьбу со всяким консерватизмом. Дух этого театра должен быть революционен не только в области так называемого «содержания», но так же и в области «формы». Ибо тому искусству, которое не ищет соответствующей формы, в которую влагает оно свое творческое содержание, — две копейки цена. Потому, мне кажется, Рабочему театру ни с реализмом, а тем паче, с натурализмом не по пути.

Единственную форму реалистического театра использует Рабочий театр — это кинематограф. Для изображения реальной жизни он возьмет наиболее культурное средство, и вместо изображения, или как любят выражаться натуралисты и реалисты, «отображения» жизни на подмостках театра, он, как мне казалось бы, должен предпочесть изобразить ее на экране. *Но этим он, единственно, не должен ограничиться.* Чтобы яснее ответить на поставленные в начале

этой статьи вопросы, продолжим наш анализ театральных течений.

Кроме утверждения реалистического направления, еще до империалистической войны, но когда уже основные предпосылки европейской экономики в достаточной степени обусловили мировую катастрофу, а за ней и великую русскую революцию, появился целый ряд смелых новаторов искусства театра, которые объединились в одном — в отрицании реализма в театре. Эти новаторы были первыми ласточками, предвещавшими новую весну театра. Мейнингенский театр в Германии и Московский Художественный театр вызвали сильнейший отпор новой театральной мысли со стороны таких мастеров и теоретиков театра, как Гордон Крэг, Макс Рейнгардт, Георг Фукс, В. Мейерхольд, Евреинов и др. Позиция противников реализма определялась двумя основными положениями: с одной стороны, возрождением принципов условного театра античной эпохи и принципов итальянской комедии (*comedia dell'arte*), с другой — поисками совершенно новых, еще не бывалых, еще невиданных театральных форм. Эти два основных течения докатились и до нашего времени и получили свое выражение в направлениях *возрожденчества* и *левого искусства*. Первое — *возрожденчество* — базировалось на принципах античной драмы по преимуществу. Реализм в театре ставит задачей актера верное изображение действительности, лучший актер тот, который более дает нам иллюзию жизни. Изгоняется все условное, даже грим, «потому что в артисте должна свободно проявляться душа человека». Не так было в древней греческой трагедии. Напротив, игра актера должна была *отрывать душу зрителя от реальности*. И вот в этом прелесть и истина театра, говорят «возрожденцы». *Вяч. Иванов* на первом всероссийском съезде по рабоче-крестьянскому театру предлагал в своем докладе организацию хоровых массовых действий с корифеем во главе по образцу античного театра, а в № 62 «Вестника Театра» (апрель, май 1920 г.) тот же *Вяч. Иванов* пишет «в

зависимости от двух главных элементов своего состава—хора, с одной стороны, героя, с другой—театр, понятый в широком смысле, как художественное действо вообще, являет в своей многовековой истории неоднократно повторяющуюся смену двух типов: театра художественно оформленной толпы и театра личности. Исключительною по совершенству формы и по чистоте выявления глубочайшей сущности театра должно признать короткую эпоху весеннего расцвета трагедии при Эсхиле и Софокле и комедии при Аристофане: здесь, и единственно здесь, мы встречаем совершенное равновесие между хорошим началом и началом зачинателей и действительной («героической») личности в драме... Герои наших буржуазных драм измельчали вследствие своей буржуазности, т.-е. отделенности от народных масс». Здесь все любопытно и имеет свой глубокий смысл, выражающийся: 1) в отрицании буржуазного реалистического направления, 2) в мечтании о возрождении античной драмы (ее весеннего расцвета) как это было «при Эсхиле и Софокле», 3) в стремлении эстетизирующей интеллигенции привить свою тоску о «возрождении» массам. Эта принципиальная точка зрения нашла и свои практические попытки осуществления. Так в Москве образуется так называемая, тонально-пластическая ассоциация, которая пытается пересоздать театр на принципах античной декламации, на принципах достаточно нам известных и по Цицерону, и по Квинтилиану. Эти же принципы оказали свое влияние и на искусство Камерного театра, откуда непосредственно вышел Фердинандов со своими ритмическими опытами. (См. «Царь Эдип» и «Грозу» в Рогожско-Симоновском районном театре). Правда, эти принципы пришли сюда не непосредственно, а через ложно-классический французский театр, на который влияние античного театра установлено с несомненностью.

Такова самая краткая характеристика «возрожденчества». Оторванное от действительности и являющееся результатом разочарованности в современном театре, это

направление не находит ничего лучшего, как мечтать о возрождении античной драмы. Не отрицая многих достоинств и величия античной трагедии и комедии, мы, однако, глубоко сомневаемся в возможности ее возрождения в современных нам условиях и потому полагаем, что Рабочему театру следует глубоко изучить и усвоить античную драму, но идти по пути ее возрождения не следует.

Итак у Рабочего театра остается один путь, вытекающий из революционной переоценки театральных форм,—путь наиболее ответственный, но и наиболее верный. В самом деле, встав на путь активной оппозиции буржуазной идеологии, объявив культурный фронт—в борьбе за коммунистическую идеологию—Рабочий театр тем самым обязывает себя не только разрабатывать соответствующие театральные сюжеты, но и выражать эти сюжеты в соответствующей форме. *А такой формы никогда еще не было.* И все попытки использовать старую форму явятся тщетными, ибо она вся приспособлена и явилась в результате чуждых пролетариату общественных течений. Перед Рабочим театром стоит непосредственная задача найти эту новую форму, соответствующую, гармонично слитую с новым содержанием. *Искать эту форму можно только по линии борьбы с театральной традицией.*

Каждый спектакль Рабочего театра в этом смысле должен совершать победы. Его задача есть поистине творчество, т.-е. выражение в театральном материале его непосредственных социальных задач.

И если Рабочему театру понадобится реалистическое воспроизведение каких-либо событий, он это должен сделать в кинематографе, но не на подмостках своего театра, он должен дать более яркие, более полные, более захватывающие образы и события, чем в действительной жизни. И здесь ему иногда и *пока* по пути с левыми направлениями, ибо и они смело выдвинули лозунг борьбы и критики буржуазного искусства. Ибо только они пытаются создавать совершенно новые, необычные, небывалые формы. *Но,*

следуя левому искусству, Рабочий театр никоим образом не должен забывать о мастерстве. К сожалению, слишком часто левое искусство шло по пути дилетантизма и здесь, как всегда в новых попытках оформления, имело место шарлатанское подлаживание к глубочайшим и правильным задачам левого искусства.

Гарантией правильно намеченного направления в Рабочем театре должно быть знание современной театральной культуры. Рабочий театр должен переоценивать старые ценности и принимать новые не просто «здорово живешь», а на основе знания мастерства и овладения техникой обработки театрального материала. Рулем же, «управляющим» его поисками новых форм и овладения техникой, будет служить ему классовое самосознание. Итак: 1) в овладении мастерством, 2) в борьбе с традиционной театральной формой и 3) в разрушении в сознании рабочей театральной аудитории фетиша старой формы — состоит ближайшая задача Рабочего театра.

И напрасно тот товарищ от Транспортных рабочих, слова которого я приводил в начале этой статьи, говорит, что рабочие нас не понимают. Что им иногда трудно разобратся — это верно, но из того, что малограмотный с трудом читает газету, вовсе не

следует, что нужно не печатать газет. Из этого следует, что малограмотный должен стать хорошо грамотным. И мы знаем, что Рабочий театр должен взять на себя и задачу ликвидации художественной безграмотности. В этом отношении мы постараемся принять все соответствующие меры. Но путь Рабочего театра остается прямым и ясным. И нам особенно дорога поддержка наших товарищей, в ряду рабочего класса во всеоружии против буржуазного мира. И такая поддержка имеется налицо, об этом свидетельствуют как многочисленные отзывы рабочих зрителей М. Р. Т. П. по поводу *первых опытов театральных оформлений*, — по поводу спектаклей М. Р. Т. П., так и отзывы нашей партийной и советской прессы (см., например, Харьковский «Коммунист» орган Ц. К. Р. К. П. Украины от 30 октября 1921 г. или Московский «Труд» октябрь 1920 г.)

Все это нас убеждает в том, что линия, взятая Рабочим театром, правильна. Но мы знаем, что на пути его развития и роста стоят значительные трудности. Мы вовсе на них не закрываем глаз и не отказываемся от них, но мы уверены, что Рабочий театр выйдет победителем из этих трудностей.

Вал. Смышляев.

Отражать, подражать или строить.

В хорошем марксистском обществе принято за правило хорошего тона считать театр отражением жизни. А так как пролетарский театр есть театр марксистски мыслящего класса и так как марксизм единственно вскрывает подлинное содержание жизни, то пролетарский театр есть правдивое, верное, точное отражение действительности, т.-е. пролетарский театр есть театр реалистический.

Аргументируют и другими способами, но не все ли равно для покойника, убили его топором или мотыгой.

Итак, реализм. Но реализм на театре означает быт. Зачем же он? В чем его социальное значение. В том, — поучают нас товарищи по идеологии, — чтобы знакомить пролетариат с конкретной действительностью, — в познавательной роли искусства. Но неужели никто еще не сообразил, что в наше время всякое организованное познание имеет смысл только тогда, когда оно точно, объективно и строго научно. В противном же случае апелляция к познавательному значению театра не только безнадежна, но прямо-таки опасна и провокационна: нельзя

обманывать зрителя, выдавая искусственное за настоящее. Ибо театр органически не способен на изобразительную объективность по самой природе своего условного творчества. И если рабочий захочет изучать быт, то подлинный марксист пошлет его в этнографический музей, направит в архивы мемуаров; посоветует использовать фотографии и кинематограф,—познавательные орудия высокой техники и безусловной точности. Да, наконец, пусть нам отыщут того чудака, который посещает театры для изучения быта; поистине его стоило бы поместить в этнографический музей (на предмет изучения).

Пробуют вывернуться и другими средствами. Говорят: а, как же быть с творчеством образов, типов, обобщений?

Ответ на это до чрезвычайности прост.

Реализм никогда и нигде не имел патента на такое творчество. Напротив, последнее сковывается в реалистическом театре требованиями «жизненной правды», убивающей фантазию и превращающей активного и свободного строителя в импотента.

До тех пор, пока не скончалась пьеса, пока театр литературен, пока надо использовать его таким, каков он есть для классовой борьбы,—до этого момента можно и должно говорить о его изобразительных возможностях. Но говорить о них с точки зрения пролетарских интересов, это значит ставить вопрос тенденции.

Рабочему классу нечего бояться своих целей, стыдливо прикрываясь фиговым листочком «похожести». Тенденция, яркая, откровенная и смелая рано или поздно восторжествует (*уже начинает торжествовать «Мексиканец»*) в Пролеткультах. Так как все средства необходимо привести в действие, нажать на все пружины театрального механизма, если этот механизм является, действительно, генератором агитационной энергии. Не показывать, не картинками из жизни или панорамами развлекать зрителя, не зрелищами увеселять его, а доказывать, убеждать, пропагандировать,—активно, на-

рочито, сознательно. И все, что допускает сценическая техника, все ее выразительные и конструктивные возможности,—все это должно быть пущено в ход, не стесняемое никакими внешними рамками (купеческое: «чтоб было похоже»), определяемое лишь задачей революционного воздействия. Поступать иначе, это значит обкрадывать самих себя, слепо следовать свято установленному шаблону, подчиняясь установленной традиционной, «всеми» признанной форме. Но рабочий класс призван разрушать идолов, ниспровергать авторитарность и считаться лишь с практическими задачами своей исторической миссии. И если для этих задач надо клеймить буржуазию, осмеивать ее быт, ее деятельность, ее замыслы,—или, наоборот, если надо героизировать рабочее движение, то вся мощь театральных материалов пусть будет развернута в острой динамике действительных форм.

Но это, конечно, не выход. Никакая агитационность не сможет пересоздать театральных форм настолько, чтобы можно было говорить о новом театре.

Здесь надо раз и навсегда сорвать маску с театральных соглашателей: мы, мол, тоже революционеры.

Пора сказать прямо и определенно: использование сценической площадки для иллюстрации пролетарских идей так же похоже на создание пролетарского театра, как проститутка на возлюбленную. Пора честно сознаться, что революция идей не есть еще революция театра, и что нужна еще эта последняя для того, чтобы арена «Эрмитажа» стала всамделишной ареной Пролеткульта. Здесь речь идет не о форме и содержании, конечно. Речь здесь идет о том, что театр есть творчество особого вида, ничего общего ни с какими «идеями» не имеющее. И если театр, тем не менее, занимается «идеями», то только потому, что таковые могут (но не обязательно должны) входить в него, как материал. Вот почему бессмысленно говорить, что пролетарская идеология или пролетарская воля (о, метафизика!) определяют собой тенденции нового театра.

Искусство есть творчество непосредственно воздействующих форм. А всякая форма определяется четырьмя факторами:

- 1) материалом,
- 2) условиями восприятия,
- 3) организационной задачей,
- 4) процессом производства (оформления).

Но все эти четыре фактора целиком и совершенно непосредственно функционируют, как социальные явления. А отсюда — неизбежный вывод: всякая форма, безотносительно, *как таковая*, есть социальное и, следовательно, в наших условиях, классовое явление. Определять форму идеологией, отбрасывая материальное бытие, это все равно, что шить костюм, исходя из одного голого желанья одеться.

Перехожу к театру.

Театр есть организация динамического действия; таков, по существу, всякий театр, сознает он это или нет (прошу прощения у Станиславского).

Что это значит: построить пролетарский театр. Это значит создать такой театр, формы действия которого всегда соответствовали бы задачам пролетариата, как бы ни менялись, как бы ни были разнообразны эти задачи. Это значит строить социально-целесообразный театр, эволюционирующий, *сознательно* (подчеркиваю) эволюционирующий нога в ногу с жизнью. Это значит исходить не от готовых форм, а от сознательных задач. Это значит для каждой задачи строить новую, самостоятельную форму.

Мало этого: пролетарский театр должен покончить с отрывом от жизни, с обособленным эстетством, в какие бы революционные кулисы оно ни пряталось. Пролетарский театр не может не стать орудием пересоздания быта: такова железная логика рабочего движения. А, следовательно, формы действия этого театра неизбежно будут исходить из требований материальной конструктивности, ибо не конструктивное — не жизненно. Но конструировать можно, только зная материалы и управляясь от них.

Поэтому формула пролетарского театра гласит следующее: *он есть конструктив-*

ное оформление реальной динамики материалов согласно каждый раз заново поставленной задаче.

Следствия из этой формулы очевидны и неумолимы:

I. Поскольку реалистически-изобразительный театр (Малый, Художественный и т. п.) повторяет существующее, поскольку форма его действия определяется сходством с уже созданным (читай: с «жизнью»), постольку этот театр в конечном счете будет выброшен рабочим классом в мусорную корзину истории.

II. Поскольку стилизационный театр (Камерный, напр.) исходит из готовых эстетических канонов, — постольку он будет отвергнут, даже если осмелеет до бессюжетности.

III. Поскольку любой современный театр, хотя бы мейерхольдовский (хочется, да не может), остается театрализованным, т.-е. — исходит из формы действия, — постольку он не может дать методов пролетарского творчества.

IV. Разрушение театральных форм, каковы бы они ни были, аналитическое разложение изобразительности на ее элементы, ниспровержение фиксированных приемов (амплуа и прочее), — единственный путь к освобождению от буржуазной диктатуры.

V. Уничтожение литературных цепей, сковывающих театральные материалы и ограничивающих их действительную силу, неизбежно для конструктивного театра, а потому: долой репертуар.

VI. Автономия материалов; амнистия вещам и людям, раскрепощение динамики, — все это требует смерти сюжета, тюремщика театральной свободы.

VII. И лишь с этого момента можно начинать строительство. Без рабства сценических штампов, без рамок признанного «театральным», на твердом фундаменте научного эксперимента над материалами театра: движущимся — человеком, объемом, цветом, светом и т. д.

VIII. Лишь с этого момента форма будет определяться знанием материала и задачами строительства. Только тогда пролетариат су-

меет на сценических подмостках сооружать новые действенные миры, активно сотрудничающие с социальной практикой.

IX. Новый театр не подойдет к материалу, обнаженному анализом, как к эстетическому явлению («Красота»), новый театр воспримет материал во всей его реально-жизненной, практической роли, и человек для него будет не актером, а квалифицированным человеком, доска не декорацией, а обработанным деревом, свет не сценическим эффектом, а освещением и т. п.

Х. Ну, а как же быть с театром сюжетно-изобразительным. Можно ли обойтись без него. Нельзя, разумеется. И вопрос о нем должен быть поставлен особо,—это вопрос о революции театрального сюжета; о нем—в другом месте. Однако и тут надо запомнить основное: пока не будет создан театр динамических конструкций,—рабство форм неотвратимо на подмостках, даже если они утрамбовываются пролетарскими каблуками.

Б. А.

Музыка и труд.

Существует старая теория.

Она говорит, что музыка родилась от трудовых процессов. Во время их исполнения. В качестве вспомогательного и подсобного ресурса.

Наивна и неверна теория эта, как и все буржуазные теории о происхождении искусств. Вся она произвольно и совершенно ненаучно построена на одном лишь факте. На том, что музыка в простейших, преимущественно вокальных формах своих, с древнейших времен и до наших дней, употреблялась и употребляется трудящимися, как поддерживающее рабочий ритм средство.

Классическая дубинушка и проч.

Факт сам по себе верен, но происхождение-то тут при чем?

От употребления до происхождения дистанция огромного размера. Для того, чтобы можно было музыку употреблять в трудовых процессах, она, очевидно, должна уже существовать. Несуществующее не употребишь. Дубинушка и прочие факты свидетельствуют о том, что люди пели и поют во время работы, но они ничего не рассказывают нам о том, как изобрели люди такую мудреную штуку, как пение.

Если уж связывать обязательно употребление с происхождением, то можно без труда построить целый ряд взаимно противоречивых теорий происхождения музыки. Не да-

леко ходить—рядом с теорией «трудовой» существует и конкурирует с ней такая же ненаучная и наивная теория происхождения музыки от религиозных культов. Фактов самого древнего и примитивного употребления «религиозная» теория может привести как угодно много. Обряды Востока, всякие греческие действия, практика первых христианских общин, ритуалы шаманов, колдунов и заклинателей всех диких народностей — не перечить всего.

Если бы военные люди более интересовались искусством и были бы в этой области хоть сколько-нибудь честолобивы, то и они могли бы с тем же правом и с таким же успехом выставить свою «военную» теорию происхождения музыки. Достаточно было бы сослаться на полковой барабан, на военные раковины дикарей Полинезии, на знаменитое воинственное пение германцев в сомкнутые щиты. Пожалуй, количеством и наглядной убедительностью примеров самого древнего и самого примитивного употребления военные люди, чего доброго, побили бы и «трудовых» и «религиозных» своих конкурентов.

Наконец, этот спор о происхождении мог бы быть из области профессий перенесен на арену общественных классов. Конечно, эксплуатированные всех времен и всех народов взяли бы «трудовую» теорию под защиту,

как свою классовую. Но эксплуататоры, несомненно, стали бы возражать. Они вызвали бы на суд в качестве свидетелей тени всех миннезингеров, бардов, скальдов, минестрелей, от древнейших времен до божественного Моцарта, до солистов «его императорского» включительно, и заставили бы их под присягой показать, что музыка не мужичья выдумка. Что родилась она, как благородное искусство угнетателей и поработителей, а мужичек на ниве своей запел так уж по аналогии и в подражание господам.

Без конца можно плодить, таким образом, теории происхождения, основанные на фактах употребления. И во всех этих теориях приводимые факты в одинаковой степени будут правильны и неопровержимы. И доказывать они будут все, что угодно, кроме одного. Кроме происхождения, конечно.

Методологическая ошибка здесь ясна.

Здесь историческая достоверность, или вероятность хотя бы, подменяется просто логической возможностью.

Логически нет оснований отказать музыке в удовольствии возникнуть из любого лона. Логика допускает охотно рождение музыки и в трудовых процессах, и в религиозном экстазе, и в пылу военных столкновений, и в располагающей ко всякого рода художественной культуре придворной обстановке. Но логика с историей никогда в особой дружбе не состояли. Истории не логика нужна, а диалектика. Диалектики же во всех рассмотренных теориях, в том числе и в «трудовой», ни на грош нету. Диалектика требует исторической необходимости. Требуется доказанности, что в такой-то период, при таких-то условиях неизбежно должны были возникнуть такие именно, а никак не иные события. А вот этой-то необходимости, этой железной неизбежности ни в одном из рассуждений о музыке нет. Можно доказывать как угодно убедительно, что человеку трудящемуся хорошо и полезно было за работой попеть, но никак нельзя доказать, что в силу объективных исторических условий в такую-то эпоху он *обязательно* должен

был запеть во время трудового процесса и не мог, не смел не петь.

Таких доказательств вообще ни о музыке, ни о другом каком искусстве не может быть при современном состоянии наших исторических знаний. А потому не может быть и научно построенных теорий о происхождении искусств. Надо иметь мужество признаться:

Мы не знаем когда, откуда и как родилась музыка.

Но факты остаются фактами. И по своему, они, как всегда, красноречивы для тех, кто умеет их слушать. Не доказав ничего о происхождении, они доказали за то с полной неопровержимостью, что существовала и существует музыка трудовая, религиозная, военная, придворная и т. д.

Иначе говоря, музыка служила и служит утилитарным целям. И не в одной какой-нибудь, а в самых разнообразных и, подчас, самых противоположных отраслях. В этом смысле музыка универсальна.

Вскроем содержание этой утилитарности и универсальности.

Применим метод сравнения.

Зачем нужна в военном деле музыка?

Она подымает боевое настроение отряда, побуждает воинов к действию, помогает выдерживать ритм шага и всех вообще гимнастических профессиональных движений.

Какова роль музыки в религиозных обрядах?

Она подымает религиозное настроение верующих, обеспечивает точную последовательность действий. Там, где ритуал связан с телодвижениями, она придает последним ритмическую оформленность.

Чем оправдано применение музыки в трудовых процессах?

Она возбуждает энергию трудящегося, содействует сосредоточению его в работе, поддерживает ритм применяемых движений.

А роль камерной музыки?

Камерная музыка возникла, как часть этикета и обстановки существования феодально-придворного общества. Ее роль сводилась к

установлению определенного «тона», т.-е. опять-таки к психическому возбуждению и к поддержанию того своеобразного ритма, который лежит в основе всякого этикета.

Везде, где только музыка применялась, на нее возлагались задачи:

возбуждения соответствующего настроения;

побуждения к действию;

определения и регулирования ритма.

Иными словами говоря, музыка всегда употреблялась, как средство, организующее действие.

И эта роль музыки оставалась неизменной во все времена, у всех народов и при всех исторических обстановках. Направление и степень развития музыки также не меняли ее практических функций. Музыка раковин и первобытных барабанов, пение в щиты, индийская вина и медный звон корнетов, труб и тромбонов, готический орган и вагнеровский оркестр, все виды, роды и качества музыки обладали всегда в полной мере способностью возбуждать настроение, побуждать к действию и регулировать ритм.

Следовательно, это свойство музыки—явление не социального порядка. Следовательно, от внутренней построенности и внутренней организованности музыки ее практические свойства не зависят. Способность организовывать процессы и действия присуща не музыке, как определенному виду искусства—ибо искусство есть явление социального порядка и содержание, и значение его исторически переменны.

Способность производить психо-физиологическое действие возбуждения и побуждения есть основное свойство всяких звуковых комплексов относительно человеческой психики. Стихийные сонорующие звучания—свист ветра, шум леса, грохот города и проч. производят на человека такое же психически организующее действие, как и музыка-искусство в любой форме и в любой стадии развития. Именно это психически организующее действие имеют в виду, когда говорят, что шум леса навевает покой и умиротворение, а гул городской возбуждает беспокойство и

суетливую подвижность горожан. На нем построены легенды о волшебной музыке сдвигающей скалы, укрощающей зверей и заставляющей людей делать все, что угодно обладателю источника этой сверхъестественной силы.

Музыка применялась практически, как организующее средство, в самых разнообразных отраслях человеческой деятельности, и вырабатывала в каждой особые специфические формы. Наибольшей сложности и наивысшего расцвета музыка достигла в формах религиозной и общественно-публичной, выработавшейся из феодально-придворной.

Для поддержки и организации трудового ритма истари употреблялась исключительно только вокальная музыка. Отрасль эта не привлекала к себе внимания профессионалов искусства и не пользовалась покровительством общественных слоев, державших в руках своих средства поощрения культурной человеческой деятельности. Трудовая музыка, в которой господствующие классы не были заинтересованы, существовала и развивалась исключительно, как отрасль «народной» музыки, но и здесь прогресс ее застыл на сравнительно очень невысокой ступени. Дубинушка так и осталась классическим образцом. Не только литературы, но даже и серьезной устной традиции трудовая музыка не знает.

Между тем с развитием техники и ростом производительных сил трудовые процессы становились все сложнее и психологически ответственной. В ремесленном труде оставалось много свободного от работы внимания. За счет этого излишка осуществлялось трудовое пение. Напряжение внимания в современном индустриальном труде таково, что никаких свободных излишков его не остается. Ритм индустриальной работы по сложности и в отношении практикуемых скоростей далеко выходит за пределы вокально-музыкальных возможностей человека. Изменилась существенно и акустическая обстановка труда. Труд доиндустриальный протекал в условиях относительной тишины, даже безмолвия. В естественной природной

обстановке или в обстановке малых ремесленных мастерских. Индустриальный труд связан с мощной сонирующей акустикой обширных фабрик и заводов.

В нашей фабрично-заводской современности ветхозаветные дубинушки не могут иметь никаких преемников и наследников. Индустриальный пролетарий не поет за работой—во-первых, некогда, а, во-вторых, от станков и машин и так довольно шума. По тем же причинам совершенно нелепой является затея перенесения в фабрично-заводские мастерские инструментальной музыки. Музыкальные инструменты это все ручные орудия. Темпы и ритмы, доступные им, будут комично неуклюжи и медлительны рядом с ритмом и темпом движений, где пятьсот оборотов в минуту—небольшая скорость. Да и вообще говоря, пересадка художественных средств и ресурсов из тех условий и той обстановки, которые их создали, в иные—чуждые и противоположные—никогда не может дать никаких положительных результатов. Симфонический оркестр так же нелеп и никчем в заводской мастерской во время работы, как нелеп был бы церковный орган во главе отряда легкой кавалерии.

Ни один из известных нам видов музыки безусловно не может играть роль «трудовой» ни в современных условиях, ни в будущем, поскольку возможно будущее это предвидеть.

Так как звуковые комплексы сами по себе уже могут послужить средством к организации деятельности, и так как индустриальный труд связан и, вероятно, навсегда останется связанным с мощной стихией фабрично-заводской акустики, то сама собою напрашивается идея использования этой акустики в целях организационного воздействия на трудящихся.

Логически можно, конечно, так организовать все шумы машин и орудий, всю звуковую жизнь предприятия, чтобы они оказывали на психологию трудящихся возбуждающее и стимулирующее влияние. Может-быть, с известной натяжкой, можно эти организованные шумы называть производственной музыкой будущего.

Но все это опять только логика, а не диалектика.

Логически возможно.

А диалектика?

Диалектика пока еще не сказала своего слова.

Борис Кушнер.

Новая фабрика.

Инженеры презирают беллетристику. В этом отношении они похожи на монашествующих в самых строгих монастырях, где даже «творенья святых отцев» относятся к «легкому чтению». Инженеры—восторженные аскеты и фанатики техники. Не надо путать подлинного инженера со «спецем»—у которого за спиной нищенский «продмешок». Инженер—революционер по преимуществу. И вот если нет суровых формул и неуклонных мер,—то уже «беллетристика». Что же после этого для инженера—«*пролетарская поэзия*», размеренным словом воспевающая заводы, фабрики, электрические огни, рель-

совые пути и океанские корабли. Менее чем презираемая инженером «беллетристика», «Вагонная» литература, юмористика, технический сатирик.

Сквозь технический пафос пролетарских поэтов часто сквозит техническое невежество. И тут мало пренебрежительной улыбки или веселого смеха (в технике есть свой юмор). Дело серьезнее потому, что поэтические восторги заразительны и если по существу воззрения того или иного поэта ложны, то его формально революционные песни могут стать на деле орудием социально-политической реакции. Не будем спо-

ритель: техническая революция обусловлена социальной или наоборот. Бесспорно, что социальная революция невозможна и немыслима без революции технической. И вот, оказывается, что в большинстве своем русские пролетарские поэты не только не имеют никакого представления о той *технической революции*, которая совершается человечеством, но находятся всецело во власти пафоса перед техникой устарелой, отринутой. Поэзия—душа. Пролетарская поэзия—душа рабочего класса. И, стало-быть, пролетарские поэты, воспитанные технически невежественными, влекут душу пролетариата в глубины социально-политической реакции. *Дело это не смешное, а ужасное*. И не «сатирикон», а трагедия.

Не голословно. Пролетарская поэзия (русская) последних лет реакционна. В самом деле. Фабричная труба и копоть каменноугольного дыма — атрибуты пролетарского поэта. Но современная техника — бездымное сгорание. А дымный факел — фабричная труба — печальный пережиток технического прошлого. Безтрубный завод — современность. Грохот и звон наковален. Но современная техника безшумна. Ничто так не волнует и не тревожит техники, как машинные шумы. «Машина стучит» — это ее болезнь. Около паровой турбины можно шептать влюбленные слова. «Кузница» и «Поэзия рабочего удара», но современная техника, если не отказалась совсем *от ударов, нарушающих структуру материала*, то во всяком случае предпочитает громовому молоту молчаливый пресс. Мощный, охватывающий пластический нажим — вместо удара. Слов нет — кузнецов веселая работа «пока железо горячо». Однако куда величавее и больше трепетного восторга, когда самый неподатливый металл в руках вальтера техника словно медовый воск. И горн, искры, пламя, — по-своему прекрасно. Однако техника вообще против «голового огня», против фейерверков всякого рода, потому что все это растрата, жертва жестокой энтропии, с которой техник считается только как с условием, пока необходимым и непреобори-

мым. Вместо фальшфейеров, возбуждающих восторги пролетарских поэтов, современная техника перешла к работе высокими температурами в *замкнутых* пространствах. Никто еще из пролетарских поэтов не воспел ни электрического горна, ни чудес алюминотермии. *Термиту* не посвящено — я по крайней мере не читал — ни одного стихотворения за годы революции. Вероятно, Маяковский думает, что термит африканский муравей. Зато сколько пустозвонного восторга перед молотом и наковальней. Искры брызжут, сгорает драгоценная сталь и поэт в восторге. А между тем фейерверки *термита* куда эффектнее — если только этого захотеть. Вероятно и многие пролетарские поэты знают те эффектные сложные проволочные свечи, которые разбрасывают столь ослепительные искры — это и есть *термит*, примененный к святочной забаве... Но в работе, в деле все покровенно и сосредоточено — без показного блеска, все внутри. Реакционная примитивная техника вся анатомична — хлябающий, вскрытый, обнаженный механизм. Революционная техника — органична; ничего не высовывается зря и не болтается и не стучит. Пламень, огонь, — восторги пролетарских поэтов. А техника поставила и разрешила проблему холодного света. Масса — предмет восхищения пролетарского поэта. Материал — основа. А для революционной техника инерция только одно из свойств — орудий, а материал — только не безусловно необходимая опора, лишь направляющая система для творческого действия.

Техническая революция влечет за собою глубочайшее изменение в самом строе фабрично-заводского труда. И тут трагедия. У всех на устах «научная организация труда» «тайлоризация» и т. д. Но как-то так случилось, что даже Центральный Институт Труда — самое казалось бы дорогое дитя пролетарской революции — оказался в лапах самой черной, мрачнейшей технической реакции. Там все еще трактуют о *работе* в то время, как революция техники победоносно утвердила *мастера*. Стоит только поближе познакомиться с новыми фабриками,

возникающими после мировой войны, чтобы понять, на какую предательскую тропинку сбивают психологию рабочих те, кто всецело обуян словесностью технической эпохи прошлого столетия. Если бы Карл Маркс воскрес, побывал хотя бы на новой только что открытой фабрике А. С. Е. А. в Швеции, где строятся турбины Юнгстрема—он наверное ввел бы серьезные принципиальные поправки в свои построения, потому что он увидел бы фабрику, которая *освобождает пролетариат* от работы. Также освобождает пролетариат от работы сжигание каменного угля в глубине шахт. Углекопов больше нет. Также освобождает пролетариат от работы передача энергии на расстояние в невесовом виде. Свобода от работы сотен тысяч транспортных рабочих. До слуха каждого русского рабочего—увы!—еще не достиг молниеносный переворот, который совершается революционной техникой, потому что тут нет ни грохота, ни копоты, ни пламени, ни дыма. Техническая революция совершилась в творческой тишине и в холодном блистании разума. Все классическое содержание сознания пролетариата определяемое совокупностью «производственных условий» безвозвратно минувшего прошлого, в свете технической революции представляется глубоко реакционным, потому что «историческая необходимость» освобождает рабочие массы от фабрично-заводского труда для работы на новой земледельческой фабрике.

К ужасу людей, стоящих на высоте современного технического мировоззрения, реакционные, псевдо-пролетарские взгляды господствуют и в отношении к технике сельского хозяйства. Восторги здесь не идут дальше и выше «электрофикации», как упорно вместо «электрификации» говорили и пишут присяжные патриоты «сельскохозяйственной фабрики». В машинизации или в лучшем случае механизации и в обобщении обработки почвы и других земледельческих приемов видят главные остоны «хлебной фабрики». В эти годы многократно и настойчиво под официальным пролетарским

флагом разные «профессора», именующие себя инженерами сеяли в сердце русских слушателей вздорные суждения, что земледелие «ничем не отличается» от других механических процессов. И это в то время, когда биотехника и биохимия дали в руки современного инженера новые, обещающие чудовищные успехи оружие в применении к областям очень далеким от земледелия. Еще ново звучит «о роли бактерий в возделывании культурных растений», а тема «о роли бактерий в металлургии» вызовет лишь недоумелое похлопывание глазами у поборников «хлебной фабрики». Неуклюжий, громыхающий, давящий почву, пыхтящий керосиновой копотью трактор—предмет исключительных восторгов всех сторонников «хлебной фабрики». Дальше этого в существе тоже реакционного с точки зрения технической революции восторга—мы не пошли. И едва ли один из ста сторонников американизации обработки почвы знает (и способен проникнуться восхищением) об американских сельскохозяйственных «фабриках насекомых». Миллионы легкокрылых «аммофил» тучами выпускаемых с фабрики насекомых для борьбы с вредоносными червями разве это не более достойный предмет восторга, чем—увы!—далеко не совершенный склепанный из принципиально уже отринутого революционной техникой железа трактор. Или «фабрика для разведения божьих коровок». Не слыхали—и дико. А между тем это дело с точки зрения хлебной фабрики куда более серьезнее, чем «электрофикация».

Пролетарская поэзия и громыхает, и полахает о фабрике. А новая фабрика тиха и светла. В пролетарской поэзии горячий багровый пламень, а новая фабрика сияет холодным, богатым фиолетовыми и ультрафиолетовыми лучами светом. В пролетарской поэзии железо. Увы!—Революционная техника взяла давно на подозрение железо, как материал. Символ несокрушимой твердости железо оказывается должен поникнуть перед новыми достигнутыми техникой материалами. Железный век канул в невозвратное прош-

лое. Мы вступили в краткую полосу *бронз*, за которой уже с несомненностью обрисовывается не металлический век. Химия кристаллов подарила нам к началу XX века алмазы и другие так наз. драгоценные камни, искромётные точильные круги из драгоценных камней, из-под которых целые кометные хвосты огненных брызг, сменили напильники слесарей. Но химия кристаллов отстывает во всем культурном мире перед техникой химии коллоидов, — некристаллических веществ. Что это нам сулит, обнять сейчас совершенно невозможно. Между прочим стоит упомянуть, что в связи с успехами

коллоидальной химии-техники предстоит грандиозный крах текстильной промышленности. Тканям из крестообразного плетения нитей пришел конец. Конец прядильщикам и ткачам, конец водопадшумным мануфактурам. Мы входим в век искусственной кожи.

Техническая революция совершается. И если она происходит помимо пролетариата, то естественно певцы пролетариата поют о прошлом. «Завод огнекрылый» — «железные цветы» реакции. Новая фабрика еще ждет своих вдохновенных поэтов. Мастера новой поэзии придут из круга мастеров революционной техники ¹⁾.

Сергей Григорьев.

Ответ С. Григорьеву.

Статья С. Григорьева, конечно, полезна; конечно, интересна. Еще бы! За четыре слишком года Октября отзвуки «технической революции» были весьма слабо слышны под поступь социального переворота и грохот борьбы. Отзвуки эти подчас совсем не нискали к нам сквозь кольцо блокады, и статья Григорьева интересна — на сегодняшний день — тем, что кое-какие *отрывочные* намеки об этой «технической революции» она дает. Но — увы! — Этим ограничивается ее интерес. Придет другой, более ловкий, хрониковец-выразитель, получит больше иностранных книжек, вооружится еще более длинными пожницами... и статья потеряет всякую ценность.

Однако вся эта «техническая революция» явно притянута за волосы. С Григорьев не только информатор, но и писатель. Отрицать пролетарскую литературу он не решается — да навряд ли кто на это в 1922 г. может отважиться, — поэтому нужно, подменить сущность пролетарской литературы чем-то ей противоположным и выдать последнее за настоящее.

Ему нужно доказать, что «пролетарская поэзия (русская) последних лет реакционна», что «пролетарские поэты влекут душу

пролетариата в глубину социально-политической реакции» (!?) Обычный прием наиболее хитрых представителей доподлинной буржуазии. Вся наша партия пережила период таких обвинений. Социальное движение пролетарской революции объявлялось возвращением в эпоху варварства, диктатура пролетариата — комиссародержавием, большевики — реакционерами и т. д.

«Никто из пролетарских поэтов, — пишет С. Григорьев, — не воспел ни электрического горна, ни чудес алюминотермии. Термиту не посвящено — по крайней мере не читал — ни одного стихотворения».

Какой, подумаешь, ужас!

С. Григорьев так и пишет: «дело это не смешное, а ужасное» (курсив С. Григорьева).

«Фабричная труба и копоть каменноугольного дыма — атрибуты пролетарского поэта. Но современная техника — бездымное сгора-

¹⁾ Редакция не разделяет ряда положений статьи С. Григорьева и печатает ее как дискуссионную, считая самую постановку вопроса интересной, будирующей мысль и тем самым полезной. Редакция даст место как возражениям на данную статью, так и статьям, освещающим вопрос отношения новой техники и пролетарской поэзии.

ние. А дымный факел—фабричная труба—печальный пережиток технического прошлого. Беструбный завод—современность. Грохот и звоны наковален. Но современная техника безшумна... Масса—предмет восхищения пролетарского поэта. Материал—основа. А для революционного техника инерция только одно из свойств—орудий, а материал—только не безусловная опора»...

В этих рассуждениях отразилась, как шум моря в маленькой раковине, вся мелкобуржуазная идеология интеллигенции, которая «победоносно» утверждает себя «как мастера» (курсив С. Григорьева). Мелкобуржуазная идеология насквозь пропитана фетишизмом, механичностью, вещностью. Она потеряла понятие о связи явлений и процессов, ее мир раздроблен, хаотичен, неорганизован. Она имеет дело не с миром в его целом, а с отдельной вещью, мертвой и довлеющей сама в себе.

Не этим ли объясняется, что литературные выразители этой мелканской идеологии—футуристы—в самом жестоком плену у вещи, что все их произведения сплошь механичны?

Не поэтому ли и С. Григорьев хочет навязать пролетарской литературе то, что ей органически чуждо? Правда, в произведениях пролетарских писателей завод, фабрика, трудовые процессы современного завода и целый ряд явлений, связанных с заводской обстановкой, занимают определенное место, но отнюдь не единственное и притом, отнюдь, не как самоцель. Буржуазная литература, выродившаяся в комнатно-интимную лирику, весьма любовно культивирует и воспекает предметы комнатного уюта: ковры, свечи, камины, портреты, диваны и проч., и проч. Некоторые заменили свечи—электрическими лампочками, изящные коляски—автомобилями, очаг—кафешантаном, костры—может-быть, электрическими кухнями,—принципиально это дело не меняет. Буржуазная литература воспекает *комфорт*, пролетарская—*борьбу*, буржуазная—созерцание, пролетарская—действие, буржуазная—наслаждение, пролетарская—волю, и т. д., и т. д.

Нет ни одной области общественной и личной жизни, в которой задачи и цели пролетариата и буржуазии не были бы противоположны, враждебны; поэтому пролетарская и буржуазная литература—смертельные враги, между которыми не может быть примирения; поэтому же жалки и смешны критерии буржуазного писателя в его подходе к пролетарской литературе.

Среди некоторой части читателей весьма прочно установился взгляд, что пролетарская литература «воспевает» завод, трубы, вагранки, дым, копоть и т. д. С. Григорьев в своей статье только повторяет эти обывательские толки, но ничего смешнее и глупее этого не может быть.

Завод и все связанное с ним не есть самоцель «воспевания» пролетарской литературы. «Завод» пролетарской литературы не окаменелый фетиш, которому воскуряется стихотворный и проч. фимиам, не предмет восхищения и поклонения, а только наиболее родной и близкий символ пролетариата, который на заводе страдал, боролся, организовался и, наконец, научился (и учится) познавать себя, свои чувства, мысли, задачи и цели. Завод явился одним из могущественнейших фактов и факторов социально-экономических и производственных отношений, который помог пролетариату из бесформенной массы рабов стать, стать победоносным коллективом строителей Будущего, последним классом, провозвестником и основателем коммунизма.

Поэтому не «ужасен», а смешон С. Григорьев, который подходит с забором в поэзии со своей меркой и хочет навязать ее нам. Очевидно, религиозно-мистические и комнатно-эротические мотивы, которыми переполнен в настоящее время лепет буржуазной литературы, ему реакционным и «ужасным» не кажется, а вот то, что пролетарские поэты естественно пишут о заводе, он находит реакционным...

В пролетарской литературе почти не встретишь произведения, посвященного заводу, только как таковому, вне связи со всей жизнью пролетария. Отношение к заводу

тесно связано с переживаниями пролетариата и взгляд на него устанавливался соответственно последним. Это вопрос не новый, но напомнить о нем не мешает в связи со статьей С. Григорьева.

Вначале завод—«темница», куда заключил пролетария рабовладелец-капиталист. Завод является только средством эксплуатации.

Каждый день одно и то же,
То же кресло и горшок,
На работе лезь из кожи,
От нужды ни на вершок.
Та же нищенская плата,
За труды — кровавый пот,
Те же голод и расплаты,
И заботы полный рот.
Та же гута, как темница,
Держит нас в своем плену...

(Е. Нечаев. «Думы»).

Это на заре пролетарской литературы писал старый рабочий—Е. Нечаев.

И с этим мотивом мы встречаемся и позже, почти у всех пролетарских поэтов.

Меня веригою железной
Сковал Обуховский завод...
...Я бился скованный, бескрылый,
Весь черный, в угольной пыли,
Моих порывов тают силы
В дыму, где горы расцвели.

(Мих. Герасимов.—«Сковадный»).

Как видите, здесь и дым, и горы, против которых так яростно восстает С. Григорьев. Что же, *их* «воспевает» Герасимов? Что это—реакция?—Нет, это—жизнь.

А как обстоит дело с пресловутой «трубой»?

Труба—облитый ржавой кровью
И преградивший вход палач.

(Он же. «Заводу»).

Что же, *труба*—«печальный пережиток технического прошлого»,—по слову С. Григорьева, «воспевается» Герасимовым или *положение пролетария*, которому труба пре-

градила *волею капитала* вход в *прекрасный и огромный мир*. И это опять-таки—жизнь.

Эта жизнь

Звоном гулкого металла,
Злобным грохотом машин

«зловеще шептала» пролетарию:

«Капитал—твой властелин».

(Самобытник. «Жизнь»).

Вовсе не нежно относится (пока!) поэт-пролетарий и к металлу, и к машине. Грохот машины злобен. Но эта злоба совпадает с ненавистью пролетария к своему подневольному положению, и этот же злобный грохот машин указывает пролетарию на его настоящего врага, на его властелина,—«Капитал—твой властелин». Конечно буржуазии это очень неприятно, но реакционным могут это находить только такие, как С. Григорьев.

Тем хуже для него.

Но вот враг открыт, обнаружен. Это вовсе не злобный, грохочущий завод, а капиталистический строй, система собственности, с которой нужно вступить в «решительный и последний бой». Теперь завод помогает пролетарию организовать, соединиться для борьбы за Царство Свободы. Завод помогает пролетарию, пришедшему с полей, преодолеть свой индивидуализм, сливает его с другими товарищами в один мощный боевой коллектив.

Не затем ли уж родился ты на свет,
Чтоб всю жизнь в заводе мучиться,
терпеть,

И прикованным к машине умереть?

(Садофьев. «У станка»).

шепчет пролетарию голос полей, и голос завода отвечает:

Не кляни станки, машины и завод.
...Там покорно, одиноко ты бродил,
Тут вас всех завод в союз соединил.
Там душил тебя протяжный жуткий
сплин

Тут зовет к свободе говор-стук машин
И выводит на огнистый, чистый путь.

(Там же).

Итак, *говор-стук* машин, столь ненавистный С. Григорьеву, подсказывает пролетарию и *средства* (союз), и *путь* борьбы (зовет к Свободе). Понятно, почему С. Григорьев против «Кузницы», против «Поэзии рабочего удара»; но навряд ли один хотя бы коммунист и рабочий сочтет это реакционным.

То, что буржуазии и ее литературным представителям, привыкшим к тишине, к кабинету, к уюту кажется только неорганизованным, «технически-реакционным» шумом, для пролетария—«говор-стук», послуживший основой его песен.

Я подслушал эти песни золотых, грядущих дней

В шумах фабрик, в криках стали, в робком шелесте ремней,

...Я узнал, что мудрость мира,—вся вот в этом молотке,

В этой твердой и упорной, и уверенной руке.

...Эти песни мне пропели миллионы голосов,

Миллионы синеблужных, сильных, смелых кузнецов.

Эти песни — зов могучий к солнцу, жизни и борьбе,

Это вызов непреклонный злобной, тягостной судьбе.

(Вл. Кириллов).

Может-быть, это контр-революция, но именно это «зов могучий», этот «вызов непреклонный» привел нас к Октябрю.

А с победой революции меняется и отношение пролетарского поэта к заводу. Это уже не «темница», где рабочий скован «железными веригами», это рабочая цитадель, откуда пролетариат перестраивает мир, и заводская труба уже не «облитый ржавой кровью и преградивший вход палач», а

«посох исполина в мозолистой руке» рабочего. Пролетариат

Трубой заводской искры сеет
В сердца рабочих и крестьян,
Мы знаем—пламя скоро взрвет
Над далью чужеземных стран.

(Мих. Герасимов. «Труба»).

Правда, техника а вместе с ней и С. Григорьев «против голого огня», «против фейерверков всякого рода», особенно против «фальшфейеров» (фальшивых огней), но что делать, если нет места на земном шаре, куда бы не западали искры революции, а «голый огонь» достаточно погулял по помещичьим усадьбам и фабрикантским особнякам, и это опять-таки не контр-революция.

Итак, С. Григорьев в лучшем случае не понял «завода» пролетарской поэзии, в худшем — сознательно сфальсифицировал его.

Для внимательного читателя сущность С. Григорьева выяснится также из—увы!—совсем не «поэтической», а политической части его статьи.

Для С. Григорьева «все классическое содержание сознания пролетариата, определяемые совокупностью «производственных отношений»... представляется глубоко-реакционным»... «если бы Карл Маркс воскрес, побывал хотя бы на новой только что открытой фабрике А. С. Е. А. в Швеции... он наверное *ввел бы серьезные принципиальные поправки в свои построения*»... (курсив мой—С. Р.).

Были «витии» погромче С. Григорьева по части поправок, пересмотра, ревизии классического содержания сознания пролетариата, определяемого совокупностью «производственных отношений», и не ему, конечно, на примерах пролетарской поэзии это сознание исказить.

Наоборот. Пролетарская поэзия организует это сознание, это сознание играет существенную роль в пролетарской поэзии и С. Григорьев объявляя реакционным сознание пролетариата, невольно обнажает свою

позицию. Дело вовсе не в копоты, грохоте, «голом огне» и т. д., будто бы воспеваемых пролетарской поэзией, не в «технической революции» или «технической реакции».

С. Григорьев, сам, быть-может, не понимает, как сильно своим отрицанием он *утверждает* пролетарскую поэзию.

Слово пролетарской поэзии становится *делом* пролетариата.

В своем недавно вышедшем «Литературном дневнике», в статье о пролетарской культуре, поэтесса Мариэтта Шагинян сообщает:

«У нас (интеллигенции, людей «культуры»—С. Р.) есть право в законе—и беспорядок в жизни; пацифизм в идее—и война в жизни; справедливость в принципе—и несправедливость в действии; философия с

кафедры—и обывательщина дома; красота в музее—и уродство в быту...»

«А здесь (у пролетариата—С. Р.) с самого начала—непонимание даже, как это можно, в «философии» одно, а на деле другое. Пролетарское сознание требует, чтобы «слово стало плотью».

«...Причина успеха и распространение (системы Маркса) в рабочей среде это как раз ее *связь с делом в жизни*; разве она сейчас не единственная из философий, которая, давая познавательную схему мира, делает ее и зараз программой действий, не только учит, но и приписывает. Что делать, если мы не умеем свести *нашу* философию с кафедры и ею указать *путь* жизни. Словом, висящим в воздухе, сыт не будешь¹⁾.

Особенно, прибавим мы, словом *ложным*.

Семен Родов.

¹⁾ Курсив всюду М. Шагинян.

За рубежом.

Пролеткультовское движение на западе.

Борьба пролетариата за свою классовую культуру, начавшаяся в Советской России не осталась без отклика и среди наших западно-европейских товарищей. Центральный Комитет Всероссийского Пролеткульта имеет ряд материалов, характеризующих размах, характер, содержание пролеткультовской работы наших западных товарищей.

К данному моменту мы имеем отчетные данные о работе Пролеткультов в Италии, Англии, Германии, обращение чехо-словацких товарищей о поддержке организуемых ими пролеткультов в Чехо-Словакии, установилась связь с Arbeiter Buchhandlung в Вене, налажена связь с Америкой и только «прекрасная Франция» под выгидой «Пуанкаре—войны» пока еще не связана с нами так, как нам того хотелось бы. Но и там о Пролеткульте знают, хотя бы по статьям товарища Франса Треа в журнале «Clarté», издаваемом известным автором «В огне» и «Свет» Анри Барбюссом. В одной из статей этого журнала¹⁾ т. Франс Треа дает высоко лестные отзывы о постановках Пролеткульта в Москве.

В отделе «За рубежом» мы будем давать все-сторонне полное освещение пролеткультовской

работе на Западе и в Новом Свете комментарии и сравнительное критическое освещение их и нашей работы.

Мы полагаем, что непосредственное изучение материалов, характеризующих работу наших зап.-европ. товарищей даст нашим русским товарищам наибольшую ясность представления об интернациональном распространении идеи Пролеткульта и ее практическом выявлении. Ниже мы печатаем.

1) Программу и Устав «Института пролетарской культуры» в Италии (Турин). В следующем № мы дадим оценку и того, и другого.

2) Обращение товарищей руководителей Берлинского пролетарского театра к друзьям и членам такового.

В дальнейшем наш «Горн» последовательно будет освещать развитие работы Пролеткульта по отдельным странам. Мы просим всех товарищей, желающих ставить вопросы нашим западно-европейским товарищам, вступить с ними в живой обмен мнений—писать нам. Мы открываем широко для этого страницы «Горна» и имеем выходить в ближайшее время журнале «Пролетарская Культура».

И т а л и я.

Институт пролеткульта.

(Секция Института Пролеткульта в Москве²⁾).

Мы хотим дать краткий отчет о том, что уже сделано Институтом Пролеткульта со времени его основания и указать план будущей деятельности Центрального Комитета Института.

¹⁾ Мы печатаем эту статью в полном переводе в след. № «Горна».

²⁾ Т.-е. секция Ц. К. Вс. Пролеткульта.

Институт Пролеткульта был основан в Турине в январе 1921 года по инициативе следующих организаций: Школа Культуры, Кружок Студентов-социалистов, Комитет Арт. Восп. Пролет., Группа «Коммунистическое Воспитание», Группа Комм. Проф. Научная, Группа Коммунистотехников, Санитарная группа и рабочая группа эсперантистов—достигших в этом году значительных результатов.

Временный Комитет вел свою работу около года, т.-е. до созыва ноябрьского собрания

1921 г., когда и был заменен новым Центральным Комитетом. Временный же комитет принял функции комитета обучения. Уже за первый год своего существования Институтом Пролеткульта сделаны богатые успехи в смысле опыта, дающие Центр. Комитету возможность наметить себе, если и не вполне еще определенные, то, по крайней мере, более ясные и твердые директивы.

Вот почему через год после своего основания, благодаря работе самоотверженных элементов, лишенный опоры и поддержки, упомянутый Комитет понял необходимость изменения многих пунктов своей практической программы и своего Устава, дополнив их «предпосылкой», которая с полной определенностью оберегает Центральный орган, т.-е. Пролеткульт находящийся в Москве.

Эту программу представляем на ваше утверждение и с удовольствием прилагаем к сему краткому отчету.

Из опыта первого года работы мы констатируем, что Институт Пролеткульта является организмом самой существенной важности для пролетарской революционной пропаганды.

Приятно и лестно видеть, как ежедневно Институт Пролеткульта расширяет свое влияние, и как из самых отдаленных концов Италии в Турин обращаются рабочие за советом и указаниям.

Наш Институт сносится и с лондонскими товарищами, с которыми обменивается журналами и сборниками. С появлением же ежемесячного Бюллетеня, который подготавливается, эти сношения станут еще более широкими.

И. П. К., не ведя свою работу непосредственно на почве политической борьбы, в меньшей мере подвергается нападкам реакции и таким образом, безусловно, сможет достигнуть больших выгод на пользу коммунистической партии.

Он должен усилить эту партию, которая в виду своих чисто политических функций, сможет точнее всех уяснить существеннейшие формы революционной культуры.

Но работая в этом направлении, наш Институт нуждается в полной всемерной поддержке не только Итал. Комм. партии, но в особенности Моск. Пролеткульта и Коминтерна.

Для Института Пролеткульта первенствующим же долгом является создание Проф. школы.

К настоящему прилагаем выписку об этой школе, существующей уже около двух месяцев.

Центральный Комитет Института Пролеткульта намеревается изучить и подготовить школы: «Комиссаров по хоз. части» и «Инспекторов бюро».

Здесь мы особенно нуждаемся в ваших советах.

Однако Институт Пролеткульта организовал при помощи товарищей—медиков, хирургов школу скорой помощи с реальными познаниями.

В эту школу были приглашены для записи товарищи районных коммунистических ячеек. Занятия продолжались в течение более трех месяцев и дали очень и очень удовлетворительные результаты. Во время музыкально-артистического праздника были розданы награды и дипломы рабочим и работницам, с успехом прошедшим курс. Эти курсы будут возобновлены через несколько месяцев.

Институт Пролеткульта в свою программу включает также важный пункт о физическом развитии, но мы еще не можем о нем ничего сообщить, т. к. едва лишь начали искать возможностей создания при райячейках гимнастических зал и других тому подобных учреждений.

Чтобы развить в рабочих способность созидания, начата широкая, методическая работа, где первой мерой для развития инициативы является уже в данный момент литературный конкурс. В нем могут принимать участие все рабочие, представляя сочинения в любой, избранной участниками форме изложения их мыслей, т. к. указывается лишь на то, что сочинение должно быть приблизительно типа новеллы.

Работы, представляющие максимум ценности, не принимая во внимание предрассудков современной литературы,—будут опубликованы в изданиях Пролеткульта, а также получат награды и дипломы.

Заканчивая, добавим, что Институтом Пролеткульта ежемесячно будет издаваться Бюллетень под названием «Proletcult».

Первый номер уже составлен и выйдет в январе 1922 г.

Программа Института Пролетарской культуры.

Ритм истории особенно ускорился в короткий период последних пяти лет, и каждый более или менее ясно сознает назревающую радикальную и глубокую перемену. То, что в настоящее время ее окружает, это хаос, то свидетелями чего мы являемся—агония; но из этого хаоса должен неизбежно родиться новый порядок, а агония является прелюдией к возрождению человечества. Новый класс предназначен взять в свои руки направление политического и гражданского движения. Двадцатый век ознаменует без всякого сомнения эру пролетариата. Могущественные батальоны рабочей армии находятся уже в пути к завоеванию мира.

Но для того, чтобы пролетариат был готов последовать зову истории вооруженный всеми

своими установлениями, подготовленный во всех своих материальных и духовных силах, необходимо, чтобы он в этот подготовительный период, предшествующий последней борьбе за настоящую эмансипацию, взял на себя в решительный момент громаднейший труд, составляющий его историческую функцию—полное восстановление ценностей цивилизации.

Непосредственное управление социальной жизнью в целях прогрессивного расширения физических и духовных благ, составляющих смысл человеческого существования, предполагает полное развитие в массе классового сознания, которое, однако, не может формироваться иначе, как при помощи настойчивой и всеобъемлющей воспитательной работы. Недостаточно того, чтобы рабочий класс развивал свое политическое сознание в суровом опыте повседневной непосредственной борьбы, руководимой существующим для этой цели органом в лице коммунистической партии. Равным образом недостаточно замыкать громадную энергию труда в профессиональные организации, в то же время приучая пролетариат при помощи хорошо налаженных органов кооперации овладеть сложными производственными и распределительными процессами хозяйственного организма.

Необходимо дополнить круг великой разносторонней деятельности мирового пролетариата, добавляя к трем указанным формам его классовой деятельности четвертую, которая объединяет и завершает эти последние: она должна дать ему непосредственное сознание его собственной цены и обеспечить ему в то же время овладение высшими благами духа, благодаря лишь которым жизнь приобретает для человека значение и стоит быть прожитой.

В течение ряда веков человеческие массы порабощались эгоизмом немногих, и темные души их, подавленные невежеством, стали неспособны даже к слабым проявлениям интеллектуального света и еще в настоящее время многочисленные воспитательные системы, применяемые по отношению к народу привилегированными классами, не могут выработать в сыне крестьянина или рабочего действительно научного познания, которое воспитывало бы в нем понимание, а вслед за тем и творческую деятельность в области истины и красоты; эти воспитательные системы, напротив, стремятся готовить будущих рабов земли или машины, послушные и подходящие орудия, которые можно было бы применять в нужный момент, как какую-либо вещь, лишенную души и свободы выбора той или иной производительной деятельности.

Пролетариат не будет в состоянии осуществить свое стремление к полному освобождению

и еще менее обеспечить себе неотъемлемым образом плоды своего победоносного укрепления в области политической и экономической борьбы, если им не будет создана заранее для будущих, приходящих ему на смену человеческих поколений новая форма воспитания, которая явится естественным прямым непосредственным выражением его нужд, его стремлений, его идеала цивилизации и человечности.

Схоластический тип, который до сих пор навязывали пролетариату его угнетатели на двойной основе церкви и национальности, в результате смешного или бесплодного, соперничества или гнусного компромисса между католиками и либералами в Италии рабочий класс отмечает теперь в теории, оставляя за собой возможность отвергнуть его и на деле, лишь только он будет в силах свергнуть жестокое ярмо своих неподходящих наставников, чтобы поставить на место их работы продукт собственного опыта, своего классового опыта. Новая система педагогики, началом которой было положено гениальным предвидением наилучших и свободнейших мыслителей, исходящих из истинных интересов и действительного назначения человека, сможет быть проведена в жизнь только тем классом, который заключает в себе человеческие ценности и воплощает в себе человечество.

Задаваясь этой конечной целью Институт Пролетарской Культуры далек от того, чтобы хотеть действовать, подобно действиям тех пресловутых учреждений, которые, порожденные политикой буржуазных интересов в отношении низших классов, вводят чисто пассивным инертным способом и ум рабочих строго рассчитанную дозу самых общих знаний или произведений классической поэзии.

Поэзия, наука, искусство, обычай являются в полной мере формами жизни; всякая фаза цивилизации создает свои особенности в соответствии с присущими ей внутренними потребностями, которые, в свою очередь, формируются на основе ее основных и первичных внешних потребностей, и т. к. они являются тем или иным выражением сознательной деятельности человека, то можно сказать, что они не даны заранее, а навязываются ему требованиями и условиями самой жизни. Но произведения духа имеют в противоположность преобладающим созданиям рук человеческих преимущество удивительной нетленности и именно поэтому первые дают все растущее накопление неразрушимых сокровищ, наследуемых поколениями в непрерывной смене времен.

Однако, для того, чтобы быть в состоянии ими воспользоваться требуется, чтобы сознание, воспринимая их, уяснило бы себе свою новую де-

ательность, становилось бы жизнью и подлинным творчеством в овладении истины и красотой, являющимися наиболее высокими проявлениями жизни. Сделать, с одной стороны, простую, богатую силами душу современного рабочего способной понимать духовную жизнь и отдавать себе отчет в собственных своих творениях, а с другой стороны, готовить пробуждение всех творческих сил, пребывающих в массах в скрытом состоянии для грядущей новой цивилизации: такова цель, которую ставит себе Институт Пролеткульта. Последний обращается с прямым призывом к органам, руководящим деятельностью массы в самых различных областях, а равным образом ко всякой личной инициативе, которая пожелала бы приобщиться к данной работе.

Практическая часть.

В части осуществимой немедленно Институт Пролеткульта ставит себе задачи:

1) Развивать критический ум рабочих в отношении всяких культурных научных, художественных проявлений современной цивилизации, освещая те из ее элементов, которые близки душе народа, по духу, содержанию, благотворному влиянию, коллективной полезности, а с другой стороны, подчеркивая все, что носит характер эгоистический, искусственный и утилитарно-классовый. Другими словами должна производиться строгая и безжалостная критика в целях содействия росту революционного духа, что является назначением самого Института. Для этой задачи имеют быть организованы и проводимы посещение музеев, художественных выставок и учреждений научных, промышленных, сельскохозяйственных и минералогических.

2) Использовать инициативу рабочих в деле создания новой структуры коллективной общности, развивая их самостоятельность:

а) в области культурной—созданием школы, призванной обогатить сознание пролетариата пониманием его происхождения и развития исторической деятельности классов; затем школу комиссаров по хозяйственной части и инспекторов бюро в целях подготовки пролетариата к непосредственному веданию собственными интересами и к будущей его социальной роли (школа культуры, воспитания, техники);

б) в области научной—пробуждением при помощи подходящих средств в пролетариате полного понимания современной техники с обращением особого внимания на физическое и умственное воспитание рабочего, как производителя (Тайлоризм, Домашняя гигиена, Рабочее право);

в) в области художественной—собирая и комбинируя самопроизвольные и разносторонние проявления художественной инициативы пролетариата путем уяснения искусства истинно человеческого, свободного от условности и достижимого лишь при коммунистическом строе (народные театры, школы артистов, колесницы богини «Теспи», художественные галереи, хоральные и оркестральные школы).

3) Давая новое направление физическому воспитанию, направленному на укрепление силы народных масс и устраняя в то же время всякие проявления, которые под видом невинного спорта скрывают низкие буржуазные спекуляции и стимулируют страсть к азартным играм.

Для достижения этого Институт пролетарской культуры будет всемерно содействовать образованию групп и других ассоциаций, ставящих себе целью осуществление этой программы (гимнастические залы, экскурсии и т. п.).

Цель института.

Устав Института Пролетарской культуры.

Пар. 1. По инициативе пролетарских органов в Турине создана ассоциация, названная «Институтом Пролеткульта» (Секция Московского Интер. Пр-та).

Пар. 2. Цель Института—расширить пролетарское движение, стремящееся к освобождению от экономического рабства, подготавливая, поощряя и следя за пробуждением всех скрытых созидательных сил рабочей массы для грядущего новой цивилизации. Чтобы достигнуть этих целей, Институт будет прибегать ко всем способам, соответствующим, формулированным и утвержденным общим собранием целям и программе Института.

Пар. 3. Могут состоять членами Института следующие учреждения: Политические, экономические, интеллектуально-физической культуры, поскольку они работают на почве классовой борьбы и проявляют свою деятельность в рабочей среде и в ее интересах. Возможно также индивидуальное вступление отдельных лиц, принадлежащих к какому-либо из указанных выше учреждений.

Таким образом существуют три категории членов:

а) Учреждения, б) коллектив, в) индивидуальные члены.

К категории а) принадлежат все учреждения, указанные в первой части настоящего параграфа. К категории б) принадлежат все записавшиеся в одно из объединений, примыкающих к институту пролеткульта. К категории в) принадлежат

все те, которые указаны во 2-й части настоящего параграфа, т.е. записавшиеся в одно из учреждений, еще не примкнувших к Институту Пролеткульта.

Пар. 4. Желаящие стать членами Института Пролеткульта должны письменно об этом заявить в виде прилагаемой к настоящему Уставу формы заявления. В том случае если заявление будет отвергнуто, проситель может апеллировать в коллегию Третьей Суды, который разрешает вопрос безапелляционно.

Ресурсы института.

Пар. 5. Поступления Института:

- а) Взносы при записи, вступительные взносы.
- б) Добровольные взносы организаций, отдельных лиц и коллективов.
- в) Выручки от конференции, издательств, спектаклей или иных инициатив, отвечающих целям и видам института.

Пар. 6. Взнос при записи для всех категорий членов—две лиры. Единовременный вступительный взнос для учреждений—50 лир. Годовой взнос для членов коллективов—3 лиры. Годовой взнос для индивидуальных членов—5 лир.

Пар. 7. Учреждения могут производить свой взнос единовременно или в рассрочку, но в общем в срок, не превышающий 12 месяцев. По истечении срока без наличия причин, признанных Центральным Комитетом уважительными, член должен считаться выбывшим, а внесенная сумма возвращению не подлежит.

Функционирование института.

Пар. 8. Функции Института выполняются:

- а) Общим собранием членов,
- б) Центральным Комитетом,
- в) Коллегией представителей профсоюзов,
- г) Коллегией Третьей Суды,
- д) Генеральным секретарем.

Пар. 9. Общее собрание членов является высшим органом института; в нем участвуют все члены, выполнившие по отношению к последнему все свои обязательства. Учреждения представляются одним доверенным, снабженным надлежащим мандатом.

Общее собрание членов собирается:

- а) В обыкновенном порядке: каждый год не позже 31 мая, для критического пересмотра положения Института, для обсуждения и одобрения годового баланса, который заключается на 30 апреля, для суждений о моральном и финансовом положении Центрального Комитета,

Коллегии Представителей Профсоюза и Коллегии Третьей Суды.

б) В экстренном порядке: каждый раз когда Центральный комитет находит это необходимым или если не менее $\frac{1}{3}$ числа записавшихся и внесших членские взносы об этом подают заявления.

Пар. 10. Обыкновенные заседания действительны при каком бы то ни было числе присутствующих членов. Для экстренных же заседаний обязательно присутствие по крайней мере $\frac{1}{2}$ записавшихся и внесших взносы членов.

Пар. 11. Центральный Комитет состоит из 11 комиссаров, выбранных из числа всех членов. Эти комиссары, вступив в исполнение обязанностей, выбирают из своей среды:

- а) Генерального секретаря,
- б) секретаря для внутреннего делопроизводства,
- в) кассира—эконома.

Заседание Центрального Комитета действительно, если 6 из его членов присутствуют. Доверенные от учреждений, примкнувших к Институту, могут участвовать в заседаниях комитета и пользуются совещательным голосом.

Пар. 12. Обязанности Ц. К. следующие:

- а) обсуждать и заканчивать все акты, которые оказываются необходимым для установления правильности полученного мандата,
- б) проводить в жизнь постановления общего собрания членов,
- в) готовить и представлять для утверждения общего собрания годовые балансы и отчеты, указанные в п. 9.
- г) Созывать доверенных от учреждений членов, а также обыкновенные и экстренные общие собрания членов,
- д) учреждать по разным отраслям культуры специальные технические комиссии. В каждой из упомянутых комиссий должен будет состоять, по крайней мере, один член Ц. К., ответственный перед последним.

Пар. 13. Представителей от Профсоюзов 3. Они должны наистрожайше следить за бухгалтерией, производить кассовый контроль, составлять годовой и финансовый отчет, следить за исполнением положений устава и решений общего собрания членов и участвовать в заседаниях Ц. К., пользуясь совещательным голосом.

Пар. 14. Членов Коллегии Третьей Суды 3. Они, если требуется, могут улаживать недоразумения, возникающие между членами и между членами Ц. К. в вопросах, касающихся Института, а также недоразумений, могущих возникнуть по поводу интерпретации настоящего устава или регламентов Третьей Суды.

Пар. 15. Генеральный секретарь является ответственным и непосредственным исполнителем решений общего собрания членов и Ц. К., когда упомянутая обязанность, в особом порядке, не возложена на других, подписывает и распечатывает корреспонденцию и является представителем Института перед третьим лицом.

Пар. 16. Внутренний секретарь составляет протоколы заседаний общ. собр. членов и Ц. К., распечатывает полученную Ц. К. почту.

Пар. 17. Кассир следит за правильностью членских взносов, взимает суммы от третьих лиц и производит платежи, которые всегда должны быть оправданы соответствующими документами и удостоверены Ц. К. Ведет книги.

Выборы и обязанности.

Пар. 18 Члены Ц. К. Коллегии, представители профсоюзов и Третейского Суда избираются на 1 год. Всякий выбывший член может быть снова выбран.

Пар. 19. Если член Ц. К. не соответствует в должной мере своему назначению, Ц. К. может обсудить вопрос об его удалении.

Пар. 20. Если некоторые члены—но не более 3—отсутствовали в течение года, по причинам указанным в пар. 19, или по другим, Ц. К. может заменить их другими членами.

Общие уложения.

Пар. 21. Ц. К. может принимать дисциплинарные меры, не исключая удаления из Института, в отношении того члена, поведение которого внутри и вне самого Института делает недопустимым его пребывание в Институте. Недовольные взысканием могут прибегать к Коллегии Третейского Суда.

Пар. 22. Какое бы то ни было изменение Устава должно быть подвержено обсуждению и утверждению обыкновенного или экстренного общего собрания после предварительного уведомления.

Профессиональная коммунистическая школа.

Коммунистическая партия в противоположность социалистической партии чувствует отсутствие в своих учреждениях людей, способных взять на себя обязанности секретаря в профессиональных организациях.

Эта потребность стала тем более чувствительна, когда завоеванные коммунистами организации не были в состоянии работать из-за

недостатка товарищей, способных занять ответственные посты.

Институт пролеткульта был таким образом вынужден создать проф. школу с коммунистическими директивами, которая если не даст отличных организаторов, то, по крайней мере, даст возможность намеченным товарищам справляться с их задачами, не делая слишком грубых ошибок. Профшкола была организована при содействии товарищей организаторов и теперь, через два месяца после ее создания и ее функционирования, мы можем констатировать некоторые недостатки, неизбежные при начальной работе на девственной и неисследованной еще

Программа этой школы следующая:

Профессиональная структура—закон—федерация—рабочий дом—конгрессы.

Профессиональные задачи.

Зарботок—дороговизна—сверхурочные часы — (праздничные)—ночной труд (женщины, подростки)—английская суббота—увольнения — праздники—страхование — безработица—биржа труда.

Внутренние комиссии—фабричные советы — контроль над промышленностью.

Кооперация—объединение — элементы административного права — социальное законодательство—уечные.

Интернационал красных профсоюзов—история рабочего движения.

Политическая подготовка.

В эту школу могут записываться лишь члены комм. партии, при том не моложе 22 лет.

Записавшихся было 50, но впоследствии, при автоматическом отборе, постоянно посещающих курсы осталось около 20.

Причины оставления учениками школы лежат в недостатках самой школы. (Неудобное, сырое, холодное подвальное помещение, недостаток обстановки и дидактического материала и недостаточная подготовка преподавателей).

Преподаватели почти что все рабочие, ставшие организаторами; они хоть и исполнены доброй воли, но не обладают в достаточной мере дидактическими способностями и часто смешивают школу с обыкновенной службой.

Институт Пролеткульта с согласия совета школы и самих преподавателей, стараясь устранить трудности, предложил преподавание административного права тов. Адв. Синьерини, посещавшему высшую школу, и поручил ему согласовать деятельность всего преподавательского состава, путем дачи последнему указаний, каким образом самостоятельно и умело обходить недостаток столь необходимых школе дидактических способностей.

Школа будет для нас предметом опыта, и мы не сомневаемся, что после этого первого

курса мы со временем достигнем большего, но мы были бы чрезвычайно рады услышать мнение и советы товарищей Московского пролеткульта.

Комитет института пролеткульта.

Секция московского пролеткульта состоит из следующих товарищей коммунистов:

Грамин.
Зино Зини.

С. Е. Кроче. Критик искусства (музыка).
Алессио. Техник.
Страджиоти. Техник.
Ботто. Типограф.
Чирио. Плотник.
Казале. Служащий.
Борги Пиетро. Инженер.
Леонатти. Типограф.

Турин, 26 января 1922 года.

Германия.

К друзьям и членам пролетарского театра.

Товарищи!

Вопреки упрямым запрещениям полиции, подерживаемой травлей реакционной печати, пролетарский театр, в течение зимнего сезона 1920/21 г. все же сумел дать до 50 спектаклей.

Отзывы печати от «Kommunistische Arbeiter Zeitung» («Коммунистической Рабочей Газеты») вплоть до «Vorwärts'a» («Вперед»), признание художественных достижений и исполнения даже со стороны буржуазных газет, резолюции различных собраний и съездов и многих тысяч друзей пролетарского театра, свидетельствует о революционных достижениях, достигнутых пролетарской эстрадой пропаганды (Пролетарский Театр).

Трудности, препятствовавшие пролетарскому театру в репертуарном отношении, впоследствии были устранены постановкой следующих пьес, которые оказались вполне выдержанными, как со стороны художественных, а также идеологических запросов.

Осенью с некоторыми исключениями были поставлены:

«Die Kanaker», пьеса т. Юнга, которого сыщики белогвардейского правительства снова схватили. В пьесе мы видим, как влияние буржуазной идеологии парализует и разлагает рабочий класс, но в то же время идея пролетарского единения вливает в процесс борьбы свежие силы и как невежественная грубость капитала ценою своей гибели дает возможность сосредоточенно и сознательно организовываться против него.

«Kote Jahne» («Красное Знамя») пишет: «Стремительные опыты к влиянию содержания пролетарского искусства в новой форме, более значительного и глубокого, нежели все высоко культиви-

рованные сценические произведения буржуазного искусства—для пролетарского театра, это большое творческое дело».

«Vorwärts» пишет: «В целом—это истинное изображение, которое в будущем будет являться как автограмма настоящего времени».

«Frei Bachn dem Tüchtigen» («Домашняя колбасниада») / «Hxuswurstiade» в 4-х действиях тов. Ксевера.

Мы смеемся лютым смехом над этой «Schelsrepublik» (так в данном гротеске названа германская «Демократическая» республика) господина Стиннеса, которую мы смело можем считать лишь маскарадом и домашней колбасной.

«Mashine» («Машина»), американца У. Синкле-романы которого знакомы широким массам.

Ужасна власть порабощения человечества силой бездушного идола капитала. Даже самая наименьшая частица любви потеряна для человека, находящегося во власти золотого тельца. Каждый, у которого не хватает мужества стать смертельным врагом этого чудовища, безнадежно пропал.

«Rote Soldaten» («Красные солдаты»), пьеса тов. Витфогеля, которая в невероятном драматическом напряжении показывает столкновение сил реакции с социализмом и необходимость проведения в жизнь последнего, как высшей меры пролетарской дисциплины.

«Iuda» (Иуда)—рабочая драма тов. Мюзам, написанная последним во время нахождения в тюрьме.

По этому поводу «Freiheit» («Свобода») пишет: «Исходящая из гущи масс воля тянется в революции. Каждый жертвует собою, чувствует себя единым телом массы и как своему лучшему другу отдает свою любовь—напряжение действия сгущается так, что диалоги сопровождаются произвольными выкриками зрительного зала,—и когда марсельеза освобождается от проклятий Иуды, пятитысячная мас-

са встает (посетители мюнхенского спектакля) и воодушевленное одобрение хором несется из уст зрителей».

Товарищи,—все затаено в рабочей массе, от нее зависит, чтобы пролетарский театр, как социалистическая организация, добился признания и смог выстроиться, как можно идеальнее и в хозяйственном отношении. Ведь это вопрос об умонастроении рабочих, правда, воспитанных под влиянием буржуазных кино и сцены, но достаточно ли организационно связанных с этими учреждениями, чтоб их можно было бы считать заведомыми этих институтов буржуазной идеологии, чтобы художественное и пропагандистское значение пролетарского театра вполне и целиком не имело своего влияния в противоположном смысле. Но вопросом же остается возможность дальнейшего функционирования пролетарского театра в разовых помещениях буржуазных антрепернеров и будет ли ими оказана помощь в постройке эстрады, с которой мы хотим пропагандировать наше мировоззрение. Все говорит за необходимость перенесения представителей пролетарского театра в большое театральное помещение.

Ту пропагандистскую работу, которую вы возлагаете на свою классовую печать, на свои собрания, равным образом должны проводить и через пролетарский театр.

В летние месяцы, когда спектаклей пролетарского театра нельзя будет ставить, необходимо использовать всех друзей и членов пролетарского театра для агитационно-организационной работы по укреплению последнего.

Должен быть поставлен во всю ширь вопрос об укреплении нашей организации, так, чтобы к зиме мы имели уже богатые материальные и духовные ресурсы.

Только на основе этих предварительных мер, исполнив этот долг перед пролетарским театром, можно будет обеспечить последнему более удобное помещение и в общем поднять художественное качество постановок. Это даст твердую опору и для наших пропагандистов.

Товарищи, поддерживайте нашу пропаганду—поручите это своим референтам—пригласите нас на свои собрания—согласовывайте свои постановления в сторону получения и распространения наших художественных материалов (пьес) и устраивайте спектакли посредством нашей помощи (артисты).

Установите с нами связь.

Люди, рожденные телом и душою для классовой борьбы, если они жизнеспособны—должны глубоко чувствовать и ясно представить, что их борьба есть классовая борьба за высшие формы человеческого общества.

Эту мысль пропагандирует пролетарский театр.

Критика и библиография.

Этапы развития латышской пролетарской поэзии.

Будущему историку пролетарской поэзии несомненно придется остановить свой взор на тех скромных книжках и рукописях, которые, начиная с 1912 года, по сие время представляют из себя поэзию латышского пролетариата.

Латышский пролетариат, в условиях быстро развивающейся крупной индустрии в конце XIX столетия, сумел достаточно сплотиться в экономическую, политическую, культурную силу и выдвинуть, хотя и в ограниченном количестве, своих классовых писателей и поэтов. Характеристику этой поэзии, в общих чертах, мы и постараемся дать в настоящей статье.

В девяностых годах прошлого столетия, с быстрым развитием крупной индустрии в Латвии, в городах сосредоточился новорожденный класс—латышский пролетариат. Вначале он не представлял из себя единого классового целого. Идеологически он подвергся обработке революционной интеллигенции, т. н. «новому течению» («jaunā strahsva»), среди которого выделялись поэты—Райнис, Эдуард Вейденбаум, Аспазия и др.

Не останавливаясь на Райнисе, о котором мы будем говорить ниже,—Вейденбаум и Аспазия являлись лишь более или менее революционными романтиками.

Их поэзия—протест против шаблонного, сентиментального, национального «общественного мнения» латышской буржуазии и ее искусства в целом.

В их поэзии мы слышим отзвуки той социальной бури, которой суждено было разразиться в знаменитой, в особенности для Прибалтики, революции 1905 года.

Если Аспазия, выступавшая в своих поэтических и драматических сочинениях, как поборница идеи полного освобождения и социально-политического равноправия женщины, то Эдуард Вейденбаум бичевал старое обще-

ство в области религии, философии и быта. Конечно, оба поэта мало касались жизни рабочего класса, но рабочий класс воспитывался их творчеством.

Латышский пролетариат не имел еще своих собственных поэтов, хотя вышедшая в 1903 году книга Райниса «Далекие аккорды синего вечера» произвела целый переворот в области латышского искусства вообще и поэзии—в частности.

«Далекие аккорды синего вечера»—это манифест революционера, декларация «прав и обязанностей» нового человека, типичным представителем которого являлся сам автор книги—поэт Райнис. Райнис определенно звал к борьбе, к сбрасыванию всех цепей, которыми сковали латышский пролетариат царизм и местная власть—баронство и национальная буржуазия. Но грянула революция 1905 года.

И вдруг запела целая плеяда революционных поэтов—Я. Михельсон, Карл Крузе, Карл Скалбе, Ян Акуратер, Апсесделс, но громче и звучнее всех—И. Райнис.

Его новая книга стихов «Посев бури» (вышла 1905 г.) произвела огромное впечатление в читающей массе.

«Посев бури»—латышская поэма «О буреви́стнике». Духом этой книги жил восставший народ—городской пролетариат, сельские батраки и мелкобуржуазная интеллигенция. Правда, последняя была ближе к своим певцам, упомянутым Скалбе, Крузе и Акуратерам, которые хотя дали и менее художественный материал, но, казалось, были все же популярнее в толще народных масс. Как никак теперешний модернист Акуратер написал своеобразный латышский похоронный марш, который поется латышскими коммунистами при похоронах товарищей, расстрелянных правительством «демократической»

Латвии, идеологом которого сейчас является данный Акуратер...

Оставляя в стороне творчество упомянутых певцов «борьбы и бури», ибо это задача специального очерка, остановлюсь подробнее лишь только на Райнисе, этом латышском Фрейлиграте — Верхарне, поэзия которого осталась ближе духу и уму латышского пролетариата, хотя как и он, так и вся группа революционных поэтов *не являлись*, повторяю, пролетарскими певцами и поэтами. И это понятно, ибо революция 1905 года не являлась революцией пролетарской. И это сказалось впоследствии на черной полосе реакции и общем застое развития общественной мысли. Период реакции вплоть до 1912 года не дал нам ни одного примера, даже слабого намека, что пролетарское искусство, пролетарская поэзия грядет.

Группа «революционных певцов» ушла в мистицизм, модернизм, на ряду с своими русскими коллегами — Вячеславом Ивановым, Валерием Брюсовым и Федором Сологубом — в литературный декаданс и мракобесие; занимались оклеветанием и оплевыванием своих недавних идеалов как в юбласти политической, так и в литературной.

Остался один Райнис. Его книга «Тихая книга» (выш. 1906 г.) — памятник на многочисленных, неизвестных и незабвенных могилах, символов пронесшейся революции. Но пролетариат — класс побеждающий, его историческая миссия принадлежит будущему и великий Futurum зависит от исхода его организованности, идейной зрелости и всеобъемлющей классовой борьбы. Классовая борьба всегда являлась основным стержнем жития-бытия пролетариата. А для этого необходимо иметь организованную силу и идеологическое сознание своих целей.

И напрасно было думать о том, что латышский пролетариат, в период реакции — дремал. Наоборот — он готовился. И поэтому неудивительно, что когда грянула Ленская забастовка с последующим расстрелом рабочих, когда широкая волна протеста подняла почти весь русский рабочий класс, — латышский пролетариат оказался рядом с ним. И почти одновременно с русской пролетарской поэзией зародилась и поэзия латышского пролетариата. Когда пишущий эти строки перелистывал страницы «Звезды» и «Правды» и с глубокой радостью и восторгом вшивался в напечатанные там первые произведения пролетарских поэтов — Самобытника, Герасимова, Гмырева, Филиппченко и др., то и у нас в Риге в самое то же время, также в рабочих газетах печатались первые поэты латышского пролетариата — Август Брукленайс, Петр Свирис, Петр Вейнис, Шалкон, А. Шва-

бе¹⁾, и некоторые другие. В провинции печатался Эдуард Шиллер.

В 1912 г. вышла книга стихотворений Я. Карклина «Факел».

В 1913 году книга Вейниса «На фабрике», а несколько ранее книжка Шалкона «Первые входы» и Брукленайса — «Далекое колокола».

Эта творческая работа была прервана мировой катастрофой 1914 г., когда Латвия сделалась плацдармом военных действий, когда фабрики и заводы были эвакуированы (1915 г.) в Россию, когда латышский пролетариат перестал существовать, как единый коллектив, как сплоченная, организованная масса.

И если латышские пролетарские поэты ушли в подполье и замолкли, то их недавние товарищи по перу — Швабе, Карклин и даже Райнис перешли в лагерь патриотов и таким образом вовсе ушли от пролетариата. 4 года молчала пролетарская лира. Только февральская и главным образом Октябрьская революция освободила ее.

В Октябрьской революции латышский пролетариат оказался в России в форпостах ее, рядом с пролетариатом русским. Отсюда впоследствии выросла эта идейная сцепка во всех областях борьбы за социалистическую республику, за строительство новой культуры. Товарищи по оружию на фронтах, сделались неразрывными творцами новой культуры, искусства, поэзии. И жестоко ошибаются теперешние барды латышской буржуазии — Эдуард Вирза, Виктор Эглит и Павел Розит, которые лепечут, что возрождение «латышской национальной культуры» зависит от богатой и старинной французской культуры, что по ее стопам должно идти развитие культуры латышского народа. Пусть утешают себя эти рыцари бодлеровского «Le fleurs du mal»²⁾, — латышскому пролетариату и его поэтам историей начертан другой путь.

И это прекрасно подтверждает творчество латышских пролетарских поэтов. Правда, за 4 года Октябрьской революции латышская пролетарская поэзия не успела раскрыть и оформить все свои творческие возможности.

¹⁾ Арвед Швабе — интеллигент, в начале своей поэтической деятельности примкнул к пролетариату. Его первый рассказ «Как Добуэл гостил у серого барона», поражает остротой сюжета и сочностью стиля. В 1915 году он вместе с поэтом Карклином перешел в стан социал-соглашателей и даже реакционеров. Карклин сейчас в Белой Латвии сочиняет «оды» в религиозном духе; Швабе же — правительственный социалист и идеолог «национального» искусства.

²⁾ «Les fleurs du mal». «Цветы зла».

Этому препятствовали многочисленные условия. Условия чисто внутреннего, эмигрантского характера. Если плеяда латышских пролетарских поэтов, виднейшими представителями которых являются—Петр Сви́рис, Альвиль Цеплис, Эдуард Шиллер, Карл Озол-Предне́к, Пелека́йс признается официальной партийной критикой, хотя не всеми критиками персонально, и что самое главное признается читающей публикой—пролетариатом, то это им стоило напряженной борьбы с рядом незаслуженных нападок в роде «исторического» литературного памфлета, этого документа наигнуснейшей ренегатской демагогии направленной против пролетарского искусства вообще, в роде книги писателя и критика Андрея Упита «Пролетарское искусство» (краткая рецензия о ней мною дана в журнале «Грядущее», в роде рецензии «критиков»—Турка, Имуна и т. под.

Благодаря этим условиям мы имеем лишь следующий перечень изданий:

А. Литературные альманахи:

1) Сборник пролетарских писателей (1918 г.). (Изд. Культ. Просв. Подъотдела Латотдела Наркомаца).

2) Сборник стихов «Красные нити» союза лат. прол. писателей. 1919 г. (Изд. Петроградск. Пролеткульта).

3) «Огонь и цветы» (1920 г.), (изд. Харьковск. Лат. Ком. Клуба «Дарбс»).

Б. Сборники отдельных авторов.

1) «Труд, борьба и победа»—Шалкона. (Стихи изд. лет. подотд. Отдела Просв. национальных меньшинств Наркомпроса. 1921 г.).

2) «Я пою революции»—Шмидта-Биройса. (Стихи 1921 г.), (изд. то же).

В. Журналы, посвященные литературе и искусству.

1) «Дарба Званс» (Колокол Труда). Вышло 3 ном. Петроград. Изд. Латыш. Раб. Театра. 1918—1919 г.

2) «Утро Труда». Вышло 3 ном. Изд. Культ.-Пр. Подъотд. Латотд. Наркомаца. М. 1919 г.

3) «Стрелок» (вышло 6 номеров).

4) «Красная Звезда» (выходящ. сейчас—вышло 10 ном.).

Конечно, поэты имели и имеют ненапечатанные рукописи, которые ждут издателей.

Кроме того, были выпущены литературные приложения к газетам «Кривияс Циня» (Москва), «Циня» (Рига), «Стрелнекс» (Великие Луки) и «Коммунист» (Петроград).

И этим, к сожалению, исчерпывается весь литературный вклад, каковой латышск. пролетарск. поэты вложили в сокровищницу истории пролетарской поэзии.

Мало, чрезвычайно мало, количественно.

А качественно? И качественно слабо, скажут, вышеупомянутые критики. Но оставим в стороне почтенных критиков, с их опытом разгрома всего нового, что не сделано по мерке их литературного трафарета. Пролетариат—класс прогресса и развития. Ему некогда было в течение долгих лет копошиться в пыли трудов корифеев буржуазной литературы. Он ее не отрицает, а относится к ней критически, изучая, берет, что ему нужно. Так поступали и латышские пролетарские поэты. Правда, не было и нет еще у нас *единого мнения* по отношению к литературе прошлого. Наблюдаются явления, когда некоторые поэты (И. Эйдук, Вольд, Якобсон) увлекаются эстетизмом и часто впадают в революционную реторику. Есть течение (Альвиль, Цеплис, Петр Сви́рис и Роберт Эйдеман¹⁾), стремящиеся к левизне унтмэновски верхарнского смешанного стиля, сознательно изгоняя из своего творчества лирический момент, предоставляя главное место интеллектуальной концепции переживаний. Эта группа издала сборник «Uguns un Seedi» (Огонь и цветы). К ним можно отнести и латвийского «гастевиста»—К. Йокума. Далее мы наблюдаем группу, т. н. революционных реалистов—К. Пелека́йс, Шмидт-Биройс, К. Силинш, которые опять-таки впадают в весьма и весьма упрощенную крайность голой пропаганды коммунизма. Но на ряду с реалистами мы встречаем и «революционных романтиков и импрессионистов» (Шиллер, Астра, Петр Вейнис, Шалкон, Веена), которые сохранили почти целиком *старую форму* и трафаретные образа. В дальнейшем мы имеем поэзию *латышских стрелков*, правда, сейчас уже отошедшую в историю гражданской войны, но в свое время несшую в себе большие возможности и возбуждавшую большие надежды, виднейшими представителями которой являлись—Петер Лавин, упомянутый выше К. Пелека́йс и многие другие.

Что касается *содержания* произведений вышеупомянутых направлений, то оно, безусловно, революционно-коммунистическое. Конечно, существует разнообразие их в выборе тем. Одни воспевают труд, революцию, фабрику; другие трагируют больше всего чисто психологические проблемы; третьи останавливаются на бытовых

¹⁾ Его поэма «Старец» напечатана в журнале «Красная Новь» № 3, 1921 г.

вопросах, воспевают явления природы и т. д., но ни в одном стихотворении вы не найдете безсодержательной словотрескотни. Конечно, бывают некоторые исключения, как, например, Петроградская группа (И. Эйдук, Ю. Юлиан), которые иногда вместо поэзии подносят революционную фразеологию, что в нашей среде называют «бомбизмом» (от слова бомба).

Но это исключения.

Заканчивая настоящую статью, мы можем смело сказать, что несмотря на то, что часть латышского пролетариата находится под игом «своей» буржуазии в Латвии, где о возможностях для развития пролетарской поэзии сейчас можно говорить очень осторожно, оставшаяся и выросшая в Советской России плеяда латышских пролетарских поэтов будет продолжать свое

дело, совершенствуя свое творчество, как со стороны содержания, так и формы, в постоянных поисках нового содержания — новых форм, новых образов, что, в конце концов, приведет латышскую поэзию к ее историческому назначению — быть великой организующей силой пролетарской психики, воспитателем и путеводной звездой ее в эпоху переоценки психологических, моральных и эстетических проблем, в эпоху пролетарской революции.

Скарификатор.

Р. С. В ближайшем будущем Латсекция Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей выпускает сборник латышской пролетарской поэзии на русском языке, который послужит, быть-может, иллюстрацией к настоящей статье.

Романы А. Библика.

В № 1—3 журн. «Творчество» за 1921 г. напечатан роман А. Библика «На черной полосе», являющийся продолжением романа «К широкой дороге», который появился впервые в журнале «Современный Мир» 1912 года (июль—ноябрь). В романах отражаются две разные, следующие одна за другой, эпохи в развитии освободительного движения русского пролетариата.

Первый роман изображает рост революционного и классового сознания пролетариата, его мучительную тяготу «к широкой дороге» жизни, рассказывает о том, как герой романа слесарь Игнат Пастернак крепнет духовно, порывает со старыми традициями и, пережив неизбежную драму «Отцов» и «Детей», покидает теплый уголок родителей, узких мещан, захлестывается бурным потоком революционной борьбы, попадает в ссылку, увлекается интеллигентной девушкой и, когда вспыхивает революция 5 года, становится вождем масс, кипит в бурном стремительном водовороте событий, а когда революция терпит поражение, готовится к новой будничной работе.

Во втором романе разворачивается «черная полоса» после революционной реакции, здесь звучат уже другие ноты. Черный флер тоски облек всю жизнь. Рабочий класс устал и безнадежно махнул рукой на будущее. В цепких объятиях отчаянья застыли вчерашние борцы. Заканчивается роман характерными строками:

«Кто-то вздохнул. И потянулось молчание. Молчала и ночь».

Герой романа Игнат Пастернак и автор, несомненно, одно лицо.

«То, что пережил Игнат в семье, на заводе, в тюрьме, ссылке в 1905 году» говорит в предисловии к роману «К широкой дороге» — В. Львов-Рогачевский, близко знавший автора — «все это пережил и бывший рабочий Харьковских железнодорожных мастерских Библик, и не только пережил, но и реагировал также».

Ценными документами целых исторических эпох являются эти романы-биографии.

Это первые большие романы рабочего для рабочих.

Не говоря уже о том, что пролетарский быт и психологию Библик дает в новом освещении «изнутри», он вводит и указывает в литературе нового героя — пролетарского интеллигента с своеобразной психикой, выработанной новыми социальными условиями.

Игнат прежде всего глубокий коллективист с богатой индивидуальностью и красочным мировоззрением.

Во многообразном потоке событий и лиц Игнат ищет правду коллектива, частицей которого является сам. Его личная правда там, где правда коллектива.

Индивидуализм чужд природе Игната. «Душа, душа — мы много толкуем о душе, а по правде сказать со своей душенкой носимся больше всего. И не в этом дело. Выйди на улицу. С кем ты сливаешься. С тем, кто тебе по дороге. Одна цель, сотрудничество — вяжут людей достаточно крепко».

Так возражает Игнат другу Артему. Еще яснее, резче выступает эта черта психологического склада Игната в диалоге со старым

Шурбой, происходившем после инцидента с анархистом Павлом.—«Не в том дело Романо-вич»—грустно ответил Игнат—«когда какой-нибудь барчук, или анархист из барчуков ставит себя центром вселенной и плюет на всякую коллективность через губу—это, конечно, нахальство, но это все же понятно. Но вот, когда плевать, играть в сверхчеловека начинает наш же брат, выросший на людях—это для меня непостижимо. Дико» (стр. 227).

Игнат гармонически развитая личность, сочетающая богатую индивидуальность с тонкой духовной организацией. Он ярко чувствует и ритмы заводов, и ритмы природы, и собственного сердца. Коллектив для Игната является частью природы, великого космоса.

В этом отношении он шире своего друга Артема, странным образом считавшего в себе коллективизм с индивидуализмом.

Артем сливается с коллективом постольку, поскольку он является для него средством найти его личную правду. Он ищет и не находит в нем ярких, сильных индивидуалистов. Отсюда его скептицизм, озлобленность, разочарование в людях и неизбежная оторванность от коллектива, приведшая к самоубийству. На эту тему друзья беседуют не раз.

«С людьми, значит, у меня не все порвано. А этого-то я и боюсь, потому что, Игнат, в тот день, когда порвется эта связь—понимаешь?..

— «А природа, а внутренний мир?»

— «Что?»—переспросил Артем, будто слегка удивленный и задумавшись, глядя в окно.—«Нет же знаю, то-есть не то, что, а—главное ведь в людях, Игнат, в человеческом» (стр. 104).

— «Главное—отношение человека к природе»,—говорит Игнат.

Игнат против индивидуалистов—«деревопоклонников», бегущих в лес со своим одиночеством.

— «Нужно, как можно ближе стать к природе»—говорит он девушке интеллигентке Нине в беседе о «Пане» Гамсуна.—«Но зачем же, Нина, человека выбрасывать из природы. Конечно, все эти Гамсуны любят природу, умиляются перед гнилыми пнями, но ведь человек-то—разве он хуже этого пня».

В противоположность Артему, безразличному к природе, Игнат связан с ней самыми нежными сокровенными чувствами.

Идя от Артема, живущего в городе, по короткой и узкой, словно каменистая яма, улице, Игнат, оглядываясь, спросил Артема:

— «А где же тут солнце встает?».

Артем кивнул головой через улицу:

— «Кажется там. Знаю, что спускается там, где-то за этими домами».

Игнат улыбнулся.

— «И звезды какие-то чахлые. Не любят они огня вашего. Приходи вот когда-нибудь на Новоселовку. Или в поле выйдем. Вот посмотришь звезды. И коростели дырчат... Перепела....

Игнат романтик. Суровую действительность он превращает в бодрые, пьянящие звуки.

Под впечатлением оперы «Гугеноты» у него вырывается:

«Если бы люди всегда жили так под музыку или же внушали себе, что жизнь красива и заставит себя слушать музыку».

Он рвется вперед к светлому будущему, перевоплощает его в сказку.

Романтизм Игната—это романтизм, поднимающего класс, чувствующего на себе гнет действительности, чтобы быть бунтовщиком, но достаточно, свежего, чтобы, чувствуя свой рост овещать свой бунт светом надежды.

Идеал такого романтизма—реальный, практический и, самое главное, неизбежный в закономерности исторического хода вещей.

Оттого, что автор занят Игнатом, масса не ступеньвается. Автор поражает многообразием ярко выраженных индивидуальностей, составляющих массу.

Вот старый годами, но молодой душой, искатель правды, наивный, добродушный Журба. Прямой, чуткий, искренний, полный энтузиазма, он среди детей является живым укором «отцам».

И резким контрастом рядом с ним выделяются фигуры Максима—отца Игната и токаря Костычева—отца. Типичные представители пролетарских отцов—мещан с узкой идеологией маленького сытенького благополучия, они смутно чувствуют правду «детей», но принять ее не могут.

Правда их жизнь обречена на гибель. И когда она гибнет, наступает раскаяние.

«По дурачки я жизнь прожил»—с сожалением сознается Максим, когда становится больным, неспособным к труду инвалидом.

— «Да будь она трижды проклята эта работа. Я не могу больше ходить по этой собачьей дудке. Всю жизнь она, всю душу вымотала, эта работа». Воскликает он.

Но бунт запоздал. Завод выжал его, как лимон, отнял здоровье и обрек на преждевременную смерть.

А вот рабочая мещанская молодежь: Асмолевский и Черницин.

Эти стыдятся своих трудовых рук, выдают себя за конторщиков. Цель их жизни выпить, пощеголять, похулиганить.

Дальше идут, характерные фигуры: Степан, товарищ Игната, из честолюбия ушедший в анархисты, Костычев желчный, ненавистник партийной интеллигенции, Новиков, разочаровавшийся в революционной борьбе, упавший духом после первой неизбежной встряски.

Все эти индивидуальности являются типическими представителями различных внутренних группировок среди пролетариата.

Типы революционеров-интеллигентов значительно бледнее. Образ учителя Игната-Гановича, являющегося выразителем настроений определенной части партийной интеллигенции, не ярок, не глубоко продуман, но схвачен достаточно верно. Для Гановичей дело революционной борьбы—высокий, героический подвиг; они тоже «романтики», им доставляет удовольствие романтическое самолюбование своим подвигом; работа их в партии должна искупиться «особой благодарностью» со стороны рабочих.

Между Игнатом и Гановичем происходит в ссылке объяснение, резко вскрывающее причины отчужденности Гановичей от масс.

«Ганович сидел минуты две молча, тиская голову руками. На губах блуждала желчная улыбка, глаза смотрели грустно. Когда он говорил снова, голос его был то глухой, то хриплый, то неожиданно резкий и взрагивающий, словно его трясла лихорадка».

«Мы ждали иного отношения. И после того, что мы делали на благо всего движения, после всех жертв, которые мы принесли, мы в праве были ожидать его... Я не жалею, конечно, о причиненных жертвах. Пусть так, но представляете ли, вы, господа рабочие,... впрочем вам трудно понять это. Ну, что, вы теряете, вступая на путь борьбы. Тюрьма, ссылка. Но, ведь это не может вам доставить особых страданий, потому что вы привыкли к лишениям. Но, когда человек отказывается от комфорта, разбивает карьеру, даже личное счастье,—это, знаете, чего-нибудь стоит. Смотрите, я разбитый, больной человек, не способный уже к усидчивым занятиям, я почти не двигаюсь в моем развитии. А между тем»...

Ганович остановился. Игнат боялся, что он разрыдается и невольно поднялся. Но через минуту Ганович продолжал:

«Сегодня, например, я получил письмо от одного товарища. Он окончил уже институт, получает большое жалование, участвует в нескольких общественных организациях, пишет... и делает, в общем, больше, нежели я. А другой... другой женился на моей невесте.

— «Значит вы раскаиваетесь?».

Ганович бросил в его сторону испуганный взгляд.

— «Нет... Да и бесполезно было бы. Но я не вижу моей работы».

— «А вы хотите, чтобы она всем бросилась в глаза?».

— «На свою работу я смотрю, как на выполнение долга, товарищ Игнат».

— «Ну, тогда что же, будьте удовлетворены сознанием, что вы его выполнили».

Ганович вскочил со скамьи.

— «Вы сегодня цинично настроены, товарищ».

— «Может быть. А еще мне кажется, что вы требуете от нас какой-то особой благодарности».

— «Позвольте Пастернак...»

«Ну, тогда я совершенно не понимаю вас»— резко кончил Игнат и снова растянулся на койке.

Ганович запахнул полы пальто и повернулся к двери.

«Да вы правы. Мы плохо понимаем друг друга».—Сказал он уходя.

Гановичи никогда не могут слиться с массой, не могут дело борьбы пролетариата за освобождение признать своим делом, и, конечно, рабочие, для которых брешь—кровное дело, никогда не поймут их.

Трагедия Гановичей в том, что они не способны замечать того, что их «воспитанники» переросли их духовно и могут многому поучить своих бывших учителей.

Но и рабочих не идеализирует автор. В ряде сцен и описаний он правдиво вскрывает их отрицательные качества: отповедь этим качествам Бирик влагает в уста беспартийного рабочего Перегудова, при чем в лице его автор дает психологию т. н. беспартийных, сочувствующих рабочих масс. Эти массы по многим причинам не в партии, но душой они в ней, интересы ее волнуют иногда б.-м. больше, чем некоторых партийных.

«Конечно был и наш грех», говорит на митинге Перегудов. «Думали к примеру по евангелию и прочее... Ну только что правда вышла на вашей стороне, у молодых-то, стало-быть, глаза вострее». «Много у нас хлама в голове» сознается Перегудов, «не так скоро переваривается, сжилось ведь со старым-то. Опять же семья. То, се. Ведь вы молодые, больше вольные птицы. А куда нам сунуться».

Бесхитростно и просто бичуя беспартийных стариков, Перегудов не хочет щадить тех «партийных», которые «не с того конца резьбу режут».

«Выходит значит и там (в партии) не без греха. Сначала-то оно все кошки были серы, ну, а потом и присмотришься. Но, между прочим, какие резоны. Ежели скажем ты не социал-демократ, значит подлец».

«Смотрите» любовно предупреждает он—«как бы эти скороспелые социал-демократы вашу вывеску не испортили».

С искренней болью он указывает на больное место партийной работы: «Все слова да резолюции, а дела нет никакого. Это тоже причина. Вам понятно поговорить, на демонстрацию сбежать или еще что, а наше дело не молодое. Работу пора бы какую ни на есть. Разве мы не знали, что ежели болезнь или что—прямо ложись, да помирай. А вы все слова».

После крушения революции Игнат, хлебнувший достаточно будничной черновой работы, поубавил романтизма. Ибо уже не нужна стала сказка, а «нужны цифры»—нужно «говорить уроки, делать терпеливо будничную работу. Но хватит ли сил—спрашивает Игнат. На этот вопрос дает ответ следующий роман «На черной полосе».

В романе «На черной полосе» Игнат является душевно изломанным человеком. В нем нет той определенности и ясности, что в первом романе. Игнат потерял душевное равновесие; он переживает тяжелую внутреннюю драму интеллигента рабочего, отделенного от масс,—новыми неизбежно, сложившимися социальными условиями черной полосы реакции.

«Была ночь, дорога в ней казалась такой безнадежной далекой, что гасла вера в себя, в свои силы. Не дойти, не дождаться того ликующего дня».

Так сквозь призму настроений Игната автор характеризует «черную полосу».

«Облетели цветы, догорали огни». Усталая разочаровавшаяся рабочая масса, деморализованная в условиях реакционного быта, махнула на все рукой, отвернулась от вождей.

Остро до боли почувствовал Игнат вставшую между ним и массой стену. Чтобы доказать массе, что он с ней, что он для нее готов на любую жертву, пусть даже бессмысленную, Игнат делает безумный поступок, идет на завод с депутатией, наверняка, зная, что его там ждет арест.

Игнат глубоко анализирует себя, может быть он виновник отчужденности масс. Да, он знает, что «обинтеллигентился», значительно перерос рабочую массу, но знает также, что «никогда, ни на одну минуту не переставал понимать эту массу и остро чувствовал свою близость к ней и страдания, которые она переживала».

В отчаянии Игнат готов причиной отчужденности считать свою интеллигентность. Разумеется он их понимает, но они его... Как много чувств и мыслей остаются без раздела и отклика.

Прежней, непосредственной близости уже нет. Оставшись без вождей, массы махнули на все

рукой; одни ушли в мещанство, другие ударились в пьянство и т. д.

Игнат не может не болеть за них душой. У него вырывается: «Пролетариат, знаменосец свободы и новой высокой морали, ах, как же он непригляден в его буднях, как он темен, дик и корыстен!»

Жизнь в условиях черной полосы требовала крепких нервов; пужны были новые герои, герои будничного незаметного труда.

А Игнат не мог уж быть таким героем. Как романтик, не замечающий противоречия между романтическим «взлетом» и суровой, неприглядной действительностью, он способен был лишь на яркий стремительный порыв.

Он не может, физически не может, кропотливо и медленно день за днем строить кооперативные лавочки, союзы, или заниматься с кружками рабочих, мечтающих о картах, выпивках, не может не загореться ярким пламенем, в невероятном напряжении, хотя бы на час, на минуту и затем погаснуть навсегда.

— О! на это у него хватит сил.

Несоответствие «романтики» и «действительности» рождает в душе Игната сумятицу разлада.

Романтизм революционера—бунтаря, не мирящегося с усталостью и унылым безразличием массы переходит временами в пессимизм.

Еще недавно, сражавшийся на баррикадах, бросавший в массы пламенные речи о захвате власти, о владычестве пролетариата Игнат говорит:

«Как это печально. Какой длинный путь предстоит еще пройти нашему пролетариату, чтобы быть готовым к своей высокой миссии, чтобы привить себе чувство ответственности»—«А между тем находятся люди, которые подло льстят и кричат о полной готовности нашего пролетариата. О готовности взять в свои руки государство. И какое государство—Рос-сию!»

Романтизм Игната проявляется даже в отношении к партийной работе. «Ему предлагали взять партийную работу с некоторой оплатой, но он отказался брать плату за работу, а работа нужна была прежде всего его алчному духу. Что бы там ни было, а этот уголок его души, души романтика должен оставаться нетронутым. Стать профессионалом чиновником.—Да, никогда».

И вполне понятно, почему Игнат нашел удовлетворение в работе писателя—художника. Эта работа дала исход его романтическому чувству, алчущему ярких красок, радужных надежд, зовущих на новые битвы.

Оторвавшись от коллектива, от масс, оказавшись одиноким, Игнат, естественно, стал искать

другой связи с жизнью, он построил мост между жизнью, людьми и собой «из тонкого кружева женской любви» — сошелся с девушкой революционеркой Ниной из чужой ему мещанско-интеллигентной среды. Связь с Ниной была одной из причин душевной изломанности и двойственности Игната. Эта связь вскрыла глубокие противоречия представителей двух чуждых друг другу классов. Сначала взаимное непонимание, затем затаенный, а в последствии уже открытый протест и борьба, тяжелая борьба почти на протяжении всего романа, вот результат этой связи.

Образ Нины, слабо выделяющийся в романе «К широкой дороге», резко и отчетливо выступает в романе «На черной полосе». Нина — «сказка», красивый мираж заменяется подлинным реальным характером.

Нина в первом романе, умиленно мирящаяся с нечеловеческими условиями ссылки, успокаивающая в минуты отчаяния крепкого уравновешенного Игната, Нина, в революционные дни под обстрелом солдат спокойно приводящая в чувство беременную женщину и зовущая Игната на рискованное предприятие по снятию осады с завода — эта Нина теперь чувствует неприязнь к Игнату за его грязные от работы руки, за запах его пота, за грубые неинтеллигентские выражения. Она не может с ним пойти в театр, потому что у ней нет нового платья, ее уже не волнует, ей безразлична уже судьба пролетариата.

Разгадка этой перемены заключается в том, что Нина социалистка «теоретически» — по книжечке.

Исчез первый молодой порыв увлечения; осталась мертвая теория. А на ней далеко не уедешь. И мелко-буржуазная мещанская природа Нины «выворачивается нутром». Она увлекается любовной игрою с припомаженным Доц Жуаном — Валерьяном, потому, что «внешне он

был изящен, пахнул тонкими духами и довольно хорошо пел. А главное всегда умел угодить ее желаниям, угостить свежим шоколадом, который она безумно любила, оказать маленькую услугу, сказать комплимент, немножко двусмысленный, но мило лстящий и так почему то приятно щекоцущий».

Влияние Нины — мещанки, несомненно, отразилось и на психологии Игната. Чем же иначе можно объяснить стремление Игната стать инженером, учителем и его наивный детский план сделаться мастером, чтобы дать Нине возможность выучиться на врача, а потом на ее заработок жить вдвоем и работать в партии. Но подобные планы и мысли посещали Игната редко, в минуты забытья, а потом в нем опять просыпается пролетарий-коллективист.

«Пробуждение мысли. Пробуждение человека в забытом рабе — вот, что может делать он — токарь Гудимов (нелегальная фамилия Игната) и вот чего не может делать инженер Пастерняк. В этом его сила и в этом же его творчество — красивое вечное творчество».

Игнат переживает тяжелую личную драму и выходит из нее прежним Игнатом, — цельной личностью.

Он уходит «из чужого дома», порывает связь с женщиной мещанкой, находит свой дом «в голом сарае», в котором группой партийных работников издается рабочая газета. Он снова «чувствует себя среди равных себе», хотя у него такое ощущение, как будто только что перенес тяжелую болезнь. Но кризис миновал. Он снова чувствует радость проснувшихся желаний, чувствует «тягу к людям». Он снова у своего любимого дела «пробуждения мысли». Черная полоса его жизни кончилась; за ней должна последовать следующая полоса рассвета, после темной молчаливой ночи. Может быть автор и о ней когда-нибудь расскажет.

И. Пчелинцев.

И было...

(из старой хроники).

И было в лето от Р. Х. тысяча девятьсот двадцать второе, а от начала Коммуны пятое, и увидела свет книга по названию *Миг*, изданием известного книжника и книгопродавца *Гржебина* в Санкт-Петербурге, в штабной типографии отпечатанная. И было в ней, в книге *Миг*, страниц числом восемьдесят; а стихов — по названиям их — числом тридцать; а имен богов и богинь, египетских, греческих, римских, хри-

стианских, — *Изида*, *Киприда*, *Афродита*, *Христос*, *Саваоф* и проч. — всего числом с десятков; и царей и цариц — *Клеопатры*, *Соломона*, царицы *Савской* и прочих — числом не менее; и мужей и жен прославленных из всех народов и веков — множество; и столько же было наименований рек, стран, городов, гор, царств и государств.

А сочинителем был муж верный и достопочтенный *Валерий*, многпрославленный из известной

семьи *Брюсовых*, в славном городе Москве издавна проживавших.

А прославился он, Брюсов Валерий, как поэт, ученый, и маг, и как один из основоположников святого учения, под именем *символизм* известного. И хотя многие из пророков и учеников учения этого священнический сан и даже постриг приняли, он же, Валерий, в миру остался и тяжелый крест греховности мира на себя принял. В народе послухи злонамеренные пущены были даже, что изменил сей муж достопочтенный учению своему и с еретиками и богопротивниками большевиками в союз вступил, однако, всем наущникам книга *Миг* противостоять твердо может. Ибо, прочтя книгу эту, всякому, и непосвященному, ясно станет, что не забыл ратник Слова—Духа, Слова—Мистики и забыть не мог ни *гнева божьего*, ни *бича божьего*, а также, что и помнил он о *храме*, *горе Синае*, *псалмах* и *четках*, в его стихах упоминаемых.

И всем маловерующим и в глубине его, Валерия, веры сомневающимся, читали на собраниях и в дружеских спорах, следующие стихи его:

Нет, не струны, нет, не трубы,
Мой напев над морем веите.
Закрываю тихо ставни,
Подношу покорно губы
К золотой забытой флейте:
Властвуй в темной тишине
Старомодный, стародавний
Отзвук, милый только мне.

И хотя не понимали ревнители символизма зачем было достопочтенному гражданину Валерию тихо ставни закрывать и пребывать в темной тишине, однако, ни для кого сомнений быть не могло, что именно *отзвук* старомодный и *стародавний* остался мил сему мужу, а не те бесовские пляски и песни, что в те времена полонили грешный мир.

И еще указывали, что до того ревность сочинителя нашего дошла, что даже на заводе, этом мрачном символе богопротивной власти большевиков, для него *утром колокол звонил*, хотя, насколько известно, на заводах не колокола, а гудки бывали.

А тем, кто и этим не убеждался, хором читали:

В привычности ужаса
Над небесною пропастью
Богомольно склонись.

И привычный ужас, действительно, обуял всех маловерующих, и богомольно склонялись

они перед стойкостью прославленного поэта, не убоявшегося соблазнов мира,

Где музыка скорби лишена гармоний,
Где величава лишь смерть, а жизнь —
только ставка,

И все же оставшегося верным старым заветам.

И уверовав, скопом читали стихи его, и умилялись много многозначности их и таинственной силе. И не пугался никто темноты и непонятности стихов некоторых, ибо прозревали верующие за тьмой смысла свет веры. И много мест таких было, но особо горячих споров удостоились два четверостишия.

А первое было:

Что во сне счастливым этот вскрик подавленный,
Этот миг, где сужен вздох до стога, что? —
Древний перс, приливом на песке оставленный,
С мели, чьих жемчужин не собирал никто.

И не то сомнения вызывало, что миг—это перс, хотя почему бы ему не быть честным христианином, а *то, где оставлен сей перс*? И еще *перс ли с мели* или *жемчужины с мели*? И что такое мели, и почему мели? Нашпаче же споров вызвало разночтение: *мели* и *мелй*. Некоторые говорили: *мели*, а другие говорили: *мелй*; первые говорили: слово *мели* от слова мели, а вторые говорили: слово *мелй* от слова молоть. А когда последним указывали, что в их чтении смысла нет, то возражали они, что и иначе смысла нет. А третьи, примиряя их, заявляли, что смысл здесь тайный и что, вообще, смысла не надо. Но примирить враждующих им не удавалось и те в спорах твердили свое. И как только прочтут *мелй*, как другие отзовутся: *мели*. Мели мели, мели мели...

Отсюда и пошла пословица: мели Емеля...

А другое место было:

Над сном надежд, что стаи птичьи, рея,
Кружат года, крик ястребиный зол.
Но дни, все дни взмывают, не старея, —
Вот коршун, голубь, стрепет, чиж, орел.

И много трудились, спорили и разрешали: надежды ли реют, как птичьи стаи; года ли кружат, рея, как птичьи стаи; года ли кружат птичьи стаи; или, наоборот, птичьи стаи, кружат года; и т. д., а всего вопросов по этим четырем стихам насчитывали 33, а так как число это мистическое, то постановили решить, что смысл и здесь тайный.

И не понимая, за тьмой смысла прозревали свет веры, и умилялись премного учености сочинителя, и вспоминали сколь он в этой малой книжке привел имен богов, царей, гор, рек, стран и государств, и опять умилялись.

И читая стихи его, поклонники его сливались с ним в мистическом поцелуе, о котором у него сказано:

И если наши губы отравлены поцелуем,
Хотя и пытаешься ты порой противоре-
чить,

Это потому, что когда-то у стен Ветилуи
Два ассирийских солдата играли в чет и
нечет.

Примечание. Должно быть, он потому и
стихи писал.

Списал и сообщил, а также
примечание, по размышлении,
поставил.

С. Оленев.

Изнемогающая вялость ¹⁾.

За все время революции, до прошлого года, часть русских писателей молчала. Ушла куда-то, скрылась, отреклась от величайших событий наших дней. Молчала, и только изредка подавала голос — то затаенно-злобный, то слезливо-враждебный. Затаенно-слезливый, трусливый.

Делала «добрую мину при плохой игре», жаловалась на отсутствие свободы печати, на невозможность печататься. И дело было как будто в этом, только в этом. Все разговоры о том, что в «датском королевстве» не все благополучно, что старая литература не замолчала, не затаилась вовсе, а переживает глубочайший кризис, отстала, осталась в прошлом, — все эти разговоры относились на счет «революционной фразеологии».

— Дайте только свободу печати, возможность издаваться, и...

И вот, более года, как эта возможность предоставлена. Что же? Среди сотен и сотен книг, книжечек и книжонок, выброшенных на рынок старыми, знакомыми, иногда славными в литературе именами, найдете ли вы что-нибудь действительно талантливое, идущее в уровень с нашими днями?

Я не боюсь вывода Евг. Замятина, который он делает в своей статье: «Я боюсь»: — я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое». («Дом Искусств», № 1). Предостерегающий голос с той стороны литературной баррикады оказался горьким пророчеством: пророчеством последнего часа. Да, старая русская литература вся в прошлом. У нее нет будущего.

Как и все в русской жизни, и литература сейчас строится новым, революционным классом,

¹⁾ Федор Сологуб. Фимиама. Стихи. Изд-ство «Странствующий Энтузиаст». Петербург. 1921.

Федор Сологуб. Одна Любовь. Стихи. Изд-ство «Myosotis». П. 1921).

идущим на смену прошлому. На прошлом же лежит смертельная тень «изнемогающей вялости»; лежит она и на авторе приведенной строчки — Федоре Сологубе.

Обе разбираемые книжки — «Фимиама» и «Одна Любовь» вышли в 1921 г., последняя напечатана на правах рукописи, следовательно говорить о ней много не приходится. Рассчитана, так сказать, на круг приятелей, издана из любви к искусству. Не будем и мы покушаться на «права» автора. Приведем только одно стихотворение, характерное своей никчемностью, показывающее до чего может испиться когда-то большой мастер.

Соловей
Средь ветвей
Для подружки стрели мечет,
И ручей
Меж камней
Ворожит, журчит, лепечет.
У ручья
Соловья
Слушай, милому внимаю.
— Жизнь моя! —
— Я твоя? —
О, любовь в начале мая!

Нужно, действительно, испытать последнюю стадию «изнемогающей вялости», чтобы эту белиберду выдавать за поэтическое творчество. Для кого не ясно, что оно из тех стихов, которые специально изготовлялись когда-то «Сатириконом» для своего почтового ящика.

Если «Только Любовь» издана в ограниченном количестве, то «Фимиама», очевидно, предназначена для всеобщего употребления. Здесь тоже любовь, но не только любовь. Рядом с восхвалением сигары и мечтами об острове Самоа, где поэт «слагал бы поэмы о любовном пожаре, о нагих красавицах» и «дома ходил бы совсем голый», — молитва:

В пути томительном и длинном,
Влачась по торжищам земным,
Хоть на минуту стать невинным,
Хоть на минуту стать простым,
Хоть краткий миг увидеть Бога,
Хоть гневную услышать речь,
Хоть мимоходом у порога
Чертога Божия прилечь!
А там пускай затмится пылью
Святая Божия тропа,
И гнойною глумится бябью
Ожесточенная толпа ¹⁾.

И тут же восхваляется «лукавый путь веселого порока», женщина, которая «как лук, натянутый не слишком туго... животом и грудью встретит друга», и другая—у которой «муж стар и очень занят, все заботы и труды» и которой «только пасынок порою сердце развеселит».

И все это, понятно, «только мистический круг».

Был символист Федор Сологуб, хороший поэт, правда, горький поэт, представитель того класса, которому

Безнадежностью великой
Беспощадный веет свет,

для которого

...в мире нет святыни,
И надежды в небе нет.

Был, а остался Федор Сологуб—мистик, разбавленный доброй долей парнографии и старческой немощи.

А это—один из лучших. Конечно, с их точки зрения.

У этих умирающих и мертвых одно утешение:

«И мертвые мы мудро правим».

В этом опасность. Во власти старой, отмирающей буржуазной культуры над частью строителей будущего.

Эту опасность нужно признать, нужно ее возможно скорее преодолеть.

Семен Родов.

Федор Сологуб—Заклинательница змей. Роман. П. Изд. «Эпоха» 1922 г., 226 стр.

Роман—ниже обычной сологубовской силы, но в обычном Ф. Сологуба стиле: власть и упоение страстей, отвратительные, уродливые гри-

масы неизреченной подлости и пошлости людской и несколько мистики. И все эти психологические узоры развертываются на фоне общественных отношений; личные характеры приобретают значение обобщающее; отдельные фигуры выступают почти символически. Но читатель, вопреки видимости, не верит в данную общественно-психологическую схему, ибо главные лица своим поведением не оправдывают своей общественной сущности, а коллизия не разрешается ничем. Внешние события не вносят разгадки, удовлетворения, не дают законченного определяющего эффекта.

В романе выступает фабрикант Горелов, упитанный весельчак и волокита с крепостническими замашками, впрочем не без либерализма, собственник «змеиногo гнезда». С другой стороны—Вера, работница-писариха на фарфоровой фабрике, красавица и умница, «заклинательница змей», решившаяся использовать преследования хозяина для благой цели—выманить у него передачу фабрики в пользу рабочих. И она добивается своей цели, при чем хозяин, начавший с грубого крепостнического заискивания и подкупа, кончает восторженной и бескорыстной влюбленностью.

Вера, которую так легко представляешь задорной веселой и смышленной фабричной девушкой, на протяжении романа выступает как бы во множестве разных ликов, что делает ее образ совершенно неубедительным: то она сухо, по книжному, рассуждает о прибавочной стоимости (Сологуб... и прибав. стоимость), о том, что рабочему нужно надеяться только на себя, что религия—суеверие, выгодное для богатых и т. п., то вдруг идет за советом к какому-то святоше, сектанту и перед ним развивает свои планы обольщения Горелова в стиле некогда модного декадантствующей девицы: «нет, я не стану плясать перед ним и выпрашивать милости. Как царица я возьму все, как царица, как судьба, как смерть». И та же Вера не чужда мысли о какой-то высшей силе, которая обрекла ее на подвиг, а иногда и прямо обращается к Богу.

Гораздо ярче и правдивее в романе некоторые эпизодические лица: брат фабриканта, самоуверенный, расчетливый и хищный рантье Башаров, инженер Шубников—интриган и предатель, сын Горелова—развращенный до конца своим положением и всей обстановкой, дочь Башарова Елизавета—взбалмошная, пустая и испорченная роскошью и праздностью девица. Впрочем, эти персонажи взяты настолько сатирически сгущенно, что и тут читатель не может избавиться от некоторого сомнения, только уже не идеологического, а эмоционально-художественного порядка.

¹⁾ Сравни это с мотивами писем Гершензона в «Переписке из двух углов». Родство мысли полное.

Фабричные рабочие в массе в романе совсем не даны; отдельные фигуры очерчены слабо и между прочим.

Языковый стиль романа—неровный, сбивающийся, путанный: то простота, доходящая до банальности, то—прикрасы до бескусной вычурности.

Отсюда экскурсия Ф. Сологуба в область идеологии фаб.-заводского пролетария может почитаться совершенно неудачной.

Клавдия Ласрова.

Михаил Герасимов. Негасимая сила. Поэмы 1921 года. Москва 1922 год. 111 страниц. Изд. писателей «Кузница».

В книге, изданной на этот раз прилично, 14 поэм и стихотворений. Книга довольно ярко подчеркивает сдвиг в поэте от прошлого к будущему, от узкой плоскости вагранки к станку, в котором чувствуется начало «Негасимой силы».

«Негасимая сила» говорит сама за себя. Это, прежде всего—революция. От революции взято все то, что, в конце-концов, является ядром силы, движущей к победе. Это, прежде всего—труд. Этапы пути к победе, обуславливающей негасимость силы—таинство труда, посева, животворящий станок, точка исхода—негасимая сила—революция. На путях ее скрещивают мечи две силы—светлая и черная. Средства последней—мещайства,—обывательское тупоумие, голод. В результате—черная пена, всплывшая на поверхность пореволюционного быта. В настроениях поэта, который уверен в победу первой силы, черная пена это—нарыв, временная болезнь. И даже здесь он—оптимист. И в «Черной пене», и в «Голоде» звучит бодрый мотив.

Но не тухнет
Нервов моих пожар—

Так говорит в «Черной пене».

Вскинете над весенней синью
Ресницы к солнцу, кто не слеп—
Не будет горькою полынью
Слезами просоленный хлеб.

Так заключает в «Голоде».

Победит светлая, негасимая сила, поэтому надо, чтобы проникли все в таинство труда и посева. Старый мотив Герасимова.—Слитый трудовой удар города и деревни звучит в «Таинстве посева».

Город,
Прочишь труб каменные уши
И таинство посева слушай.

Обратно: слушай деревня «таинство труда». Идеологическая предпосылка: деревня, в распыленных силах, не знает организованных трудовых ударов. Узнай!..

Дополняющими мотивами и той и другой силы являются остальные поэмы и стихи, как «Степные диссонансы», «Песня утренних зорь», «Чилига», «Чучело» и др.

И раз поэт верит в «Негасимую силу», то, понятно, больше всего останавливается на ней.

Рано или поздно весь мир встретит новое утро. Мысль о новом утре в мировом масштабе—«Любимая» поэта, любовь и воля. Грядущее не мечта. Его видит поэт через «ночную дому» с тысячами огненных рук». Через «Станок», созданный заводом и фабрикой, через станок, организующий пролетариат—к станку вселенной. Это начало обобщения единого мирового процесса труда.

И от сознания, что сам поэт в трудовом процессе слит с мировым станком—он видит не мало истинных революционеров, которые:

Рады умереть ради родимого,

Ибо:

От солнца радио-вести.

Солнце—символ горения, негасимой силы, родимого.

Многие скажут: новый жупел—космизм открыли. Надо сделать поправку: пролетарский поэт не может быть просто бытовиком и просто космистом, ибо он должен вмещать все. Иначе он—не пролетарский.

И хорошо сделал Герасимов, что не застрял в «дыре», воспетой Полетаевым. Хорошо, что миновал мелкобуржуазной космики Казина из «Рабочего мая». И прошел мимо «похорон» Кирилова.

Будущее—за социализмом и техникой. Электричество—первоисточник расцвета и планеты, но не все. Герасимов в крупных обобщениях, дающих клубок завоевавший революции и чудеса техники, понял, что грядущая культура вырастет из техники, наука будет первоисточником организации труда, следовательно и быта. Он поет об электрификации. «Электрон», Электрожилы—элемент его языка, новое в технике стиха. И структура новых поэм—сложные обобщения, собиравшие единицы в одно целое.

В этом отношении он роднится с Филиппченко, но идет своим путем, имея в запасе и свои слова, и образы, и технику.

В технике—тоже большой сдвиг. Герасимов раскрепощает стих от законов, им же созданных, а вначале навязанных теорией стиха. Он упрощает, развивает свободный стих, доводя его до обычной образной речи, уничтожая рифму. Таких мест много почти во всех поэмах.

Но вечно есть плохое—ошибки. Для современных поэтистов по Горбунову «Каждый раз на этом месте» «это место» — бессилие ясно и четко давать цельный образ произведения. Другое: перегруженный, сплошной лиризм; а потому односторонность формы, отсутствие того, живого, кто создал революцию и носит в себе «негасимую силу». Не поэты ли говорят:

«Много у них непонятого».

Поощряя поэта на углубление в почву нового пути, к «станку», хочется еще раз сказать: дайте центр поэмы, заставьте почувствовать во плоти и крови, лицом к лицу того, о ком поете, создайте, наконец, величественный пролетарский эпос в соединении с пролетарской лирикой. Сказавший так—будет первым из первых, гомером нашей эпохи, создателем и ваятелем образца негасимой силы.

П. Яровой.

Семен Родов. «Перебежки Зарниц». Стихи. Издание Пролеткульта. Петроград. 1921 г. 34 стр.

В книге 21 стихотворение. Они случайно подобраны и не выявляют названия книги. Цельным настроением стихов Родова можно смело назвать революционность, искреннюю веру в осуществление и закрепление за революцией права торжества. Сильнее всего это сказано стихотворением «Перебежки Зарниц».

Наши дни—разъяренная конница
По могильным курганам веков,
И, прищипленная, вихрем гонится
За далеким огнем маяков.

Но только из этих строчек, но и из других стихов можно заключить, что поэт не только интуицией зарядил поэтическую натуру, но и мыслит диалектически.

«Могильные курганы» веков—путь истории, пройденный путь борьбы, через могилы, к созданию «разъяренной конницы» наших дней. Но кто же поверит смелости «разъяренной конницы», если впереди нет маяков? Пока «народам разбуженным»—возьмем условно Европу, Азию, Африку—только кажется, что путь конницы—только «огненная перебежка зарниц».

Но поэт верит в грядущее. Слышит:

И гудит он напевом поющим
И каждому ясен и прост.
Мы первые строим к грядущему
Над миром взброшенный мост.

И вот это грядущее в прозрении поэта—материалиста:

В грядущем
Туннели,
Каналы,
Пути...

И только после организации земных благ:

«Чтоб каждый вселенную в сердце носил».

У Родова есть свой путь—песни о маленьких революционерах, о быте рабочих. Быт и лирика, гражданские мотивы, Октябрь. Его интересуют и такие темы, как национализация, поляки в Киеве и Красная армия. На грядущее он смотрит через сегодняшний день, поэтому не забывает его и в рядовом революционере видит героя, несущего камень для закладки нового здания. Меньше всего поэт о заводе, почти ничего—о вагранках, не специализируется в трудовых процессах. Он проще других, разнообразнее и более других не выявлен вполне, находится в процессе роста.

По форме Родов отличается тоже почти ото всех. По-«новому»—стар, по-«старому» нов,—редко изошрывается ассонансами, рифма полная, не всегда твердая, но ясная; Родов мало думает о звуковых, цветовых, слуховых и пр. мудростях, о которых кричат на перекрестках, в «стойлах» и «сопозах», отыскивающих новые сочетания во имя звучности, самодовлеющего образа. В этом случае хорошо делает. Книжка имеет один главный недостаток—мала, составлена случайно и не дает законченного целого. От такого составления книг следовало бы предостеречь.

П. Яровой.

Семен Родов. В Урагане. Поэмы. Петроград. Издание Пролеткульта. 1921 г. 43 стр.

Как и в книжке «Перебежки Зарниц». Родов выдвигает прошлое и будущее («завтра и вчера») и твердо ступает по земле сегодняшнего дня. Этот отпечаток на всех поэмах. Даже к октябрю он подходит, как к простому сегодня, и в нем не риторичен, прост, без барабанного боя. Он почти один из пролетарских поэтов «Кузницы» старается внести в поэмы сюжет, и в обстановку октябрьского пожара вводит живого героя.

Глухим предчувствием томим,
Илья поутру встал поране.
Выходит. В утреннем тумане
Смятенье бьется перед ним.

В поэме есть быт, обстановка, намечается действие.

«Инна» похожа на сказку о той, что жила до революции, что не может жить в будущем. Поэт говорит, что Инна—не наша, что

Наши не нежат, не холят,
А если нежат, то не таких.
Огнем ветровых приволлий
Обжигаем подруг боевых.

Вчерашнее в Инне, а о нем можно сказать:

Ты—зыбь отходящей ночи

Сегодняшнее узнаем через поэта:

Мы—новый красный день.
Никогда не полюбит рабочий
Умирающую тень.

Верно: Родов не любит «Умирающую тень» идеологически выдержан, но формально его можно упрекнуть в некоторой отсталости в форме. В «октябре» больше всего чувствуется тяжелый груз, положенный старыми поэтами. Это отчасти видно из первого приведенного четверостишия. Трудная вещь вылезть из-под Пушкина, не быть задавленным футуро-имажинистами и пр., но вылезть из старой оболочки надо.

Довольно хорошо сделана Инна.
Рабочий прочтет и поймет книгу.
А это говорит за ценность книжки.

П. Яровой.

С. Обрадович. Октябрь. Стихи. Государственное издательство. 1922 г. Москва. 32 стр.

В книжке 15 стихотворений. Издана книга прилично на хорошей бумаге.

Россия прошлого—дореволюционная, Россия настоящего—Р. С. Ф. С. Р., сдвиги в России, пожар и жизнь внутри—багаж Обрадовича, принесенный на книжные полки.

В других книжках много о заводе и рабочем, в Октябре—просто рабочая Россия до и после революции.

Путь этой России таков:

Годы глухой дорогой,
Вехами монастырских глав,
Кликушествуя убого,
С причитаньями брела.
Смутным вопросом билась
У распятого Христа в ногах,
Проселками бродила,
Терялася на площадях.

Это—чернокостная, рабочая Русь.

А у княжьей боярской знати
Позумент, серебро, шелка.

Это боярско-дворянская Русь. Исторически намечены противоречия классов. А посему: выбор один из двух, или

С кистенем разбойным овраги,
Тягло с мякинным куском.

А потому:

Не окольную дорогой—
К солнцу на прямой пошла.

Пришел октябрь, как неизбежность и выдержала Русь, несмотря на «язвы», тиф, холеру, голод.

И стал:

Сердцем Интернационала—Кремль,
Красным исходом—Москва.
Как в море, в мире не дремлет
России девятый вал.

Почему? Поэт утверждает, что девятый вал захлеснул даже Якут—заговорили о Марксе, Ленине и о коммуне. Китаец к плечам Урала взором раскосым приник. Во всем мире «звучит о труде аппаратами радио-станций». А потому верит, что Африка знойно-сонная впишет знамена «Со-Ре».

Это нашим рабочим маем
Всходит новь.

Застрельщики, севцы нового зерна и пожигатели нови заводы, фабрики Москвы, Петрограда и множество городов и сел. С Интернационалом идут рабочие и работницы—от 1905 г. с «дуби-пушкой к 1917 и в будущее с интернационалом по городам, степям, через горы—к солнцу напрямик.

Корабль октября смело ведет зоркий рулевой

Старик молчал... О, сколько было власти
В его глазах и в жилистой руке!

Обрадович неизменен в форме. Простой в языке, образе, элементарен в темах. Гражданин, коммунист, бытовик. Верен октябрю, но не указывает, не предрешает путь Октября в завтрашний день. Его «радио-вести» далеки от «радио-вестей» Герасимова. Его стиль обычен, в рамках законов о стихе. Отстает в технике от техники, как многие поэты, пока что замкнулся в октябре механической силы, победы

винтовкой, бесчисленностью рати, но не подошел еще к октябрю культуры.

Если стихи Обрадовича—начало и нужно ждать продолжения, и если продолжение будет без изменения—плохо. Читатель вправе требовать новых путей в искусстве. Как выходная точка—стихи Обрадовича нужны и интересны для рабочего читателя и обещают лучшее.

П. Яровой.

Стихотворения Георгия Чулкова. (Изд. «Задруга». М. 1922 г., стр 112)—стихи «божественные», годятся для чтения верующим перед изъятием церковных ценностей, а также для утешения отставных княгинь. В иных случаях для чтения непригодны.

С. О.

Лацис-Судрабс: «Последний бой».

Революционная хроника в пяти действиях, семи картинах. Театральная библиотека «Революционная Сценопись» № 9. Изд. кружка драматургов «Революционная Сценопись». Москва—1921 год. Цена 10.000 руб.

В «Необходимом указании» автор поясняет, что... «настоящая революционная хроника представляет из себя опыт дать в драматической форме агитационную вещь для настоящего момента»; «автор задался целью наглядно показать массам, через какие трудности приходилось проходить Советской власти, чтобы «победить», и наконец, «автор здесь не выводит отдельных лиц, героев. Если они и действуют, то как представители той или другой партии и класса. Массовые действия, общение с зрителями,—вот что имелось в виду».

Волюне признаем каждый опыт, в пролетарской драматургии, ограничиваясь в первое время хотя бы революционной хроникой (событий) наших дней. В этом смысле как ценный материал, впоследствии, будет использовано пролетарскими драматургами для создания подлинно художественных драматических сочинений очень многое.

Как на яркий пример, в этом отношении, можем указать на только что выпешшую книгу тов. Д. Сверчкова «На заре революции». Книга поражает и заражает читателя изобилием и сочностью, на ряду с точным изложением исторических фактов, ярко художественными образами.

«Последний бой» т. Лациса «поражает» сухостью «стиля» и протокольным изображением трактованных в хронике явлений. Так и хочется написать...

«Протокол № 1 заседания анархистов подполья в сентябре 1919 в городе Москве» (Действие первое).

«Протокол № 2 заседания белогвардейской организации». (Действие второе).

«Протокол № 3 заседания ответственных партийных и советских работников в помещении М. К. в Леонтьевском переулке. (Действие третье).

«Протокол № 4 заседания фабзавкома». (Действие четвертое).

«Протокол № 5 торжественного заседания представителей М. К. Р. К. П., Совнаркома, Совнархоза и т. д.» (Действие пятое)...

Как видно, каждая часть хроники отделяется от предыдущей порядочной «дистанцией».

Если автор пишет, что «настоящая данная им рев. хроника представляет агитационную вещь для настоящего момента», то он глубоко ошибается. Во-первых, агитировать таким языком, каковой находим в хронике Лациса, можно было лишь в первые годы—в остро военный период нашей революции; настоящий момент требует иных способов и методов агитации (хотя бы и в драматической форме); во-вторых, фраза, что «автор задался целью наглядно показать массам, через какие трудности приходилось проходить Советской власти, чтобы победить», опять таки ничего не говорит, ибо, как мы уже указали, в «Последнем бое» «наглядно» приведены протоколы, а из последних вряд ли, что-нибудь наглядного эти массы усвоят. Ведь эти массы все это пережили на деле куда глубже, шире и трагичнее, чем это сумел изобразить тов. Лацис на бумаге...

В-третьих, автор прав, что он в своей хронике «не выводит отдельных лиц, героев, но у него все действующие лица говорят лишь одним языком... автора».

Чтобы запечатлеть переживаемую нами эпоху художественно, необходима кисть художника, резец скульптора, перо мастера слова—драматурга, писателя, поэта.

Тов. же Лацис только протоколист, в лучшем случае—фельетонист. В его «Последнем бое» нет ни одного художественного образа, хотя автор задался целью «наглядным» способом в «драматической форме» и т. д. и т. п., но из этого абсолютно ничего не вышло.

Наконец, драматическая форма произведений т. Лациса—собственно там нет никакой драматической формы. Можно несколько суток под ряд смотреть в пустую раму трюмо и не увидеть своего лица. Так и в творчестве т. Лациса.

Для характеристики соч. т. Лациса приведем некоторые выдержки, вроде... «Мы привыкли народу говорить всегда всю правду, как бы

горька она подчас ни была... Эту горькую правду я вам сейчас сообщу, в надежде, что вы найдете средства и мужество *исправить* создавшееся тяжелое положение. Опасность угрожает с двух сторон: со стороны Деникина, с юга и со стороны Юденича—под Питером—так произносит свою речь председатель Московского Совета перед чрезвычайным собранием Московских Профсоюзов, осенью 1919 г., в связи с наступлением белых армий.

Аналогичными, правда, революционными речами, нестрит вся «песа» тов. Ладиса.

Но,—чем дальше в лес, тем больше дров,—и перед нами образчик того, как не следует наглядно изображать столь великое мировое историческое событие как—провозглашение Европейской Социалистической Федеративной Советской Республики. Тов. Ладис и здесь остается верен своей способности протоколиста-фельетониста.

Идет торжественное заседание представителей Р. К. П., Совнаркома, Совнархоза и др. представ. пролетарской власти, по случаю празднов. 20-летия годовщ. Сов. России. (Действие пятое).

Председатель: Председатель Московского Комитета Володин просит слова для внеочередного заявления. Пожалуйста.

Володин. Вам уже тов. председатель собрания сообщил об образовании Европейской Соц. Фед. Советской Республики. Московский Комитет по этому случаю устраивает грандиозную демонстрацию, примкнуть к которой *просят* и нас.

Голоса: Идем, идем.

Володин: Районы уже подходят к Красной площади, поэтому я прошу немедленно.

Председательствующий: Во всяком случае нам необходимо сейчас прервать наше заседание и направиться на Красную площадь, чтобы приветствовать первый Революционный Совет Европейской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Возражает ли кто?

Голоса: Никто, никто.

Председатель: Знамена вперед! (Володин и стоящие на сцене берут знамена и спускаются со сцены в зрительный зал и средним проходом направляются к выходу; за ними следует оркестр (обязательно оркестр!), играл Интернационал, за ними остальная публика, со сцены, а потом, весь зрительный зал).

И это все?!—в недоумении будет спрашивать читатель или зритель. По случаю победы европейского пролетариата, председательствующий находит возможным «во всяком случае» прервать заседание, но... как будто еще сомневаясь, спрашивает собрание не «возражает ли кто!!»

Вряд ли последний бой пролетариата с буржуазией первый понимает так, как это ему ставится «наглядно показать» тов. Ладис.

Поэтому, нам кажется, «Последний бой» тов. Ладиса—вещь некудышная и нечего было ее издавать.

Скарификатор.

Ю. Н. Дрейзен. Музыка и революция (лекции об историческом развитии музыки, читан. в красноарм. Универс. в 1921 г.). Могилев. 110 стр.

Автор лекций одним из первых (первым следует считать тов. Кушнера) ставит вопрос огромной важности: об историко-материалистическом анализе музыкальных явлений и форм. В ряде глав («техника производства и музыка», «характер русской народной песни», «Мейстерзингеры», «романтизм в музыке», «классовый характер творчества отдельных композиторов») он пробует на исторических примерах дать такой анализ. Однако удачным его анализ можно признать лишь в той мере, в какой он касается первоначальных, примитивных форм музыки (у дикарей, у древних греков); здесь т. Дрейзен совершенно справедливо устанавливает зависимость нашего восприятия от свойств и применения инструментов, а эти свойства выводит из техники и хозяйственных форм общественного бытия. Но как только он переходит, хотя бы к музыке XIX столетия, касаясь Бетховена, Мендельсона и других, сейчас же начинает говорить не о формах музыки, как таковых, а о так называемом «содержании», т.-е. о моменте внемузыкальном, моменте обще-идеологическом. Совершенно ясно, конечно, что настроения и эмоции богатого буржуа Мендельсона и полупролетария Бетховена различны и даже противоположны. Но ведь теория музыки этим не занимается; ее интересуют приемы, комбинации, конструирующие методы, музыкальные материалы. Вот дать марксистский анализ всех таких именно явлений в музыке было бы действительно важной и серьезной задачей, (напр., проблема сонатных форм, проблема метроритма, приемов гармонизации и т. п.). К сожалению, они не только не разрешены, но даже не поставлены автором лекций. Нет поэтому ничего удивительного, что говоря в конце книжки о музыкальных перспективах, он не может дать ничего, кроме избитых шаблонных представлений о будущих коллективных хорах и оркестрах. Вопрос о революции в музыке, вопрос о радикальной перестройке всего музыкального здания буржуазии для тов. Дрейзена как будто не существует.

Между тем в настоящее время молодые новаторы уже начинают эту перестройку. От музыки хоров и оркестров т.-е., от музыки искусственных инструментов, от музыки вне жизни стоящей к музыке труда и машин, к музыке шумов, к музыке самой жизни—таков их путь. Понять этот процесс, как процесс коллективизации общества и его культурных орудий (в том числе и музыки) и значит в значительной степени найти ключ к марксистскому методу в сфере теории музыки.

Б. А.

Молодая Гвардия, ежемесячный журнал Ц. К. Р. К. П. и Ц. К. Р. К. С. М. № 1—2., апрель—май 1922 г., стр. 264.

В наше время, среди многочисленных народившихся журналов и журналоподобных, редко встретить интересный и строго выдержанный орган. Большинство не имеет ни своей линии, ни программы. Случайный подбор материалов, случайный состав сотрудников, круг которых весьма ограничен, и которые сегодня—в журнале Главполитпросвета, завтра в бледно-розовом или туманно-желтом альманашике в той или иной пропорции, в той или иной комбинации.

Тем более нужно приветствовать новый журнал, в котором живость содержания удачно сочетается с определенностью коммунистического сознания. Конечно, есть более или менее мелкие дефекты, чаще чисто технического свойства, но они устранимы и не мешают общему благоприятному впечатлению. «Молодая Гвардия»—журнал ценный не только для молодежи, но и для всякого сознательного рабочего, для всякого коммуниста.

У нас нет возможности остановиться подробно на отдельных произведениях и статьях, но из приводимого ниже содержания журнала, всякий может убедиться, какой он представляет интерес.

В № 1—2 «Молодой Гвардии» помещены: рассказы—*П. Низового*, *Новикова-Приболя*, *Н. Жукова*; поэмы и стихи—*А. Безыменского*, *С. Малашкина*, *Семена Родова*, *С. Обрядовича*, *Мих. Герасимова*, *М. Дикова*, *А. Жарова*; статьи: *П. Лепешинского*—«Пролетарский классовый праздник» и «Из протоколов вольно-дискус. клуба», *П. Вардина*—«Политические партии после октября», *В. Адоратского*—«К вопросу о возникновении коммунистического манифеста» (отд. общественной науки), *А. Колонтай*—«Письма к трудящейся молодежи» (отд. «вопросы жизни») *В. Фриче*—«Социальное значение искусства» (отд. «вопросы искусства») *Б. Завадовского*—«Животное и растение» (отд. «Естеств. науки»), *С. Свенчан-*

ского—«Освобожденный труд», *В. Вишнева*—«Полет без мотора» (отд. «Достижения труда, науки и техники»), *Н. Б. Крупской*—«Как надо читать книгу» и «Кружковые занятия», *Е. Херсонской*—«Об ораторском искусстве» (отд. «Что читать и чему учиться»), *А. Стоклицкого*—«Международное обозрение»; отделы сатиры и юмора, спорта, критики и библиографии.

«К голосу международной красной молодежи на страницах «Молодых Гвардий» Германии, Франции и Италии, борющихся за дело коммунизма», заявляет в передовой редакция, «присоединяется и наш журнал, соратник и товарищ в борьбе и будущей победе».

Приветствуем нового соратника в борьбе за пролетарскую культуру и ее будущей победе.

В. Б.

«Теори» журнал студий московского пролетарского № 3 и 4.

На 3-ей книжке журнал достаточно определился, чтобы иметь о нем суждение. Как и обычно в журналах такого типа, наиболее богато представленной оказывается стихотворная часть. Здесь выделяются стихи Кириллова и Александровского. Кириллов пишет стихотворение на тему большую и современную, но пишет в старинной хорошего тона манере, веским и медленным пяти-шести-стопным ямбом. И надо сказать, что эти средства не сказались у поэта негодными для выражения самого напряженного пафоса коллективной души осознавшего себя пролетариата.

Кто скажет «здесь мое» и дерзостно отторгнет

От общей музыки своих усилий звук,
Здесь тысячи творцов в проклятиях и во-
сторге

Сплели живую вязь из чудотворных рук...

Несколько старомодный язык поэта, необычное теперь влетение в речь старинных славянизмов, эта привычная условность торжественных од, не смущает и не оскорбляет нашего уже достаточно модернизированного сознания и удачно сочетается у поэта с словами теперешнего обиходного языка.

Приходится отметить и обидный недосмотр: из принятого правильного метрического русла досадно выскакивает одна, неоправданно укороченная строчка, к тому же вообще построенная тяжеломерно и неуклюже:

...Кем создан, сотворен когда.

У Александровского в стихотворении «Март» новая для поэта упорядоченность в разработке

темы и заметный поворот от туманной расплывчатой символики к конкретным образам.

У Герасимова взято стихотворение совсем несоответствующее его поэтической силе, убогое в своих нарочных прикрасках; какой-то винигрет несогласованных образов: с черных булавок веток, которые тычут ослепшую луну, ветер околушивает бородавки гнезд; кто-то, взмыленный лунным светом, мчится без дороги, неведомо куда; под копытами хрустит неживая скорлупа давно выпитого счастья, а всадник «грустью хмурюя продрог», потом вдруг в беспричинный восторг впадает и приглашает звезды брызнуть ему в лицо золотыми кистями хмеля.

У Обрадовича стихи в обычном для него как бы повествовательном стиле по обстоятельности в передаче переживания; с оттенком лирической грусти и обязательным мотивом умеренной бодрости в заключение.

Если исключить стихи давно определившегося и достаточно уже известного Нечаева и Праскунина, остаются, кроме уже отмеченных только стихи студийцев. Думается, что стихи теперешних слушателей студии, еще только вырабатывающих свое поэтическое лицо, не следовало бы помещать так вразброд и врассыпную; лучше бы было дать одного-двух поэтов, но представленных в большем числе стихотворений, что дало бы возможность полнее выявить характеру дарования каждого. По отдельным же стихотворениям—для тех, кто данных авторов не знает,—они так и остаются неизвестными, или о них получается ложное представление; для тех же, кто их знает, не остается возможности проследить успех и сделать какие-либо общие выводы.

Беллетристический отдел в этом номере значительно слабее стихотворного. Останавливают внимание только сценка «Господь в гостях» М. Волкова и «Весенний день» Боровского. У Волкова в форме театрального лука дано мещанское представление о Боге, доведенное до абсурда. В упрек можно поставить только излишнюю грубость в отдельных местах и растянутость во второй картине, в сцене выпивки у Аллаха.—«Весенний день» как бы заметка из записной книжки; таков и интерес ее; хотя у автора и есть попытка отделать эту заметку литературно, но рассказа, конечно, получиться все-таки не могло—материал недостаточен.

Картинка «Из прошлого» Плетнева—вовсе не удалась: сентиментальное поучение.

Кириллов в своей попытке написать коммунистическую утопию оказался не в силах выйти из круга понятий своего времени: принудительный труд, знакомые лозунги, слишком привычные элементарные представления об успехах

техники, наивное предположение об общем неомрачающемся весельи и т. п.; сохранена и государственная организация—советы—только во всемирном масштабе; существуют национальные республики. Только одна мысль останавливает внимание, как новость, мысль об отделении производственных центров, городов, от населенных мест, и, кажется, уже общепризнанное предположение о торжестве эстетического начала во всем внешнем устройстве жизни. Банальность и прозаизм изложения усугубляют впечатление скуки. Статьи журнала оставляют впечатление неудовлетворяющее и спутанное. Статья Арватова—еще одна декларация о массовом театральном творчестве без каких-либо конкретных и практических указаний.

Статья Козырева—еще одна общая перелицовка давно надоевшего и несчастливо поставленного вопроса о «содержании» и «форме».

Хотелось бы и в теоретической части журнала видеть участие самих студийцев; нужно, чтобы журнал был отражением их лабораторного опыта и пособием в практической студийной работе.

В этом отношении является показательным и интересным отдел рецензий. Еще так недавно беспомощные в литературном отношении студийцы здесь, в оценке произведений своих товарищей, уже проявляют большой литературный вкус и чуткость и обнаруживают строгую идеологическую выдержанность. Рецензии написаны живо и умело.

Есть шероховатости и опiski, но тут скорее вина редакции, чем автора; напр., в рецензии о сборнике «Паяльник» совсем неожиданным является заключительное приветствие и пожелание дальнейших успехов, сделанное всерьез, хотя читатель, настроенный всем предшествующим изложением, склонен отнестись к сборнику совершенно отрицательно.

Редакционный недосмотр оказывается в особенности в отчете о работе Центральной Литературной студии. Многие замечания руководителей и участников собеседования являются необоснованными и необидительными в таком виде, как они переданы, и в приложении к тем примерам, которые приводятся. Есть и фактические ошибки у составителя отчета.

Думается, что неточности неизбежны при составлении сводки о заседаниях по тому неудобному плану, который принят. Либо уж нужно давать подробный протокол каждого субботника студии, что едва ли возможно, либо как-нибудь свести данные отдельных заседаний в один общий схематический отчет о работе студии за год в целом.

Следует отметить внешние недостатки журнала: много опечаток; очень плохо сделаны портреты пролетарских поэтов юбиляров; следовало бы изменить рисунок обложки журнала.

Неудачно название журнала: навязчиво-тенденциозно и плохо звучит; лучше бы существительном пользоваться для названия.

Заголовки отделов надуманы, претенциозны и производят какое-то несерьезное впечатление. Хотелось бы больше скромности и деловитости в этих внешних аксессуарах студийного журнала.

Клавдия Лаврова.

«Зори грядущего». Журнал Секции пролетарских писателей при Всеукраинском Литературном Комитете Главполитпросвета. 1922 г. Харьков, № 1.

На сборнике лежит печать идеологической расплывчатости. Весь помещенный в нем материал не является, по видимому, результатом достижений цельного творческого коллектива; спаянного внутренним идеологическим единством, а соединен в сборнике механически, случайно.

Начну со стихов.

Рядом с гимнами победы и силы железного упорства и воли коллектива: «мы зерна новых сил», «радость победы миру открыли» (Е. Чернявский) «мы пламенных заводов след, подвалов темных грозный взвод» (Р. Эйдеман) индивидуалистическая нотка беспомощности:

«Я вышел болезненным в люди
И бродил среди них овцой» (Э. Хазин)

и принятие революции готовой, кем-то сделанной:

«Мне Октябрь залечил мои раны
Моя сила в головы листве» (Э. Хазин).

Рядом с рельефно отчеканенным пролетарским мироощущением уживается мироощущение неясное, чуждое пролетариату:

«Пусть светильник яркой правды с неба,
Пусть зажжет в вас жалости свечу».

Лучшим, наиболее художественно-организованным надо признать следующие стихотворения: «Мельница»—Радугина—довольно удачный ритм трудового процесса. «Как неподвижны, как огромны»—Е. Таршиш, перенесение заводских трудовых процессов в «высоту», где «солнце медленно кончает свой день, исполненный труда», где «клянут и лютуют облака»; стих. «За гранями зима» (М. Хвильовый)—лирика заброшенного в

тихие поля завода: «Из осенней тетрадки»—лирика деревенской осени. Недурен перевод с украинского М. Хвильового «Снег»—В. Соссюры.

Следует отметить упражнения свободным стихом П. Рыжова (Отрывок из поэмы «Сказка»).

В отделе прозы сразу же внимание привлекает повесть «Первая ласточка». Время действия 11—12 год. Содержание повести: неизбежная драма, переживаемая каждым сознательным пролетарием,—драма разрыва со старым традиционным укладом мещанской рабочей семьи, тяжелые муки отречения от прошлого, медленный, но неуклонный рост пролетарско-коллективистического сознания.

Сергей Зорин и Леонид выражают собой две стадии этого роста. Леонид, совсем недавно ходивший в церковь, умилявшийся и плакавший от речей миссионеров, принимает «новую веру» медленно; каждый шаг его вперед сопровождается муками сомнений, тревог, сожалений. Ему еще много нужно понять, многому научиться, не отрицанию от себя, а умению жить, познать себя и других, и саму жизнь.

У Зорина же все это в прошлом. Он сидел в тюрьме. Он закален и не боится уже никаких страданий. Он верит в себя, знает чего хочет. Все для него ясно. Он говорит, между прочим, Леониду: «Постой. Ты спросишь. Мы кричим, зовем, руководим, быть-может, забастовкой; пойдем затем в тюрьмы и все во имя чего. Во имя класса. Мы за него страдаем. За него платимся жизнью. Ничуть. Мы потому так делаем, что хотим лучшего. Мы хотим не только для себя в отдельности, но и для класса, из которого вышли» и дальше:

«Я не отрицаю, что мы пока малочисленны, но хуже всего, если мы только вообразим, что творим ради него—ради многочисленного класса, а он молчит, с трудом воспринимает ясные для нас идеи, что может родить в нас слабость, нить»...

Удачен образ молодого рабочего Стрёмова из разряда слабых, безвольных. Стрёмов сознательно подавил в себе тягу к правде, принятой Зориним и Леонидом, из боязни страданий, неизбежных на долгом мученическом пути его.

Живо написанная повесть захватывает глубиной содержания. Каждому сознательному пролетарию она должна быть особенно близка и понятна.

От маленького рассказа М. Майского «Матрицы» веет своеобразной лирикой типографского труда.

В этюде «Физиология»—В. Стрельниковой,—чувствуется интеллигентский эстетизм, утонченность формы; нежные узоры скользящих настроений, легкие полупрозрачные тона не оправды-

вают такую бытовую современную тему, как брак коммуниста на буржуазной кисейной бабышине.

«Наши раны» — краткая, динамическая панорама боя. Художественность рассказа много теряет от публицистических клякс.

Драматический этюд «Слу-ша-а-ай» П. Рыжова неудачен. Бредовый экстаз заключенных слишком риторичен и вызывает недоумение своей непонятной символистичностью.

Вполне удовлетворяет отдел статей.

Содержательны, живы статьи А. Лейтеса, «Достоевский в свете революции» и «Панлиризм в пролетарской поэзии». Третья статья «О молодой еврейской поэзии» — Л. Балтера.

В общем сборник производит отрадное впечатление и вполне имеет право претендовать на благородного массового пролетарского читателя.

И. Пчелинцев.

«Жизнь». Литературно-художественный и научно-популярный журнал. № 1. М. 1922 г., 224 стр.

Литературно-художественный и проч. журнал «Жизнь» представляет собою образчик одного из тех недоразумений, которые почему-то в настоящее время называются альманахами, сборниками и даже журналами. Подобно игрушечным клоунам, сшитым из тряпок самых разнообразных цветов — красных, желтых, белых, черных и т. д. — они сострепаны из материалов самых противоречивых настроений — от белогвардейских до коммунистических; подобно им — беспомощны; и так же смешны.

В данном случае недоразумение тем более досадное, что затея как будто советская; тем особенно нелепое, что из трех редакторов — одного коллективного и двух индивидуальных — два последних как будто коммунисты, ничего, очевидно, в редакторском деле не понимающие. Достаточно указать, что рядом с т. Луначарским — Ив. Новиков, в сообществе Адалис — т. Вал. Полянский.

Недоразумение это опасно потому, что не единично. Потому, что, очевидно, у известной части наших товарищей как-то стерлась грань между своим и чужим, между рабочим и его врагом. Как будто в литературе мы не видим те же два непримиримых лагеря, что и в политике, что и в экономике; как будто стоит поставить подзаголовок: «Литературно-художественный и научно-популярный», чтобы в одном и том же органе, рядышком, помещались и идеологи пролетариата и представители буржуазной культуры.

И посмотрите, что выходит из этого. В передовой от редакции последняя заявляет: «мировая

война, бурные годы Великой Революции, разруха и всеобщее оскуднение сильно понизили уровень нашей культурной жизни...».

Нашей? Чьей — это нашей? — разрешите спросить. Нельзя ли пояснее? «Мы, по возможности, откроем страницы журнала всем серьезным и жизненным течениям как в науке, так и в искусстве... По возможности... всем... — чей это язык, неужели коммунистов? Неужели рассказ Ив. Новикова о помещицкой дочке и ее женихе, белогвардейском юнкере, приправленный сладковато-кислым пафизмом в... гражданской войне — это течение *жизненное*? Или, может-быть, бездарный рассказ В. Язвицкого (кстати: одного из редакторов) — «У паромы» — это течение *серьезное*? Или, может-быть, Адалис?

Конечно, чепуха. И никакие отдельные «блестящие» и «известные» имена не прикроют убожества журнала в целом.

Кроме того, что журнал убог и смешон, он еще в известной степени вреден, потому что с видом благожелательного «снеца, стоящего на Советской платформе» проводит идеи и мысли, прямо противоположные интересам революции.

Для него, видите ли, «Вестник Литературы», антисоветская физиономия которого достаточно определилась, «выходит в свет искренно радуя своим появлением всех истинных любителей русской литературы» и т. д.

Нужно ли после этого добавить, что библиографический отдел совершенно бесцветен, стараясь услужить «и нашим и вашим»?

Невольно вспоминаешь слова одного из сотрудников журнала: «пахнет терпким запахом мещанства».

Тем назойливее вопрос: при чем тут вы, товарищи, братья-коммунисты?

W.

Свиток, № 1, издательство литературного кружка «Никитинские субботники», М., 1920., стр. 180.

Центр тяжести нового издания, конечно, в историко-литературном и библиографическом отделе. Неравноценный по качеству и интересу материал, все же, в общем, выше многого, прущего теперь на книжный рынок. За это говорят, б. м., имена авторов, но — увы! — эти же имена предопределяют старый субъективно-психологический подход к истории и теории творчества. Этим отмечены все статьи, особенно статьи С. Шувалова — «К поэтике Н. А. Некрасова». Разбирая сравнения, употреблявшиеся Некрасовым, он подходит к ним чисто механически, статистически, и поэтому его выводы неубедительны.

Ибо метод, применяемый С. Шуваловым, может выполнить свою задачу только тогда, когда берется все *творчество в целом*; выхватывая же отдельные элементы, напр., сравнения из общего текста он, понятно, не может воссоздать их эмоционального действия, в связи с другими элементами поэтической речи.

Нельзя согласиться и с некоторыми основными положениями, на основании которых С. Шувалов строит свою статью. Разделяя сопоставления на два типа: 1, когда автор идет от основного предмета к второстепенному, и 2, когда автор идет обратно—от второстепенного к основному (основным, по терминологии С. Шувалова, называется тот предмет, который автор сравнивает с другими, а второстепенным—тот, с которым сопоставляется основной), С. Шувалов утверждает:

«1 тип указывает на то, что поэт предварительно, в начале творческого процесса выбирает определенный предмет для поэтической обработки («основной») и потом уже ищет других предметов и образов, которые помогли бы увеличить его яркость или эмоциональность.

2 тип, напротив, говорит о том, «что случайно подвернувшиеся образы приводят автора к предмету, который и становится основным... Поэтому—то в 1 случае значительную роль в процессе творчества играет интеллектуальный момент, тогда как во 2-м случае этот последний отодвигается на задний план или совершенно заслоняется элементами фантазии и связанного с ней чувства». Утверждение это и слишком упрощено и слишком субъективно, и делать на этом основании хотя бы и осторожный вывод, что «в творчестве Некрасова непосредственное выражение чувств и настроений уступает нередко известной рассудочности и надуманности», явряд ли убедительно.

Очень интересный фактический материал дает статья Н. Бродского—«Творческая история романа «Бесы» (по неизд. материалам).

Что же касается художественно-литературного материала, то за исключением рассказа А. Яковлева—«Мужик», да, пожалуй, рассказа А. Насимовича—«Херувимская», за которую регент собора выдал вальс из оперы «Фра Дявола», остальное никакого интереса не представляет. Из густого тумана мистики можно выделить несколько интересных строчек в стихах К. Лавровой.

Рассказ В. Вешнева, надуманный, а в некоторых положениях совершенно неестественных, основан на ходячем анекдоте. Октябрьские дни в Москве, которые пытается дать автор в своем рассказе и психологически и фактически неверны. Главной силой, приведшей к победе

Московский пролетариат в Октябре ни в коем случае не был бежавший с фронта дезертир; так может писать человек, стоявший в стороне от октябрьских событий, их не переживший. «Исторически (курсив везде наш) *выдавшие оружие*»—неумная фантазия автора, и уж во всяком случае победа не нависла над городом «*радостной, светлой тишины*». Никакой тишины не было—наоборот, тогда только настала самая трудная, кипучая, работа. Было громадное чувство ответственности, подсчитывали жертвы, и не до мистической «светлой тишины» было.

Неестественна ссора офицера с солдатом, неестественна сценка с девочкой и т. д. и т. д.

Выдуманный и никому ненужный рассказ.

Нужно признать, что «Свиток» никому и в целом не нужен, хотя и хочет угодить и нашим и вашим.

Давайте, граждане, уж начистоту—или красное, или белое. А то—ни то, ни се.

Фиделио.

«Творчество», журнал коммунистической культуры, № 7, апрель-июнь 1921 г., изд. Дабюро Ц. К. Р. К. П. Чита, 160 стр.

Журнал «Творчество» поставил себе две крупных цели: во-первых, борьбу с буржуазной культурой и мещанским бескультурьем, и, во-вторых, выявление методов и путей новой, коммунистической культуры. Зачатый и выношенный в условиях Дальневосточной буферной республики, журнал обладает ценнейшим качеством, недостающим в значительной мере у нас: яркой классовой революционностью. Это действительно боевой орган, воюющий, отбивающийся и завоевывающий. Вторая черта журнала—независимость мнения, отсутствие в нем того рабски-авторитарного отношения к признанным мнениям и героям, которое накладывает печать какого-то верноподданничества на многие наши советские издания.

Седьмой номер «Творчества», помимо богатого библиографического и информационного (корреспонденции и хроники из Советской России, из Китая, из Японии и т. д.) материала, содержит в себе высоко-квалифицированный художественный отдел (стихи т. т. Третьякова, Алева, Незнамова и др., рассказы), отделы «За культуру», «К культуре Востока», «Исторические документы» и др.

Центром тяжести в этом номере являются, несомненно, статья тов. Чужака о письме Ц. К. партии о Пролеткультах и его же статья о Маяковском.

Резко возражая Ц. К. и указывая на неправильность занятой им в то время позиции, тов.

Чужак в то же время настаивает на коренном революционизировании всей деятельности Пролеткультов. В другой статье, посвященной разбору «Мистерии—Буфф» (пьеса Маяковского), он совершенно определенно высказывается за футуризм, как за единственное движение, реально отвечающее заданиям октября.

Тов. Чужак пишет: «Футуризм—не искусство... Он—жизнь». И дальше: «Это теория тех, кто хочет, чтобы программа максимум вчера—сегодня уже становилась минимумом».

На этой именно точке зрения и стоит редакция журнала Творчество; в заметке, посвященной героической борьбе Московских культурных новаторов, редакция пишет: «Эра искусничания» миновала,—мы вступаем в новую эру, эру творения *самой жизни*... Мы приветствуем наших друзей в далекой Москве... Веря в творческую мощь класса работников, этого лучшего художника эпохи и единственного нашего указчика, мы верим и в неотвратимость нашей победы».

Я думаю, что сейчас, когда новая экономическая политика заставила пролеткульт заострить свое оружие, здесь, в пролеткультовском журнале, мы можем горячо пожелать товарищам из «Творчества» лучших успехов в том большом деле, которое они в далеком одиночестве мужественно выполняют, стоя на страже революционной пролетарской культуры. Но вместе с тем им необходимо расширить свой диапазон, ибо прославление футуризма, при забвении других новых и очень интересных форм искусства пынче нарождающихся, элементы которых, несомненно, войдут в пролетарское искусство,

может сослужить в дальнейшем «Творчеству» плохую службу. Больше внимания к чисто пролетарскому творчеству, которое упорно идет к *своему* новому.

А. Б.

Ф. Коршунов. Песнь о гибели Киева Москва—1922 года.

Вслед за Есенинским—Пугачевым, в котором вместо исторического лица даны скомпонованные имажинистические стихи, не замедляют появляться книжечки с историческими названиями в еще более несовершенной форме. Вот одна из них: «Песнь о гибели Киева», преподносится со слезами и воздыханиями, где автор добросовестно оплакивает, что:

«Холопская Русь—не воспринет
Не выпрямит выю под плетью...

В «Песни о гибели Киева» исторического ничего нет, за исключением напоминания о дворе Князя Стольного, да нескольких подражательных причитаний на лад народной поэзии и Кольцовских песен.

Уж и плакала, разливалась,
Враньим клёкотом звонко зыкала...

так и слышится—

«Ты не пой косарь,
Про широку степь».

Мак.

Жизнь пролеткульта.

Московский Губпролеткульт.

Со времени возникновения Московского пролеткульта (1918 г.) работа велась им преимущественно вширь. К маю 1919 г. имелась центральная драматическая студия и 11 районная.

С мая 1919 г. обращено внимание на качество, за счет количества, в результате чего число райстудий было сокращено.

С 9 августа того же года центральная драматическая студия выехала на восточный фронт с пьесами «Женитьба», «Игра интересов», давая также концерты. Две агитгруппы работали на южном фронте с репертуаром «Гибель надежды» и «Красная правда».

При польском нашествии в 1920 г. во всех рабочих районах г. Москвы ставилась агитационная пьеса «Пан-Буян».

По возвращении с восточного фронта в Москву 1-й центральной драматической студией были поставлены пьесы «Мститель» и «Невероятно, но возможно». Летом 1920 г. студия объехала Сибирь с тем же репертуаром.

В октябре 1920 г. при московском пролеткульте открылась другая театральная студия, работающая в плоскости театрального синтеза, объединяющего слово, движение и музыку, ритмически и эмоционально.

В январе 1922 г. 1-я центральная драматическая студия слилась с студией театрального синтеза в одну тональнопластическую имени студийца Сидельникова, убитого на кронштадском фронте.

Из работ этой студии следует отметить—коллективную декламацию: «Мятеж» Верхарна, «Пляс» Артамонова, «Бей молотом» Окова, «Мы и Наш марш» Маяковского, шедшие 50 раз, затем «Зачинатели» Уитмена, «Первый луч» Гастева, «Вихрь» Александровского. Не менее 50 раз шли также ритмопластические инсценировки: «Марсельеза», «Экссез», «Гномь», «Этюд

массового действия» из Грига, «Вождь» «Мюзет» и тональнопластическая постановка «Труд».

На перечисленных работах Московский пролеткульт вплотную подошел к разрешению вопроса о предоставлении студийцам самостоятельности в их коллективной работе, применяя соответствующие методы студийной работы.

Что же касается районных студий, то использование наиболее подготовленных студийцев в качестве инструкторов в 1921 г. дало положительные результаты. Райстудии от учебных работ перешли к творческой, но работа все еще тормозится за отсутствием преподавателей по специальным предметам: ритмики, пластики и проч. и текучести студийцев (мобилизация, служебные командировки, переходы в центр).

В области репертуара райстудий произошло в 1921—1922 г.г. существенное изменение. Установилось твердое идеологическое руководство таковым. Вместо Островского, монологов Игоря Северянина и др. введена импровизация, живая газета, агитки, отвечающие моменту (голод, Генуя и др.).

Музыкально-вокальная студия Московского пролеткульта в 1921 г. была реорганизована, при чем в основу ее методологических работ было положено—идти снизу вверх, чутко прислушиваясь к самостоятельной работе студийцев. Из разученного материала следует отметить революционные песни: «Интернационал», «Марсельеза», «Пролетарская дубинушка», «На штыки», «Варшавянка», «Пролетариату», «Первомайский гимн», «Стенька Разин», «Гимн равенства, братства», «Памяти павших» и несколько народных песен в художественной обработке.

Студия ИЗО Московского пролеткульта работает с 1919 г., устраивая ежегодно в Москве по 3 выставки.

Студия принимает участие во всех революционных торжествах и исполняет задания пролетарских организаций (плакаты, портреты деятелей революции, иллюстрации периодических изданий, выпуск альбомов графических работ периодически).

Терентьева.

Районная работа Московского пролеткульта.

В настоящее время Московский пролеткульт объединяет 5 городских клубов: 1) Центральный клуб Печатников, 2) при типографии быв. Сытина, 3) Объединенный клуб Протезного завода и ф-ки Щетинина, 4) Районный Р. К. С. М., 5) Симоновский—районный, и 4 фабрично-заводских пролеткульта в губернии: 1) Подольский, 2) Городищенский, 3) Троицкий и 4) Болшевский.

Прежде всего обращает на себя внимание Симоновский клуб, обслуживающий ряд металлических заводов. В последнем сезоне необходимость создания материальной базы заставила его усилить организационную работу и связаться с Политпросветом. Ему удалось также при помощи союза металлистов тесней связаться с предприятиями (Динамо, Амо, Бари) и с некоторыми усилиями привлечь их к материальному обеспечению клуба. Организационная работа проделана, за исключением рассчитанного на долгий срок процесса объединения всех культурных организаций вокруг этого клуба. При Симоновском клубе имеется крепкая, богатая крупными талантами, драмстудия в 31 человек. Свою деятельность она начала живым участием в общественной жизни: в организации вечеров «помощи голодающим», концертов для местных конференций и революционных торжеств, празднование 1 мая устраивается на открытой площади. В Литературной Студии занимается 26 человек и судя по ходу дела, ее будущее должна стать весьма интересной. Музыкально-хоровая студия по материальным причинам переведена в секцию Р. К. С. М., где ведет крупную работу, особенно оркестр домрачей, единственный в районах Московского пролеткульта. Объем работы клуба, сравнительно с предыдущим временем сократился по вышеупомянутым причинам, проведен целый ряд лекций: по электрофикации, сельскому хозяйству, религии, культуре и проч. Особенное внимание обращено на воспитательную работу среди студийцев. Такое воспитание,—нужно отдать должное руководителям клуба,—проводится с большим успехом.

Следующим по своему интересу идет клуб при типографии быв. Сытина. В начале своей

организации он не подавал больших надежд на укрепление в нем пролеткультовских принципов. И вся его деятельность с 1920 г. до настоящего времени выражалась в противодействии пролеткульту со стороны как отдельных лиц из культкомиссии, так и завкома. В этот сезон пролеткульту удалось поставить работу так, как нет ни в одном другом клубе. Из организационного и идеологического хаоса, которым особенно отличался Сытинский клуб, в настоящее время создано 4 хорошо работающих студии: драматическая из 36 чел., для взрослых и детей из 18 чел., хоровая из 60 чел., изобразительная из 30 чел. и литературная из 55 чел. Работа студий, несмотря на их кратковременное существование, дает осязательные результаты; драматическая студия, усиленно работая над усвоением техники, находит возможность принимать участие в общественной работе. Особенный интерес представляет самая многочисленная литературная студия. Наравне с усвоением истории литературы, эта студия имеет свои инсценированные материалы, которые переданы в драмстудию.

Воспитательная и общеобразовательная студийная работа в этом клубе поставлена широко и протекает нормально. Что касается массовой работы, то она начинает прививаться: так например, число студийцев некоторых студий доведено до максимума и на всех лекциях студий присутствует большое количество посторонних рабочих.

Следующее место занимает объединенный клуб Протезного завода и ф-ки быв. Щетинина. Этот клуб сравнительно молодой. Работа в нем тормозится, главным образом, отсутствием материальных средств.

При клубе имеются две студии: драматическая в 26 чел. и хоровая в 16 чел. Работа студий ведется усиленным темпом. Например, драмстудия за свое короткое существование (с ноября 1921 г.) сумела дать интересную постановку «Фленго» инсц. тов. Плетнева, показав в ней усвоение техники сценического искусства. Предстоящая деятельность клуба намечается по линии привлечения и заинтересования рабочих в кружковые занятия. Одной из практических мер в этом направлении являются товарищеские вечеринки, как средство вовлечения рабочих в культурно-творческую работу.

Позднее других городских клубов образовались: Центральный клуб печатников и участковый клуб Р. К. С. М. Баумановского района.

Центральный клуб печатников организован в начале 1922 г. и работают в нем три студии: драматическая, музыкально-хоровая и литературная. Намечается к открытию студия поли-

графического производства. Одной из ближайших и первых задач составляет правильная организация массовой работы, которая могла бы привлечь рабочих.

Клуб Р. К. С. М. Баумановского района явился опытом работы среди молодежи. Принимая в расчет специфичность работы среди молодежи, клубу был дан соответствующий руководитель и составлен особый план деятельности в нем. Нужно сказать, что этот клуб находится в невероятно тяжелых материальных условиях, ибо он снят со снабжения и Райкомом Р. К. П. и М. К. Р. К. С. М. и Политпросветом. В этом клубе организованы две студии: драматическая и хоровая и политкружок.

Интересной и работоспособной из губернских организаций является Подольский Пролеткульт. Будучи популярным своей серьезной постановкой дела среди рабочих масс, он быстро достиг влияния на остальные культ-учреждения, находящиеся в г. Подольске. На одном из совещаний по вопросу о передаче в ведение Подольского пролеткульта рабочего клуба представитель местного Политпросвета (он же представитель Укома Р. К. П.) предложил взять Пролеткульту руководство всеми клубами, находящимися в городе. Этому есть, несомненно, свои причины. Прежде всего—постановка дела в студиях: драматической, (35 чел.), музыкально-хоровой (25 чел.), литературной (17 чел.), изобразительных искусств (26 чел.) создали замечательную репутацию. Область массовой работы

затронута широко. Лекции, доклады, выставки, спектакли, вечеринки чередуются одно за другим. В связи с объединением с рабочим клубом Подольскому Пролеткульту улыбается перспектива прочной материальной базы, составляющейся из отчислений местных заводов.

Городищенский пролеткульт представляет из себя интерес как со стороны студийной, так и массовой работы. Там имеется 3 студии: музыкально-хоровая, драматическая и литературная. Работает Политшкола. Еженедельные доклады и лекции привлекают большое число рабочих, доходившее до 300—400 чел.

Большевский Пролеткульт представляет большой интерес своей студией Изо и составом Драматической студии, которая вся сплошь состоит из рабочих с большим процентом коммунистов.

Троицкий Пролеткульт, хотя очень слабо снабжается инструкторскими силами из центра, но имеет на месте хороших работников пролеткультовцев, и вся культурная работа там всегда носила строго пролеткультовский характер.

В текущем году удалось прикрепить к важнейшим Пролеткультам в губернии драматических инструкторов из старших студийцев Губпролеткульта. Это сразу подняло на большую высоту и художественную, и общественную работу в местных Пролеткультмах, а посланные туда лектора завершают эту работу.

В общем, работа в губернии дает большие и интересные результаты.

Тульский Губпролеткульт.

Тульский Губпролеткульт, организовавшийся в бурный период денкинской опасности в 1919 г., начал проводить свою творческую работу в чрезвычайно трудных условиях того времени. Руководителей не хватало. Состав студийцев менялся и благодаря этому все достигнутое сметалось, принимаемые планы работ не выполнялись.

Но, несмотря на всю трудность работы, достигнуто все же не мало. При Пролеткульте существует в настоящее время 4 самостоятельных отдела: театральный, музыкально-вокальный, литературный и изо.

При театральном отделе 4 февраля 1919 г. была организована драматическая студия, в которую входило 100 студийцев, в большинстве из рабочих.

В середине 1919 г. из студии была выделена рабочая драматическая группа.

С февраля 1920 г., когда миновала гроза денкинского нашествия, работа в студии достигла наивысшего подъема.

Из общего состава студии были выделены наиболее способные товарищи, сняты с работ на заводах и переведены на государственное иждивение, в результате чего студия дала ряд выдержанных в художественном отношении спектаклей, как в городе, так и в губернии. С августа по октябрь 1920 г. студия получив задание выехать на белопольский фронт, в течение этих трех месяцев дала 30 спектаклей, прошедших с подъемом.

В январе 1921 г. рабочая драматическая студия открыла свой пролетарский театр, пьесой т. Поморского «Солнечный луч», которая в течение января и февраля шла 16 раз под ряд с одинаково большим подъемом рабочей аудитории.

Во второй половине 1921 г. постановлением Губисполкома Тульскому Пролеткульту был предоставлен народный дом, ремонт которого к празднеству 4 годовщины Октябрьской революции был закончен и театр открыт был поста-

новой пьесы «Лена» тов. Плетнева, которая шла до 17 раз. Кроме того, ставились пьесы: «Раб»—Арского, «Каменщик»—Бессалько, «Не ходи»—коллективный труд Рыбинского Пролеткульта.

В настоящее время при рабочем театре организованы мастерские декоративные, костюмерные и проч., научно-просветительный кинематограф и библиотека.

Музыкальная студия Тульского Пролеткульта, кроме разучивания хором отрывков из опер и разных песен организовала бюро Музыкальных исканий, при чем записаны и обработаны разные песни и мелодии. В 1920—1921 г. написана музыка «Наш пролог»—Гастева, «Мы посягнули»—его же и «Марш Красной армии» на слова Рублева (муз. Поломского), «Гимн Кр. армии» (муз. Морелли), разучена соната «Рабочий Дворец» на слова Поморского, поставлена опера «Мельник, колдун, обманщик и сват», шедшая с успехом.

В части изобразительной—Тульский Пролеткульт принимал участие в декоративировании города ко дню 1 мая, устраивал художественные выставки, при чем некоторые экспонаты были посылаемы в Ц. К. Пролеткульта.

Тульский Губпролеткульт обслуживает фабрично-заводские Пролеткульты при оружейном и патронном заводах и железнодорожный. Кроме того, намечены к открытию Пролеткульты в Бобрике и Щекине.

При Пролеткульте на оружейном заводе, насчитывающем у себя 18.000 рабочих, имеются студии театральная, музыкальная, изобразительная и литературная. Состав студийцев—рабочие по преимуществу. Занятия посещаются студийцами весьма охотно.

На патронном заводе работает 11.000 рабочих, работа ведется в области изобразительной и музыкальной. Студии многочисленные.

Железнодорожный Пролеткульт находится в организационной стадии.

Выпрямление пролеткультовской линии по указанным фабрично-заводским Пролеткультам ведется энергично.

Между ними и Губпролеткультом установлена тесная связь: в состав президиума Губпролеткульта входят два представителя от оружейного и один от патронного заводов.

Тульский пролетариат охотно идет в Пролеткульты и тем самым показывает жизненность пролеткультовских организаций.

Рыбинский Пролеткульт.

Пролеткульт существует 2 года и обслуживает промышленный пролетариат губернии, объединяющий до 30.000 рабочих, из коих преобладают, главным образом, металлисты, текстильщики, деревообделочники, железнодорожники и водники. Рабочие фабрик и заводов губернии территориально представляют из себя компактную массу, что представляет большое удобство для работы.

В настоящее время работают театральная, музыкальная и изобразительная студии, литературной же студии, как таковой, не имеется, но эта работа среди отдельных товарищей все-таки ведется. При Рыбинском Пролеткульте имеются также детский Пролеткульт и два рабочих клуба. Во всех студиях Пролеткульта введено преподавание политграмоты.

Продуктом коллективного творчества студийцев Пролеткульта является пьеса «Не ходи», о которой имеются положительные отзывы; выпущено несколько номеров сборника «Детский Пролеткульт». Рыбинским Пролеткультом было устроено 4 периодических показательных вы-

ставки в г. Рыбинске, 2 отчетных в Москве, 1 пловучая на барже и 1 в Вельегонске.

По отзыву местного губкома Р. К. П., «если рассматривать эти выставки в хронологическом порядке, то можно убедиться, как постепенно, с большими трудностями, студии овладевали мастерством, постепенно расширяя свои художественные вкусы и запросы и, не довольствуясь формами буржуазной живописи, нащупывали новые пути в изобразительном искусстве».

Нельзя сказать, что работа Пролеткульта ограничивалась четырьмя стенами. При организации различного рода недель, праздников и т. п., как губкомом, так и губпрофсоветом, Пролеткульт принимал активное участие в них, обслуживая постановками, писанием плакатов и т. п. на соответствующие темы.

В итоге выше охарактеризованной деятельности можно сказать, что Пролеткульт вырос за три года существования в крупную, спаянную товарищеской солидарностью, рабочую культурную организацию.

Пролеткульт, Губком и Губпрофсовет повидимому, нашли общий язык.

В. Д.

Тверской Губпролеткульт.

Тверской губернский Пролеткульт существует с марта 1919 г. За три года своей жизни он сумел окрепнуть и завоевать определенное положение среди пролетариата гор. Твери. Пролеткульт стал объединяющим центром культурной жизни местного пролетариата.

В настоящее время Пролеткульт обедуживает своими силами рабочие районы: Морозовскую фабрику, Береговскую и Снаряжательный завод, имеющих более 45.000 рабочих. Из них преобладают, главным образом, текстильщики.

В первый период деятельности Пролеткульта велась внутренняя — студийная работа, и Пролеткульт не играл той видной роли, которую занял теперь, после того, как выделился театральный коллектив, который сумел показать свои достижения за двухгодичный срок упорного методического труда.

Театральным коллективом поставлены на указанных фабриках и заводах следующие пьесы: «Зори Пролеткульта» инсценировка В. Игнатьева, «Гибель Надежды» — Геерманса, «Фленго» и «Мститель», — инсценировки В. Плетнева, «Марат» — Ампуэля, «Ткачи» — Гауптмана и целый ряд самостоятельных инсценировок.

На последней конференции Тверского Пролеткульта, состоявшейся в декабре 1921 г., завязана крепкая связь с Культ-отделом Губпрофсовета. Последним проведено постановление о передаче всей клубной работы профсоюзов Твери в ведение Пролеткульта. Рабочие фабрик и заводов были также на стороне Пролеткульта.

Теперь налажена постоянная связь с Культ-отделом Губпрофсовета путем взаимного представительства и участия Пролеткульта в клубной работе.

Завязана также связь с текстильным трестом, который оказывает Пролеткульту некоторую материальную поддержку.

Кроме театрального коллектива в настоящее время работают студии: музыкальные, открытые при фабриках, класс рояля, в каковые принимаются исключительно дети рабочих, ставя целью воспитать их в пролеткультовском духе. При Музо организованы хор и оркестр домростов.

Студия «Изо» также состоит из рабочих подростков. В студии организации находится плакатная мастерская.

Во всех студиях введена политтрамота и общеобразовательные предметы, что сплачивает в одно целое все специальные студии.

Тверской Пролеткульт в уезде имел четыре Пролеткульта, но пленумом Ц. К. Всероссий-

ского Пролеткульта от 2—5 февраля 1922 года закрыты Пролеткульты в Торжке и Осташкове, вследствие недостаточности данных государством финансовых и материальных ресурсов и утверждены лишь два фабрично-заводских Пролеткульта: в Кузнецовске при фарфоровой фабрике и в Ржеве, обслуживающем текстиль, как наиболее правильно и интенсивно ведущих культурно-творческую работу. В Кузнецовском Пролеткульте мало преподавателей-спецов, а потому вся работа студий построена по принципу самодеятельности. В данное время при нем функционируют отделы «Тео», «Музо» и «Изо» и студия лепки.

Ржевский Пролеткульт является базой для культурно-творческой работы всего местного пролетариата: двух льнообделочных фабрик, одной прядильной, двух маслособойных заводов, лесопильного завода, фабрики колодок, типографии и рабочих металлистов — депо двух железных дорог.

После двухгодичной студийной работы Пролеткульт смог выделить театральный коллектив из студийцев, выработавшихся в рабочих актеров.

Но, к сожалению, Пролеткульт не имеет своего театра, к тому же из-за отсутствия средств не было возможности снять студийцев с работ на фабриках и заводах, а потому Пролеткульт пользуется театром уотнароба, и актеры-пролеткультовцы после рабочего дня снимают блузу и одевают театральный костюм. В репертуар Ржевского Пролеткульта входят пьесы: «Гибель Надежды» — Геерманса, «Марат» — Ампуэля, «Фленго» — инсценировка В. Плетнева, «Октябрь» — коллективная инсценировка-импровизация по Верхарну.

Музыкальным отделом организован хор, который в своем репертуаре имеет русские народные песни, революционные песни и ставит оперы-импровизации, созданные из старинных русских обрядовых песен. При «Музо» работают три фортепианных студии, где учатся исключительно дети рабочих.

Студия Изо из рамок студийной учебной работы перешла на производственный план — пишет по заказу уездкома Р. К. П., Р. К. С. М., профсоюзов, политпросвета — плакаты лозунги, работала по росписи красноармейских казарм ко дню «Красной казармы», пишет декорации и эскизы костюмов для «Тео».

Центр тяжести всей пролеткультовской работы брошен сейчас на организованную научную студию, в которой научно разбираются

и разрабатываются вопросы: трестирования индустрии, знакомство с крупной промышленностью Р. С. Ф. С. Р., а также вопросы проблемы философии и психологии творчества в свете революционного марксизма и коммунистической идеологии.

Ведется углубленная работа по изучению экономических дисциплин и по приобретению методических навыков на детальном рассмотрении проблем международного хозяйства.

Нельзя обойти молчанием ряд детских студий: Изю, Музо и театральной, которые имеют большие достижения в своем детском творчестве. Изю была устроена выставка детского творчества, привлекавшая внимание своими непосредственно горячими, яркими красками. Театральная студия имеет свой репертуар, а следовательно и дети рабочих на фабриках и заводах имеют свой театр. Юные пролеткультовцы не пропускают ни одного праздника и несут свои пьесы на фабрики к своим маленьким

братьям и сестрам. Были поставлены следующие пьесы: «Злой Галл», «Дедушка и внучек», «Али-нур», «Майская ночь» — по Гоголю.

Во всех студиях введены общеобразовательные предметы и политграмота. Среди студийцев необходимо отметить заметный рост пролеткультовского сознания, выработанный принцип самостоятельности и крепкую товарищескую сплоченность, благодаря которой Пролеткульт и может работать, несмотря на крайне тяжелое материальное положение.

В общем, резюмируя краткое обозрение Тверского Пролеткульта и его уездов, можно сказать, что за три года своего существования он вырос в мощную культурно-творческую пролетарскую организацию и он стоит того, чтобы местные организации, как Губпрофсовет, Губком Р. К. П. и Губполитпросвет стали на страже интересов этого очага истинно пролетарской культуры.

4-ая Московская Губконференция Пролеткультов.

6-го мая в Красном Зале Дома Союзов прошла под председательством т. Плетнева 4 Губконференция Московского Пролеткульта. Вопросами конференции явились доклад т. Плетнева «О методах и формах работы Пролеткульта» и доклад т. Додоновой о работе Московского Пролеткульта. Конференцию приветствовал т. Димант от имени Культотдела М. Р. С. П. С., указавший на сближение Пролеткульта и Профсоюзов в их культурной деятельности.

Доклад тов. Плетнева.

Работа Пролеткульта расширяется и поэтому вопрос о методах и формах его товарищеской работы должен быть поставлен в первую очередь. Творческую самостоятельность и коллективизм творчества, как принципы, мы сохраняем и теперь, но тактику свою мы должны изменить. К этому побуждает целый ряд условий текущего момента, в частности Н. Э. П. Русский пролетариат в известной степени деклассировался, ослабел от морального и физического истощения; новая буржуазия подрастает, стремясь принять новый американский вид; крестьянство выдвигает своих идеологов. И это наряду с тем, когда в строительстве новой жизни необходима особенная чистота и твердость классового самосознания пролетариата. Можно пожалуй сказать, что до сих пор мы боролись за право на творчество жизни, самая же революция

жизни во всех ее глубинах начинается только теперь.

Процесс нарастания против нас буржуазного фронта не явление только российского туземного характера, но является результатом работы мировой противодействующей силы, поэтому и наша работа не должна быть шире российского масштаба. Западно-европейский пролетариат начинает ставить нас в пример для себя (в Италии уже имеются свои Пролеткульты). Культурное движение в низах идет в своем нарастании усиленным темпом. И для того, чтобы занимать руководящую позицию в культурной работе, также как и во всех областях революционного творчества, это явление мы должны учитывать самым строгим образом. Масса ищет глубокого научного знания. Нам нужно создать встречное движение сверху, подымая ее до себя. Какими же методами можно подымать массу на более высокую ступень. Перед союзами стоит задача поднятия классового самосознания пролетарской массы. В данный момент классовое сознание пролетариата необходимо должно быть пополнено новым элементом производственного сознания. Рабочий стал работником не частичного, а государственного предприятия. Он не только механическая единица, но создающий новые условия, хозяин жизни. Вот этого-то производственного сознания у наших товарищей зачастую нет. Нет сознания, что они являются частью коллектива по созданию общественного производства, борцами с ка-

питализмом своим трудом у станка. Этим и определяются в огромной степени методы нашей работы. В области науки мы должны дать знания, и давая их до сих пор пользуемся старыми методами. Мы не подумали еще о таком задачнике, в котором задача строилась бы на практике, на действительных жизненных фактах. В профтехническом образовании у нас наблюдается уклон излишней специализации без знакомства вообще с экономикой. Мысль рабочего должна идти дальше его станка, распространяться до мирового масштаба. Необходима монистическая форма построения учебных программ. Нужно, чтоб от ряда лекций по экономике у товарища получалась полная и ясная картина мирового хозяйства. В этом отношении великолепно можно использовать даже и экскурсии на фабрики, заводы и пр.

Искусство является очень большим подсобным орудием в нашей общей борьбе с капитализмом и отрицательное отношение к нему многих товарищей неправильно. Возьмем театр. Здесь нужно, кроме накапливания собственных творческих сил, создать условия, чтобы пролетарская масса была изолирована от чуждых ей элементов буржуазной культуры. Мы, подбирая материал, должны самым тщательным образом расценивать с точки зрения нашей идеологии. У нас расширяется работа декоративной мастерской. Изобслуживает наш театр декорациями и костюмами. Силы есть, нужно только их использовать. В изобразительной работе, как и в театре, мы переходим от узкой культурно-творческой работы к культурно-просветительной. Силы есть, нужно их использовать в более широком масштабе.

В области литературы произошла печальная вещь. Наши литстудии слабо реагировали на жизнь. Они замкнулись в узко-лабораторную работу. Но мы и здесь уже изменяем метод своей работы: расширяем программы своих журналов, давая ответ на целый ряд вопросов, волнующих сейчас пролетарскую массу.

В области музыки предстоит еще долгая работа, чтобы внести в нее что-нибудь революционизирующее сознание. Трудовой ритм здесь должен быть использован.

Нужно обратить внимание на физическую культуру, но не под углом спортсменской точки зрения, а создания гармонического развитого человека.

Вот путь, который мы намечаем. Мы должны созвать целый ряд совещаний с Культотделами Профсоюзов, для совместной разработки вопросов по всем видам искусства. Работа должна быть сосредоточена в едином центро клубе, где мы должны построить опытные лаборатории и

давать там то, что обстоятельно и всесторонне обдумано и проверено.

В заключительном слове т. Плетнев, не отрицая многих недостатков Пролеткульта, указал, что это общее положение; наши рабфаки и университеты недостатков имеют не меньше.

Между тем многие представители западноевропейского Пролеткульта глубоко и серьезно оценили практическое достижение Пролеткульта. Недаром у нас, когда нужно что-нибудь сделать для рабочих и для гостей с Запада обращаются только в Пролеткульт.

Резолюция по докладу.

«Заслушав доклад т. Плетнева о методах и формах работы Пролеткульта, конференция целиком одобряет намеченные докладом положения и поручает вновь избранному президиуму приступить к их дальнейшей разработке и практическому осуществлению».

Работа московского пролеткульта.

С отчетным докладом о работе Московского Пролеткульта выступает т. Додопова.

Предыдущая конференция дала Московскому Пролеткульту директивы: установить связь с массой, профсоюзами, охватить и руководить всей культурно-творческой работой среди рабочих. Это удалось осуществить только частично. Все наши попытки взять в свои руки культурно-теоретическую работу разбивалось о противодействие Отд. Нар. Обр. Представительство Профсоюзов было пассивное. Устанавливалась точка зрения, что все сделает центр. Критическое отношение к Пролеткульту отсутствовало. Отсутствие твердой финансовой базы было третьей причиной срыва нашей работы. Государство отпускает до крайности мало. В результате с 14 Пр-тов по губернии в течение этого года пришлось сократиться до 3-х; с 10 клубов до 5. По финансовым соображениям выступления студийцев пришлось сделать платными и значительно сократить.

Полезность Пролеткульта теперь признана многими, даже Московским Советом. Ц. К. Р. К. П. считает Пр-т своим боевым отрядом. Многие поняли, что ставка на культурного рабочего лучше, чем на спеца. Интересно отметить попытку Пр-та перейти на хозяйственный расчет эксплуатации «Эрмитажа». Но, несмотря на ходатайства профсоюзов, Моссовет Эрмитаж отобрал и чем возместит неизвестно. Работа студийцев проходила в весьма тяжелых материальных условиях. За пять последних месяцев было 35 выступлений в организациях.

не считая 2 обязательных в неделю в рабочем клубе.

Лекций за это время было прочитано 612. Из них в центре 432, в районах 115 и в губернии 65. В среднем 153 лекции в месяц. Всего студийцев за отчетное время числилось 1127. Из них рабочих: 67,5%, детей рабочих—27% и прочих—6,5%. По партийности—10% коммунистов,—20,7% членов Р. К. С. М. и 69,3% беспартийных. Число в центре было 136, в клубах—811 и вне клуба—180. Все студии прошли политграмоту. Центральные студии объезжали во время войны фронт и крупные рабочие районы. Работа была очень продуктивна. После поездки Пр—ту посыпалась масса предложений дать инструкторов, указания и т. д. Две группы в прошлом году ездили в качестве инструкторов. Изю была на Алтае. Отделами Московского Пр—та проделана большая методологическая работа. В план дальнейшего должно войти идейное и методологическое руководство, практической работой. Мне мыслится целый ряд конференций по отдельным отраслям работы. Все наши программы надо напечатать и дать на места. Наша декоративная мастерская может обслуживать художественную работу Профсоюзов. Необходимо установить контроль над спецами на местах и подготавливать своих инструкторов. При организации научной студии губерния будет иметь несколько мест. Поступление в студию не должно носить неорганизованного характера. Профсоюзы должны сами командировать товарищей.

Резолюции по докладу.

Единоголосно принимаются предложенные т. Плетневым резолюции. Резолюция по докладу: «Заслушав отчетный доклад Президиума Московского Пролеткульта, конференция констатирует: 1) что Московским Пролеткультом за отчетный период, несмотря на ряд препятствий, проделана серьезная практическая и в особенности методологическая работа. 2) Одобряя намеченную в данный момент Пролеткультом линию на связь его с профсоюзами и расширения его работы за рамки культурно-творческой и приветствуя готовность профсоюзов идти по этому пути, конференция призывает т. т. пролеткультовцев и т. т. из Профсоюзов приложить все усилия к проведению в жизнь пролеткультовских методов и практических форм культуры. 3) В интересах единства линии работы с профсоюзами и координации сил, конференция считает необходимым сосредоточение методологического и идеологического руководства культ-

работы Профсоюзов в части, возлагаемой на Пролеткульт, в этом последнем, как в едином центре.

Резолюция об отобрании Эрмитажа: «Конференция, ознакомившись с фактом отобрания Моссоветом у Пр—та владения «Эрмитаж» и сдачей его в аренду частным предпринимателям, констатируя, вместе с тем, чрезвычайно тяжелое материальное положение студийцев и его работу вообще, считает тактику Моссовета в данном вопросе ошибочной, наносящей пролетарской культуре разрушающий удар. Считаясь с необходимостью не прерывать, а, наоборот, усилить работу Пр—та, в виду расширения масштаба работы, согласно постановлениям конференции культотделов М. Г. С. П. С. и объединенной конференции Пр—та и культотделов производственных союзов, конференция обращается к Моссовету с просьбой о неперемнной поддержке Пролеткульта, как предоставлением ему театрального помещения, достаточного для развития работы 1-го рабочего театра и других его студий, а также оказания материальной помощи, компенсирующей его за потерю доходности, имевшей быть от владений «Эрмитаж», конференция просит т. т. представителей профсоюзов поддержать Пролеткульт при прохождении вопроса в президиуме Московского совета».

Перевыборы президиума.

Конференцией производится перевыборы президиума Московского Пр—та. Избранными оказываются:

Члены:

Иванов (от металлстов).
 Даммент (от культотдела М. Г. С. П. С.).
 Ломский (от печатников).
 Лукин (от Моск. Пр—та).
 Благодравов
 Додонова
 Григорьев (от Московского Пр—та).
 Туманов
 Владимиров

Кандидаты:

Антонов (от пишевииков).
 Рабинович (от текстильщииков).
 Серебренников (от культотдела М. Г. С. П. С.).
 Крисцов (от Московского Пр—та).
 Краснуковский
 Гинзбург
 Сухов
 Кан

2-я Культконференция М. Г. С. П. С.

Одновременно с 4-й Губконференцией Пролеткульта 4-го мая с. г. происходила 2-я Губернская конференция культотделов Моск. Губ. Сов. Профсоюзов. Докладчиком по вопросу о Пролеткульте, его работе и его взаимоотношениях с Профсоюзами выступил тов. *Плетнев*. По докладу принята резолюция, определяющая позицию Пролеткульта в данный момент и форму взаимоотношений Пролеткульта с Профсоюзами.

Приводим эту резолюцию деликом:

Резолюция по докладу тов. Плетнева.

«Задачи пролеткульта в современных условиях и культура профсоюзов».

1. Учитывая возрождение капиталистических тенденций (частью капиталистического предпринимательства, аренды, концессий и проч.) конференция констатирует, что пролетариат сейчас стоит перед, несомненно, крепнущим идеологическим фронтом буржуазии. Этот фронт находит свое конкретное выражение, во-первых, в литературе, во-вторых, в разложении театра и в общих линиях на реставрацию старой идеологии.

Помимо чисто идеологических вопросов, на буржуазном фронте крепнут попытки возрождения буржуазной практики и методов идеологической обработки масс в области всех вопросов экономики и общественности.

Все эти тенденции грозят нам разложением классового самосознания пролетарских масс и обязывают профсоюзы к энергичному укреплению среди пролетарских масс идеологии революционного марксизма.

2. Требование момента сталкивается с чрезвычайно ослабленной, порою сошедшей на-нет, за недостатком средств, а отсюда и сил—работой государственных органов, Наркомпроса и Главполитпросвета. На Профсоюзы, в силу создавшихся условий, ложится вся тяжесть практической культурной и политико-просветительной работы. Из органов идеологического влияния и контроля они превращаются в органы практического осуществления. Это обстоятельство ставит перед боевыми пролетарскими классовыми организациями—Профсоюзами и Пролеткультом—задачу органической связи, координации своих действий и сил в культурно-творческой и культурно-просветительной работе, и практическом осуществлении ее своими силами и средствами, что подчеркивается, как чрезвычайной

чайной стесненностью в материальных средствах, так и необходимостью сокращения аппарата практической культуры.

Учитывая, что Пролеткульт, ставивший себе культурно-творческие задачи и уклонявшийся от расширения своей работы до масштаба массовой, вынуждается общими условиями к видоизменению своей политики по линии расширения своей работы в плоскость культурно-просветительную, не стремясь вместе с тем от своих собственных культурно-творческих задач, конференция считает, что задачи Профсоюза и задачи Пролеткульта в данный момент и при данных условиях в определенной части их работы совпадают, создавая основную предпосылку к органической связи практической работы Пролеткульта с Профсоюзами.

3. Конференция, полагая, что четырехлетний идеологический организационный и методологический опыт работы Пролеткульта может служить серьезной опорой в культуре Профсоюзов, считает возможным проводить совместно с Пролеткультом свою внешкольную работу на основах его методологических и идеологических принципах, установив в частности следующие формы связи Культурганов Профсоюзов с Пролеткультом:

а) разработка всех вопросов внешкольной работы сосредоточивается в Пролеткульте, который должен являться для Профсоюзов научно-методологическим центром. При нем созываются конференции, совещания и создаются комиссии по разработке методов и форм внешкольной культуры,

б) наряду с этим Московский Пр-т организует совместно с К. О. М. Г. С. П. С. издательство по вопросам культуры среди пролетариата,

в) в Московском Пролеткульте сосредоточивается систематическая работа по подготовке культработников.

4. Так как Пролеткульт принужден в силу указанных положений, приспособлять свой аппарат к новым условиям работы и масштаб своей работы расширить от крупных предприятий индустриальных союзов до периферии средней и мелкой промышленности, то организационные формы объединения установить следующие:

а) Культотдел М. Г. С. П. С. органически входит в работу Пролеткульта, вводя своих представителей в его руководящие органы в числе 5 чел. (3-х в Президиум и 2-х кандида-

тов), выбираемых на общесоюзной культконференции,

б) всю свою работу Московский Пролеткульт проводит по союзной линии через Культотделы Союзов, которые таким образом согласуют свою деятельность с общими принципами и директивами Пролеткульта,

в) в промышленных уездах, где явится необходимость и есть средства создаются уездные Пр-ты, объединяющие свою работу с уездными профессиональными организациями на тех же основаниях,

г) финансирование работы фабрично-заводских учреждений Пр-та проводится через прикрепле-

ние всех культучреждений Пролеткульта к предприятиям и лежит на обязанности соответствующего союза,

д) уездные и губернские пролеткульты материально поддерживаются Губпрофсоюзами.

5. Конкретные формы разграничения практической работы между Пролеткультом и Губполитпросветом поручается установить коллегии К. О. в процессе практической работы.

Редакция: Редакционная коллегия.

ИЗДАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО И МЕСТНЫХ ПРОЛЕТКУЛЬТОВ.

Имеется в продаже:

А. ПОЭЗИЯ.

1. В. Александровский. Восстание.	16. А. Крайский. Улыбки солнца.
2. " Рабочий поселок.	17. И. Кузнецов. Стихотворения.
3. " Север.	18. С. Обрадович. Взмах.
4. П. Арский. Песни борьбы.	19. И. Отсоли. Стихотворения.
5. Я. Бердников. Цветы сердца.	20. Н. Полетаев. Стихи.
6. Б. Богомолов. Стихотворения.	21. А. Поморский. Цветы восстания.
7. А. Гастев. Поэзия рабочего удара.	22. Семен Родов. Перебежка зарниц.
8. Мих. Герасимов. Завод весенний.	23. " В урагане.
9. " Монна-Лиза.	24. Н. Рыбачий. На светлый путь.
10. " 4 поэмы.	25. Илья Садофьев. Динамо-Стихи.
11. Ефремов (Горемыка). Песни солдата.	26. Самобытник (А. Маширов). На перевале.
12. Вл. Кириллов. Железный мессия.	27. " Под красным знаменем.
13. " Зори грядущего.	28. Е. Тарасов. Стихотворения.
14. В. Князев. Дети города.	29. Н. Тихомиров. Красный Мост.
15. " О чем пел колокол.	

Б. ПРОЗА.

30. П. Арский. Кровь рабочего. Рассказы.	43. А. Ермаков. Рассказы.
31. " Метла революции. Рассказы.	44. Кий. Рассказы.
32. П. Бессалько. Катастрофа. Роман.	45. А. Крайский. То, что было. Рассказы.
33. " Бессознательным путем. Роман.	46. К. Лопатин. Рассвет. Рассказы.
34. " К жизни. Повесть.	47. С. Малышев. К свету. Повесть.
35. А. Веснина. Завидное житье. Рассказы.	48. В. Плетнев. Андрейкино горе. Рассказ.
36. " Малые маяки. Рассказы.	49. " Золото. Рассказы.
37. В. Вешнев. Пленные. Рассказы.	50. " На тихом плесе. Рассказы.
38. Мих. Волков. Летропикация. Рассказы.	51. В. Полов. Рассказы.
39. " Червяк. Рассказы.	52. Н. Рабочих. Силуэты.
40. Мих. Герасимов. Цветы под огнем.	53. Н. Рыбачий. На молотах. Рассказы.
41. Грошик. Рассказы.	54. Илья Садофьев. Окровавленная лестница.
42. " Рассказы. Книга вторая.	55. А. Чапыгин. Очарованные. Рассказы.

В. ПЬЕСЫ.

56. Б. Арватов. Мексиканец.	64. З. Невский. Накануне.
57. П. Арский. За краси. Совет.	65. В. Плетнев. Лена.
58. П. Бессалько. Каменьщик.	66. " -Мститель.
59. Мих. Волков. Господь спит.	67. " Невероятно, но возможно.
60. В. Игнатов. Зори Пролеткульта.	68. " Прозрение.
61. В. Игнатов. Свадебная вечеринка.	69. " Стачки.
62. Ф. Киселев. О штучках поповских.	70. " Фленго.
63. В. Князев. Фабрикант и рабочий.	71. Л. Покровский. Его сиятельство.
	72. И. Ясинский. Последний бой.

Г. ПО ВОПРОСАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ТЕАТРА И ЛИТЕРАТУРЫ.

73. Ф. Калинин. Идеология пролетариата.	77. В. Полянский. О пролетарской культуре.
74. " Пролетариат и творчество.	78. В. Фриче. Очерки развития западно-европей-
75. П. Каржанский. Коллективная драматургия.	ской литературы.
76. Вал. Смышляев. Техника обработки сцениче-	
ского зрелища. 2-ое дополн. изд. т. I и II.	

Печатаются:

Яков Певцов — Гандурина, пьеса.
Наука и рабочий класс — Калинина.

Чтец-декламатор, из пролетарских революцион-
ных произведений.
Твори — сборник 1-й — стихи и проза.

Издания Пролеткульта высылаются по присылке денег или наложенным платежом во все города
республики и за-границу.

Рабочим и партийным организациям, учебным заведениям скидка.

Склад издания: Москва, Воздвиженка ул., 16.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

„ГОРН“

ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО и МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТОВ.

Год издания 5-й.

Постоянные отделы журнала: 1) Художественная литература. 2) Вопросы культуры. 3) Экономика и общественность. 4) Наука и труд. 5) Профессиональное движение. 6) Вопросы искусства. 7) За рубежом. 8) Критика и библиография. 9) Жизнь Пролеткультов. 10) Хроника.

К сотрудничеству в журнале приглашены: В. Александровский, Б. Арватов, А. Архангельский, Н. Афрамеев, В. Базаров, М. Волков, М. Герасимов, Р. Гинзбург, Г. Горбачев, С. Григорьев, Ю. Добрынин, С. Долных, А. Дорогойченко, И. Доронин, Н. Жуков, С. Зандер, А. Запольский, И. Ильин, В. Казин, И. Кан, К. Кекчев, В. Кириллов, Ал. Кречетов-Волжский, Б. Кушнер, К. Лаврова, И. Левенсон, Н. Ляшко, А. Макаров, А. Неверов, Е. Нечаев, П. Низовой, А. Новиков-Прибой, С. Обрадович, К. Озоль-Преднен, Р. Пельше, В. Перцов, М. Пиолунновский, В. Плетнев, Н. Полетаев, М. Полин, И. Пчелинцев, С. Родов, Г. Санников, А. Сидоров, И. Сидоров, И. Смирнов-Жига, В. Смышляев, А. Соколов, И. Соколов, Н. Степной, И. Трайнин, В. Файдыш, Н. Чемоданов, И. Шершне, Ф. Шкулев, С. Шихов, Б. Юрцев, П. Яровой.

Адрес редакции и конторы: Москва, Воздвиженка, 16. Тел. 57-40.

ВЫШЕЛ и ПОСТУПИЛ в ПРОДАЖУ 3-й НОМЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖУРНАЛА

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

органа Ц. К. Р. К. П. и Ц. К. Р. К. С. М.

В журнале помещены рассказы:

А. Дорогойченко „Инстинкт“, П. Низового „Язычники“, Н. Соколова „Батарейцы“.

Стихи

В. Александровского, А. Жарова, В. Кириллова, С. Родова, П. Орешина и П. Щелканова.

Статьи и заметки.

Д. Авербаха, В. Адоратского, М. Блюменфельда, инж. Васильева, Ил. Вардина, инж. Виноградова, проф. Завадовского, П. Лепешинского, М. Павловича, М. Покровского, С. Родова, инж. Свенчанского, В. Старикова, С. Срединского, Ал. Столяцкого, О. Тарханова, Л. Шапкина, П. Ярового, Е. Херсонской и др.

Рисунки художников.

Дени, Львова, Мартынова, Фридберга и др.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 150 руб. обр. 1922 г.

Организациям и членам Р. К. С. М. при покупке или подписке через контору—скидка.

Можно выписывать наложенным платежом.

Адрес редакции: Москва, Воздвиженка, д. 9, комн. 21. Тел. 1-05-27, 28, 29, 30, добав. 17.

Адрес конторы: Москва, Никольская д. 5, магазин „Жизнь и Знание“.

ВСЕ ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ в КОНТОРУ.

$\frac{1135}{155}$

1922

w 1 (6)

(M/Φ)

Шк w 1